

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ульяновский государственный педагогический
университет имени И.Н. Ульянова»

С. Д. Поляков

Орбиты и пространства.

***Психология и педагогика:
идеи, люди, образы***

Часть вторая
Люди и образы

Ульяновск
2022

УДК 37.015.31
ББК 88.8.
П 54

Печатается по решению редакционно-издательского
совета ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова»

Рецензенты:

Е. А. Александрова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой методологии образования Саратовского национального государственного исследовательского университета им. Н. Г. Чернышевского.

И. В. Вачков, доктор психологических наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета.

П 54 Поляков С. Д. Орбиты и пространства. Психология и педагогика: идеи, люди, образы: в 2 томах / С. Д. Поляков. – Ульяновск: УлГПУ, 2022.
ISBN 978-5-907216-70-9
Часть вторая. Люди и образы: научно-практическая монография. – 251 с.
ISBN 978-5-907216-81-5

В книге в двух частях представлены наиболее значимые работы автора за последние 30 лет, в частности теоретические тексты; практические, научно обоснованные, авторские разработки в сфере школьного воспитания, в преподавании психологии, в консультировании инновационной деятельности образовательных организациях. Во второй части книги научно-практические тексты дополнены психологическими портретами видных деятелей советского и российского образования конца 20 – начала 21 века, с кем в своей научной и практической деятельности взаимодействовал автор. Завершают книгу пьесы в образной форме отражающие проблемы развития российского образования 1970-ых – 1990-ых годов 20 века.

Книга рекомендуется широкому кругу читателей: исследователям и аналитикам образования; практическим психологам; преподавателям психологии и педагогики; учителям, интересующимся психологическим взглядом на свою профессию; студентам–психологам, студентам–культурологам, студентам–педагогам.

УДК 37.015.31
ББК 88.8.

ISBN 978-5-907216-81-5 (часть 2)
ISBN 978-5-907216-70-9

© Поляков С. Д., 2022
© ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2022

Содержание

I. Продолжение интервью	4
II. Мемориум	11
1. Людмила Ивановна Новикова	12
2. Анатолий Пазухин	26
3. Владимир Абрамович Караковский	30
4. Александр Тубельский	35
5. Олег Газман	39
6. Симон Соловейчик	43
7. Борис Стругацкий	48
III. Образы.	57
1. «Реформаторы»	58
2. «Школа времён Гайдара»	122
3. «1974 год»	191
IV. Эпилог	250

Звонок.
Примолкли этажи.
Что ж мысль моя по школе
бродит?
Что ищет,
что она находит,
Пока примолкли этажи?

Семён Богуславский

I. ПРОДОЛЖЕНИЕ ИНТЕРВЬЮ

Почему педагогика, почему воспитание?

Наверное, это серия случаев, которые привили мне больший интерес к воспитанию, чем к обучению. Вообще говоря, в психологии мне обучение не менее интересно, чем воспитание. Но в педагогике мне воспитание интересней, чем обучение.

Если всё-таки развернуть этот ответ, внешняя канва такая.

1963 год, лагерь «Орлёнок», куда попал совершенно случайно. Я должен был ехать на спортивное первенство России. Но тут один из тех ребят, кто должен ехать на сбор комсомольцев-старшеклассников в «Орлёнок», заболел, и обком комсомола искал, кем срочно заменить.

У меня же был дворовый приятель Толя Ильин – комсомольский секретарь знаменитой ульяновской первой школы. Вот он и сказал: «В третьей школе сейчас избрали нового секретаря, его и отправляйте». А дальше два дня меня уговаривали обком и родители ехать не на спортивные соревнования, а в какой-то непонятный для меня лагерь.

В «Орлёнке» и прозвенел первый звоночек: организовывать интересную жизнь в школе – это важное дело.

После «Орлёнка» я решил, что мир надо спасать. Способ спасения мира – эта хорошая жизнь, которую устраивают в школе. А для этого надо идти в педагоги.

До этого тоже были яркие события, которые, наверное, как-то повлияли на меня, но я не воспринимал их как относящиеся к моей будущей судьбе.

В школе, где я в старших классах учился, было два ярких учителя: Борис Иосифович Абрамов – математик, который прошёл сталинские лагеря, он был для нас совсем особенным человеком, и учительница литературы Зоя Фёдоровна Козлова, которая 45 минут урока читала нам Маяковского, куря в форточку. Но эти люди не были для меня педагогикой – просто такие необычные люди.

Какие-то как бы педагогические отсветы были и в других ситуациях.

В детстве занимался лёгкой атлетикой. Мы с ребятами во дворе устроили спортплощадку. Но не для футбола, а для прыжков в высоту и длину. На этой площадке у нас были свои жёсткие дворовые правила. Например, если ты не вышел копать прыжковую яму, ты будешь пальчиками мерить, сколько ты прыгнул, – рулетку тебе не дадут. Я в этой дворовой компании не был лидером, прыгал тогда ещё плохо. Но зато всем рассказывал, как надо прыгать, – книжки про спорт читал.

Но наиболее яркие воспоминания всё-таки у меня – не событийные, а «атмосферные». Очень ярко вспоминается последняя ночь в «Орлёнке». Там был бассейн, в него были насыпаны яблоки, мы их брали – и вот яблоки, ночь, рассвет, гулянья – это было для меня образом, символом правильной жизни. Да, сначала для меня значимой была именно атмосфера. Слова, объясняющие, как делать такую атмосферу, появились позже, уже в профессиональных событиях.

Старт к педагогике.

После 11-го класса я собирался идти в физики – физики тогда были в почёте. Но при поступлении на физфак МГУ с треском провалился, и год работал лаборантом в одном ульяновском проектном институте. Работа оставляла достаточно времени для того, чтобы «погрузиться» в то, что тогда называлось «движение юных коммунаров». Именно тогда постепенно осознал, что физика – так себе, а педагогика – серьёзное дело, от которого зависит будущее не

только страны, но всего человечества. Меньшими категориями мыслить даже и не хотелось.

Поэтому на следующий год уже поступал в Московский государственный *педагогический* институт – правда, всё-таки на физфак.

Студенческая жизнь.

Учился я довольно неровно: 3–4–2–5. Значима была другая сторона студенческой жизни – стройотряды, походы, клуб вожатых, слёты клубов самодеятельной песни.

И из всего этого, вероятно, и вызревала «крамольная» мысль: всё надо делать как-то по-другому, по-новому. Не важно – как, важно – по-другому.

Время от времени этот настрой превращался в «чудные затеи», например, в создание клуба «ДЖИН – Даёшь Жизнь Интересную Новую».

Клуб существовал целых два дня. В первый день принимали новых членов – долго водили кандидатов с завязанными глазами по общежитию, где всё это происходило, предлагали пить «ритуальную чашу», произносили клятву начать новую жизнь и весь следующий день её вели. А на третий день всё было, конечно, забыто и новая жизнь кончилась.

Учитель.

По распределению я работал в посёлке Чернышевский Якутской АССР. Это был совершенно новый посёлок, где судьба свела 11 тысяч человек 35 национальностей – строителей Вилюйской ГЭС. Проработал там три года – вёл физику в старших классах. К этому времени искренне считал себя «крутым» педагогом, думал, что всё умею – как же, каждое лето в студенческие годы работал с ребятами в лагерях, и вроде всё получалось.

И вдруг оказалось, что с обычным классом, где я был классным руководителем, добиться каких-то реальных результатов возможно только через раз. Более того – в итоге получается вечно не то, что собирался сотворить. Это стало важным открытием.

Позже, будучи ещё аспирантом, я приехал к Владимиру Абрамовичу Караковскому в Челябинск на коммунарский сбор его, ещё челябинской, школы. На закрытии сбора, во время подведения итогов, мы сидели с ним сзади ребят, и я ждал, что он выступит и скажет, что было хорошо, что плохо, что учесть на будущее – как принято на таких сборах.

Но он совершенно не участвовал в общем разговоре и мне шёпотом рассказывал про тех ребят, что сидели перед нами: кто, что – этот; кто, что – тот...

Такое «противоречие» на меня произвело сильное впечатление: директору коммунарской школы, оказывается, индивидуальное интереснее коллективистского! Даже фамилию одного ученика запомнил – Звонков.

В педагогическую науку.

В отпуске я обычно проездом оказывался в Москве, где своим знакомым по студенческим годам рассказывал свои педагогические истории-байки.

И один из моих слушателей – Анатолий Мудрик, бывший вожатый «Орлёнка» (сейчас он известный социальный педагог и социолог, член-корреспондент Российской академии образования), предложил: а не описать ли историю моих отношений с классом в виде педагогической диссертации?

Я «послушался» и год, работая уже в Ульяновской области – в школе села Ундоры, читал соответствующие книжки, готовился к аспирантуре.

В аспирантуре попал в уникальное научное сообщество – Лабораторию воспитательных проблем коллектива, которую возглавляла Людмила Ивановна Новикова, позже академик Российской академии образования, а тогда просто удивительная заведующая лабораторией. Главная мысль, которая внушалась аспирантам лаборатории, – изучать надо кроме педагогики всё – от этнографии до сексологии.

Но к тому времени, когда я защитил диссертацию «Воспитание и развитие коллектива старших школьников», куда вошла история моего якутского класса, у меня появилось ощущение, что люди в науке мне нравятся, а сама педагогика как наука – не очень. Вновь потянуло на реальную работу с детьми.

Вернувшись после защиты диссертации в Ульяновск, я попросился в школу-новостройку, в которой четыре года и проработал организатором внеклассной работы. Кстати, про эту часть профессиональной жизни была и первая книга – «Школа: поиск в пути».

Если бы не стал педагогом.

Этот вопрос я себе задаю иногда, но в такой спокойной манере.

Сильного желания куда-то перебежать никогда не было. Но если посмотреть какие-то развилки судьбы, то понимаю, что могли бы быть и варианты.

Я же первый год после школы поступал в МГУ на физфак – благополучно не поступил. Я тогда ещё не был педагогически ориентирован. Поэтому, не поступив в МГУ, мог поступить в политех на какую-нибудь более-менее физическую специализацию. И вот здесь был возможен путь в физике, что-то вокруг физики, скорее теоретической, чем практической. Вряд ли в физике у меня были бы какие-то сильные результаты, но на уровне среднем, достаточном, были бы.

Когда я в пединституте учился, у нас был факультет дополнительного образования, на который мы, спортсмены, не ходили, но корочки нам, спортсменам, о его окончании дали. Так что у меня есть документ, что я тренер по лёгкой атлетике. Один из моих ближайших друзей – заслуженный тренер Российской Федерации, так что я понимаю, что такое тренерская профессия. Возможно, я был бы тренером неплохим.

Поэтому – либо физик, либо – тренер, третье что-то трудно сообразить.

Впрочем, была ещё одна развилка. На кафедре педагогики, куда я пришёл, ещё работая в школе и надеясь на подработку, часов преподавательских не было, а на кафедре психологии часы были. Мне сказали: «Сходи на кафедру психологии».

Вот так я оказался и до сих пор нахожусь на кафедре психологии.

Когда наступили перестроечные годы, я продолжал работать на кафедре психологии и как-то продвигаться в психологии. Но шла волна новаторских идей, связанных с тем, что называлось «педагогикой сотрудничества», и в этой волне возникло уникальное сообщество – группа интереснейшего педагога Олега Семёновича Газмана.

Олег Семёнович создал команду, в которой были философ, психологи, педагоги, специалисты дополнительного образования. Я тоже попал в эту команду.

Мы ездили по стране и занимались обучением учителей, стараясь подвинуть их на инновационный путь.

В какой-то мере нам это удавалось, но возник и вопрос, ответом на который стала моя докторская диссертация: а почему прекрасные инновации не желают распространяться в школах?

Оказывается, любая инновация обязательно трансформируется, она не может оставаться такой, какой её придумали, – в разных школах разный психологический климат, разные люди, разная ментальность, и в итоге – разный результат и разное отношение к инновациям.

Процесс или результат?

Являюсь ли я человеком процесса или человеком результата? Скорее, я человек результата. Когда в школе я работал замдиректора по воспитанию, то себе пытался всегда наметать какой-то результат и по его достижению/недостижению отмерял успешность своей работы.

Хотя может быть всё сложнее. Если я в педагогической позиции, мне важнее результат, если я в психологической позиции – важнее процесс.

Но всё-таки гвоздь должен быть забит куда надо.

Теория малых дел.

Мне близка идея «теории малых дел». Когда-то это проповедовал Антон Павлович Чехов или кто-то, кто был рядом с ним.

В 2003 году на круглом столе лидеров теорий воспитания, что мы организовывали в Ульяновске, Ирина Дмитриевна Демакова, выдающийся педагог, сказала: «Нормальная позиция – это теория малых дел. В рамках своего дела делай то, что можешь. Старайся получить результат. Революцией пусть занимаются другие». Мне это близко.

О желаемом в людях.

Главное желаемое в людях – толерантность, но я бы добавил: толерантность с элементами юмора, точнее, с элементами юмора и иронии. У Энгельса в анкете дочерей Маркса на вопрос «Какой ваш девиз?» ответ был: посмеиваться над собой и над другими. В таком крайнем виде – это не моё, но какие-то оттенки этого ответа – для меня.

О путешествиях.

В какую страну хотел бы поехать попутешествовать, посмотреть? Страны делятся для меня на те, где я был, на те, в которых были люди из моих кругов, которые рассказывали, что там,

и мне этого было достаточно. Но всё-таки в какую страну я бы отправился путешествовать? Может, в Норвегию или, может, в Австралию.

Про фильмы и книги.

Какой фильм посоветовал бы посмотреть? Конечно, «Девять дней одного года». Сейчас его повторяли, с большим интересом посмотрел. Может быть, «В огне брода нет» – это из ранних фильмов Панфилова с Чуриковой.

Книгу или автора, которых советовал бы прочитать? Здесь одной (одним) не обойдёшься – три: «Война и мир» Льва Толстого, рассказы Хемингуэя и, конечно, Стругацкие.

Какой фильм (книгу) скорее бы запретил? Скорее всего, я такой фильм не смотрел. У меня были сомнения по поводу фильма «Джокер». Пока смотрел его, мелькала мысль: «Не запретить ли его?». Но и его я тоже не запретил бы. Посмотрев на него с профессиональной, педагогической, точки зрения, я подумал, что проблема не в том, хорош или плох фильм, а в том, насколько можно работать с отношением к нему, насколько можно использовать его как материал в воспитательной практике.

Хотя есть такие фильмы, по слухам, что, может, и надо что-то запрещать.

Что погубит, что спасёт мир?

Мир погубит глупость-дурость.

Мир спасёт то ли умная доброта, то ли добрый ум. Слово доброта, здесь, впрочем, не сильно удачное. Может лучше так: мир спасёт умная доброжелательность.

II. МЕМОРИУМ

Это часть о людях и об общностях, что оказались значимыми на моём профессиональном пути, о личных и профессиональных встречах, что вызвали мысли, чувства, идеи, во многом сформировали моё профессиональное и общее мировоззрения, мои профессиональные педагогические и психологические умения.

Какие-то из текстов, что будут в этой части, печатались, но здесь они будут в трансформированном виде, какие-то – новые.

Хотелось рассказать о многих людях, но я остановился на тех, кто ушёл из нашей жизни.

Наверное, когда значимые люди уходят из твоей жизни, их значение для тебя становится чётче.

Есть не менее значимые для меня другие, но они продолжают влиять, их действия, поступки, мнения по-прежнему для меня важны, поэтому их влияние на меня продолжается – и пусть столько, сколько позволит жизнь.

Приведённые ниже тексты ни в коем случае не биографии замечательных людей и не научные очерки. Это только описания тех ситуаций, встреч, идей, поступков, мгновений, которые вызывали и вызывают у меня отклики, мысли, чувства, действия.

1. Людмила Ивановна Новикова

1.1. К портрету лидера

Есть три типа настоящего научного лидерства.

Первые, о которых когда-то писал Михаил Анчаров в «Теории невероятностей», – бросают научных щенят в воду на глубокое место и тех, кто выплывают, признают равными. На этом собственно научное воспитание и заканчивается.

Другие – обучают научных птенцов летать и следовать за научной мамой (или папой). Образуется научное семейство, почти клан, во главе с заботливым лидером.

Но есть и третьи – сила, стиль которых – порождение вокруг себя особой, может быть, чуть ироничной атмосферы открытого мышления и развивающегося понимания мира.

Блестящий научный педагог и лидер научной школы второй половины XX и начала XXI века Людмила Ивановна Новикова была лидером вдохновляющим, расширяющим научное сознание атмосферы.

Как-то, ещё студенткой, пришла Люда Новикова со своими комсомольскими сотоварищами к писателю Макаренку договориться о встрече с эмгэушниками. Договорились, но встреча не состоялась – вскоре Антона Семёновича не стало.

Может быть, это был первый звоночек судьбы. Макаренковская тема окрашивала весь научный путь Людмилы Ивановны.

1968.

Людмилу Ивановну я впервые увидел в 561-й школе, на окраине Москвы, в школе, где тогда экспериментировали с разновозрастными отрядами по месту жительства.

Я и Люда Горбачёва, студенты МГПИ, только что организовавшие при красноярском стройотряде свой лагерь для местных ребяташек и ужасно гордые этим, узнали от Анатолия Мудрика (гостя институтского клуба вожатых) про необычную школу с разновозрастными отрядами, в которой к тому же работали бывшие вожатые «Орлёнка». Этого было достаточно, чтобы мы (оба бывшие в «Орлёнке» в школьные годы) стали на общественных началах участвовать в школьных делах. То, что школу курирует ещё какая-то научная лаборатория, я узнал не сразу, а когда узнал, не очень-то заинтересовался. Педагогика как наука была для меня тогда пустым и никчёмным делом.

Но вот как-то лаборатория (как я теперь знаю, она называлась в то время «Коллектив и личность») устроила в школе выездное заседание. И мы, я и Люда, почему-то оказались на нём.

Заседание вели два человека: мужчина с копной русых волос и высокая женщина, как-то очень гармонично сочетавшаяся со всей этой ситуацией: со школьным кабинетом, где мы заседали; с теми научными словами, которыми она начала говорить; с присутствовавшими учителями и с сопровождающими её учёными коллегами.

Люда, которая знала всегда обо всём немножко наперёд, шепнула, показывая на высокую женщину: «Это Новикова Людмила Ивановна – руководитель, а это, – показала на мужчину, – Куракин Александр Тимофеевич». Так я увидел и услышал Людмилу Ивановну, именно увидел, а не встретился. Никакого разговора и даже просто личного знакомства не было – встреча и разговоры отодвинулись на пять лет. А вот то первое впечатление адекватности Людмилы Ивановны ситуации, обстоятельствам, в конечном счёте себе (а сейчас, через тридцать пять лет, понимаешь – и постоянной гармонии со своим возрастом) сохранилось на все эти годы.

Из выступлений же Новиковой и Куракина на том заседании запомнились не какая-то педагогическая канва, мысль, а отдельные, необычные для меня, детали и примеры: оказывается, 80 % информации человек усваивает через зрение, а человеческая коммуникация (это слово тогда, в 1968 году, уже произносилось) похожа на игру в пинг-понг.

Как я узнал позже, эти годы были временем проникновения в лабораторию «Коллектив и личность» непривычных для педагогики тех лет тем общения, коммуникации, социальных связей. Людмила

Ивановна и Александр Тимофеевич, вероятно, искали примеры, метафоры, факты, подтверждающие значимость для себя и педагогической практики «всплывающих» в лаборатории социально-психологических понятий и концепций.

Через год я закончил институт, уехал работать в дальние края, но возможность каких-то отношений с лабораторией сохранялась: в летние наезды в Москву я общался с бывшими воспитателями 561-ой школы, прежде всего с Анатолием Мудриком и Валентиной Максаковой. Но чтобы в этом общении появлялась тема лаборатории – не помню, может быть, точнее – не запомнилось.

Новикова и её лаборатория появились снова на моём горизонте теперь уже в 1972–1973 годах, когда я готовился в аспирантуру и читал соответствующие книжки. То, что буду поступать в аспирантуру в Институт теории и методики воспитания, где и работала в это время группа Л. И. Новиковой, было для меня само собой разумеющимся, так как стимулировал мой разворот от практики к науке работавший тогда уже у Новиковой Мудрик.

1978.

Докторскую диссертацию Людмила Ивановна защищала в Ленинграде. В Москве отношения «верхов» Академии педагогических наук с лабораторией и её лидером были всегда сложными, отягощёнными идеологическими, личными и бюрократическими обстоятельствами. Питер в педагогике чуть-чуть дистанцировался от столичных коловращений, да и новиковцев воспринимали в герценовском пединституте в общем-то дружески.

Людмила Ивановна защитилась, и уже в Москве состоялись домашние посиделки для своих, лабораторских. Из питерцев была, волею случая, замечательная Фаина Яковлевна Шапиро – в шестидесятые годы руководитель знаменитой Фрунзенской коммуны, а в семидесятые – организатор внеклассной работы весьма известной 308-ой ленинградской школы. За столом сопровождавшие Людмилу Ивановну на питерской защите весело вспоминали «защитные» сюжеты вперемешку с вокругнаучными слухами и новыми идеями. А в конце застолья Александр Тимофеевич поднял бокал и сказал: «Ну что же, за среду!». «Среда» была новым веянием в лаборатории. Людмила Ивановна и Куракин всё чаще говорили о воспитательной, воспитывающей среде, и на горизонте уже был Юрий Мануйлов из Кустаная, в дальнейшем осуществивший весьма последовательно такое исследование.

И ещё про оранжевый горшочек. У Людмилы Ивановны в тот год была не только защита, но и юбилей. На дне рождения я не был, но хотелось поздравить и что-то особенное подарить. Оранжевый чугунный горшочек, обнаруженный на дальней полке ульяновского магазина, и стал таким подарком, потом долго функционировавшим в кухонном пространстве квартирному миру Новиковых.

1985.

В этот год прошла последняя в истории новиковской лаборатории эстонская встреча. В уютном старом Таллине организаторы конференции потчевали гостей в первый день работы какой-то необыкновенной простоквашей в обрамлении чёрного хлеба и полевых цветочков, а во второй – вкусным кофе в изящных, как раскрытые лилии, чашечках.

Уже дул ветерок перестроечных настроений, и в конференции участвовали многие будущие участники педагогических баталий: только что принявший «Учительскую газету» большой, уютный Владимир Фёдорович Матвеев; ещё юный, рассказывающий всем про свой дидактический театр и вроде бы собирающийся в аспирантуру Александр Адамский; директор Института общей педагогики, куда в 1981 перешла Новикова, похожий на Жюля Верна Борис Гершунский (через год – антипод Матвеева); один из будущих идеологов эстонского педагогического движения, интересующийся всем на свете – от социологии до инноватики и теории «домашнего очага», – Юло Вооглайд; соавтор врезавшегося в педагогический мир на следующий год манифеста «Педагогика сотрудничества» Владимир Абрамович Караковский...

Были и другие небанальные личности: хипповатый толстяк – психолог Вольдемар Колга, может, единственный человек в Союзе на тот год, разбирающийся в когнитивных стилях; высокий русский философ Борис Юдин, с медленными жестами и словами (Юдин рассказывал про этические проблемы биологии, и Людмила Ивановна почему-то считала для педагогической конференции это очень важным), и, конечно, одновременно экспрессивный и дипломатичный Хейно Лийметс.

Таллиннская встреча 1985 года была пятым или шестым новиковско-лийметским научным мероприятием – и, вероятно, последним. Хотя отношения поддерживались и позже, но в 1989-м Хейно Йоханович Лийметс умер. Почти одновременно перевернулась

политическая ситуация, и широкие потоки московско-эстонских интересов и симпатий сжались до прерывистого тонкого ручейка.

1990.

Там, в Таллине, Людмила Ивановна и начала разговоры со мной про докторское писание. Я отмахнулся. Но разговоры продолжались при каждой новой встрече, и лет через пять я «дозрел».

Мы гуляли с Людмилой Ивановной и её собачкой Басей по апрельскому, ещё окончательно не отошедшему от зимы, лесу. Баська радостно носилась по кустам, время от времени притаскивая к ногам хозяйки какие-то палки. Людмила Ивановна говорила о московских политсобытиях, чем были тогда увлечены все москвичи, называла будущего, может быть, уже и действующего мэра Гавриила Попова бульдогом Гаврюшей, а популярного в те дни Станкевича – щеночком при Гаврюше, параллельно убеждая меня всерьёз и основательно разобраться с «коммунарской методикой» и писать на эту тему диссертацию. Меня же «коммунарская методика» к этому времени уже не очень-то интересовала – гораздо больше меня интриговал вопрос: почему хорошие замечательные педагогические образцы не распространяются или, распространяясь, превращаются чуть ли не в противоположность. Но дело было даже не в теме или вопросе, а в том, что я никак не мог решиться запрячь себя на многостраничную последовательную работу. Однако на этот раз я слушал Людмилу Ивановну весьма внимательно, потому что действовали уже и другие, «домашние», как оказалось впоследствии, иллюзорные аргументы. В общем, я решился. Но это уже история не про лабораторию Новиковой. Впрочем – не так. Экспертиза диссертации проходила, конечно, через лабораторию Людмилы Ивановны.

Писать о научных идеях Людмилы Ивановны Новиковой сложно не потому, что они неизвестны. Наоборот, слова и словосочетания, введённые в педагогику (как теперь говорят, в педагогический дискурс) Новиковой и её научным кругом, давно все выучили и всюду используют.

Кто не слышал о коллективе как субъекте воспитания, творческой индивидуальности, управлении процессом развития личности, системном подходе в воспитании, воспитательных системах, воспитательном пространстве, синергетике в воспитании! А ведь эти термины и словосочетания появились у «новиковцев» ещё в 1970–1980-е годы.

Другое дело, что использование этих слов нечасто оказывается соответствующим первоначальному значению. О, как часто их применяют невпопад и с непонятными смыслами!

«Новиковцы» же осторожны в их применении (вспоминается Карл Маркс, говоривший в эпоху, когда все вокруг стали проповедовать марксизм: «Я кто угодно, но только не марксист»).

1.2. Воздух, птицы и лаборатория (быль-рассказ)

В старой, с набивкой, толстой тетрадке, нашпигованной словами, эпизодами, информацией и персонажами, не оказалось главного – того, что составляло для меня значительную и наиболее важную часть тех лет: Лаборатории.

Но, может быть, так и должно быть. Лаборатория для меня, для нас была тем воздухом, которым дышат и не замечают...

А ещё нас любили птицы!

Зимой через открытую фрамугу залетал снегирь, весной в лаборатории чирикали воробьи, летом на подоконник с Москвы-реки прилетали на минутку-другую ласточки, осенью же все перелётные птицы Хамовников тренировали свой строй именно перед нашими окнами.

На третий год моего аспиранства начальство института придумало дежурство. Считалось, что каждый трудовой день недоучившиеся научные работники строго по расписанию будут в своих лабораториях сосредоточенно ждать какого-либо важного сообщения, человека или указания. Но сообщения не приходили, человеки, как правило, тоже, а указания перехватывала наша милая лаборанточка Аллочка и быстренько их реализовывала, радостно и внимательно выстукивая нечто нужное на пишмаше.

Единственному из аспирантского народа, кому затея с дежурством была по душе, – мне. К сему моменту диссертация моя материализовалась в стапятидесятистраничный талмуд, с энтузиазмом потрёпанный и расчехвостенный на «лаборатории» (по-другому у нас с диссертациями не бывает), и, следовательно, ожидала решительного преобразования, перегруппировки, переструктурировки и прочих пере... И как же тут обойтись без ножниц, клея и сочувственного взгляда Аллочки.

Но для этого дежурство должно проходить достойно, тихо, спокойно и бессобытийно. Конечно, позже позвонит Шефиня, пошушукается с Аллой и спросит у меня про кроссовки. История же с кроссовками требует специального объяснения. Дело в том, что нашей шефине Людмиле Ивановне время от времени дарят разные подарки и подарочки. И если она от них вовремя не увёртывается, подаренное быстренько переключивается к окружающему люду. Делается сие решительно и безапелляционно:

– Серёжа, у вас какой размер ноги? ...Ага. Возьмёте кроссовки, вот эти, и попробуете поносить.

– Людмила Ивановна! ... Но это же «Адидас»!

– Не знаю, какой там «ададас», но мне они не нужны, а вы попробуйте, попробуйте.

– Они же стоят!..

– Не знаю, сколько стоят, – не покупала. И вообще, Серёжа, я же вам не продаю и даже не дарю. Поносите, не понравится – ещё поговорим. А старших, между прочим, надо слушаться.

«Старших надо слушаться» – это её фирмовое. Разговаривать после такого заключения с Шефиной бесполезно.

Две недели я не решался пустить подарочек в ход. Но, наконец, решился. Кончилась история с «адидасами» быстро и плачевно: на второй или третий выход попал я под жуткий ливень, а потом, большого ума человек, просушил эти «адидасины» над электрической плитой и на солнечном подоконнике. Знаменитая заграничная обувь такого издевательства не выдержала: растаяла и кончилась. И теперь я придумываю, как бы об этом Людмиле Ивановне рассказать обтекаемо, – если спросит.

Ещё одна история – про японский зонтик, ярко-синий с красными восточными цветами, многократно складывающийся и раскладывающийся. Даже для Москвы тогда редкость.

Зонтик кто-то подарил Шефине прямо на крыльце нашего института – там, где знаменитая выщербленная, третья снизу, ступенька, по слухам не выдержавшая в прошлом году солидности и тяжести директора соседнего НИИ.

– Мальчики, – сказала Людмила Ивановна, появляясь в лаборатории, – разберитесь – этот зонтик у меня не открылся.

В лаборатории в данный момент присутствовало трое «мальчиков»: я, Толя Буданов и Анатолий Мудрик. Спасать зонтик и

Шефиню в ближайшие минуты в планы Мудрика не входило, и он быстро ретировался по срочным делам «в библиотеку». Отдувался сначала я. Но фокус не удался – японская техника не подчинилась человеку с эмгэпэвским дипломом физика. У Анатолия Буданова диплом был правильнее и идеологически выдержаннее: историк, и промышленность страны восходящего солнца смирилась – с шестой попытки зонт раскрылся. Задача «закрыть» оказалась попроще: хватило и трёх попыток. Но Буданов был Буданов – технические проблемы для него, кавээнщика знаменитой команды МГПИ, были только первой ступенькой для дивертисмента. Людмилу Ивановну зрители завлечь не удалось, и Толя под восхищённые взгляды Аллочки, меня и появившейся Маргариты «пошёл». Для начала он прошествовал по лаборатории чарличаплинской походкой, ловко расшвыривая зонтом стулья и папки с бесценными материалами, потом изобразил сентиментальную мадам и её кавалера, ну никак не желавших попасть под дождь, наконец, на арене появился лев, питающий несомненную антипатию к далёковосточному предмету, который почему-то не давался ему в руку, то есть в лапу. А так как все эти движения сопровождались многочисленными действиями с зонтиком: раз – сложиться, два – сложиться, а тте-перрь рас-крыть-ся, то японская промышленность не выдержала такого интенсива – зонт крякнул и застыл в полуоткрытом состоянии. Конечно, именно в этот момент вошла Шефиня и спросила: «Ну как, мальчики?».

В качестве искупления Толя сочинил трогательный стишок про путешествие японского зонтика из родной Йокогамы в холодную Россию, про то, как он, зонтик, долго плакал, не желая покидать родину, и как он оказался прав...

...С нравом Людмилы Ивановны я впервые познакомился в первый год своего аспиранства, когда пришла пора сдать кандидатский по-английскому. Мой английский на тот момент хромал сразу на три ноги, и не потому что я уж так был к нему не приспособлен, а из-за погружённости в другие, вроде бы научные, миры. На экзамен я всё-таки пошел (то ли из-за какой-то непонятной мне самому инертности, то ли, наоборот, из-за самоуверенности типа «авось»).

Когда же увешанная заграничными побрякушками «англичанка» положила на стол текст для перевода, задача, стоящая передо мной, прояснилась – любым способом и побыстрее слинять с мероприятия. Это оказалось совсем нетрудно. Отпросившись на минуточку и

прихватив зачем-то текст, я аккуратно закрыл дверь экзекуционной комнаты и помчался посредством метро и троллейбуса в альма-лабораторию (кстати – зачем?). В лаборатории я налетел, конечно, на Шефиню. На её разумный вопрос: «Ну что, Серёжа, сдал?» ответил маловразумительным: «Да. Нет. В общем-то, вот уехал – хотел успеть на заседание...» (которого в этот день и не предвиделось).

– Так, всё ясно, – сказала Людмила Ивановна «определённым» голосом, – возвращаешься и сдаёшь.

– Да я там...я же... вот текст – ничего не переведу...потом... А вот сейчас я...

Моё бормотанье было соответствующе понято и проинтерпретировано:

– Ах, текст! Валя, разберись-ка.

Валя, с большим любопытством наблюдавшая за разворачивающейся мизансценой, забрала у меня листочки и сказала: «Пошли». Валя вообще-то не «англичанка» – «немка», но в данный момент это не имело никакого значения. Людмила Ивановна знала: Валя – человек, способный организовать всё, что надо и как надо. Через двадцать минут с переведённым текстом под общее одобрение всех присутствовавших в лаборатории я был провожен и провожён «на дело». Кандидатский сдал на «хор»...

...Другая история, «министерская», случилась недавно. Людмила Ивановна отправила на задание: в министерство, на семинар практиков, рассказать, что я наисследовал (как-никак третий год аспирантуры и первый вариант диссертации на столе в папочке). Ну, я и рассказал. Хорошо рассказал и на вопросы прилично отвечал, в стиле: «знаем», «сейчас объясним», «это же понятно», «мы учёные»...

Агентурная связь у Шефины работала прекрасно. Первая фраза, которой она встретила меня, гордого и воодушевлённого, была такова: «Ну что, Серёжа, значит «мы учёные»? Может, про тебя это и так, но про себя бы я не рискнула так сказать. Учёные – это коты».

Крепко вдарила...

– Серёжа, а как вчера Ле Сон? – это Аллочка вмешалась в мои воспоминания.

Да, Ле Сон, наш вьетнамский товарищ Ле Сон, невысокий, стройный, смиренный – прямо классический вьетконг, вчера защищался. Защита как защита, что-то про бригады школьников на

берегах Кубани и Меконга, только с акцентом и со страховкой переводчика.

Ле Сона в лаборатории мы видели нечасто, но почему-то любили – наверное, за аккуратность и доверчивость. Так вот, защита как защита, но потом свершилось застолье: водка с особенным юго-восточным ароматом, красивые жёлтые гитары и необыкновенно мелодичные песни.

– Ле Сон, о чём песни?

Ле Сон что-то лопочет в ответ, и переводчик переводит: «Красное солнышко Хо Ши Мина поднимается над Вьетнамом».

Высокий и рыжий американец Чарльз (по-народному Чарлик), стажирующийся у нас в лаборатории, вздрагивает и ставит стакан с водкой на стол. Чарлик в лаборатории уже третий месяц поражает всех странным сочетанием деликатности и развязности: по-русски и по-американски сто раз извинится, прежде чем спросить что-либо, но очень громко хохочет, хлопает неслабо по спине и пытается рассказывать калифорнийские анекдоты, которые мы не понимаем.

Чарльз, как и Ле Сон, – наша экзотика. Мы гордимся Ле Соном и гордимся Чарльзом. Ни в какой другой лаборатории нашего НИИ, а может быть, и Советского Союза, такого сочетания не встретишь. Держатся наши любимцы друг от друга на приличном расстоянии: вежливо кивают, изредка говорят по-русски «здра-фствуй-те», но, по моим наблюдениям, так ни разу друг другу учёного слова или простого предложения не сказали. Вот и сейчас, в застолье, Чарлик устроился на самом дальнем краю от Ле Сона.

Что поделать – 1974 год...

Но с утра, до защиты, было ещё событие: обсуждение материалов Газмана. Олег выложил перед внимающей публикой очередную порцию небанальных суждений, примеров, расчётов и доказательств. Как всегда, у Олега всего помногу.

Тимофеич с полоборота завёлся: «Это надо убирать, это и так все знают, а вот это расписать на целый параграф». Людмила Ивановна, конечно, начинает спорить. Олег вертит головой налево-направо. А мы слушаем пикировку Шефини с Тимофеичем и млеем – для нас, салаг, это невероятное удовольствие. Людмила Ивановна напориста, умна и определённа. Тимофеич чередует посасывание пустой трубки с парадоксальными, не всегда понятными речениями. Олег пытается что-то вставить. Но куда там! В какой-то момент Шефиня замолкает и, резко обернувшись к народу, вопрошает: «Ну,

кто что по этому поводу думает?». Первой говорит Маргарита. Её голос совсем ненапористый, чистенький и напоминает колокольчик. Народ как-то сразу смягчается, отходит и готов теперь говорить по делу. Олег перекладывает туда-сюда бумажки и, хотя и молча, весьма включённо реагирует. До него вот-вот дойдёт очередь, но тут во фрамугу влетает птичка и начинает что-то выклёвывать на Олеговых листочках.

Народ столбенеет...

...Позавчера же у Наташи на Краснопресненской отмечали 9 мая – только нашенские. Пили красное вино и немного водки. Говорили о пустяках, сплетничали об институте, старшие вдарились в воспоминания, но войны не касались. Как-то Тимофеич сказал, что война – это опыт, но не ценность, и Илья Борисович его решительно поддержал. Про нелёгкий путь Ильи Борисовича (окружение, наш лагерь) и про награды Тимофеича мы узнавали не от них.

Наташа достала гитару, и как-то незаметно перешли к песням. Спели, как всегда, «Виноградную косточку» и «На смоленской дороге». Потом Толя Буданов исполнил «по просьбе трудящихся» фольклорное-лабораторное. И вот тут гитару взял Олег и спел новое...

... Сорокалетних мы считали старыми,
Отжившими, отпевшими и бывшими...
Воспринимали только их усталыми,
Не понимающими нас и отлюбившими.
Года, года уходят навсегда,
Как талые снега уходят в мае,
Уходят в никуда, и мы с тобой тогда
Их истинную ценность понимаем...

...Расходились, когда московское небо стало фиолетовым, и только там, в направлении Садового кольца, ещё светилась малиновая полоска заката. Я, нагруженный пакетами с книжками и бумагами, провожал Людмилу Ивановну. На первом этаже уютной пятиэтажки нас ждало лохматое очаровательное существо – Юка, с преданным взглядом и шефиниными тапочками в зубах. Из своей комнаты вышла маленькая старенькая мама Людмилы Ивановны, как всегда с «Литературкой» в руках. «Серёжа! – сказала мама Шефини. – Что они пишут! Я так им и откомментировала: «Чушь!». Какая-то статья незадачливого журналистского аса была перечёркнута большим крестом, поверх которого слабенькой рукой было выведено это самое

слово – «чушь». «Да, верно», – поддержал я главного аналитика этого дома, и мы все, в сопровождении Юки, пошли на кухню пить чай с абрикосовым, с косточками, вареньем и что-то там договаривать про мою диссертацию.

Я шёл от Шефины к метро, и в московской ночи попискивали какие-то поздние птицы (что-то в этом мае их много развелось по Москве). Я шёл от Людмилы Ивановны и вспоминал поездку в Эльву, где эстонские велосипеды уютно гнездились у деревянной двухэтажной гостиницы, шёл светлый сентябрьский дождь, и уникальный Хейно Лийметс попеременно с Людмилой вели заседание симпозиума про воспитание и общение. Дело происходило в просторном помещении базы сборной СССР по стрельбе, и Лийметс каламбурил на эту тему: «Капитан Лийметс, сборная Эстонии, отстрелялся. Полковник Кон, ваша очередь...».

Хейно Лийметс, приводящий примеры и аргументы из финской, немецкой, австрийской педагогики, Игорь Семёнович Кон в окружении ленинградской и московской психологической молодёжи, только что закончивший непривычное для академического научного уха исследование юношеской дружбы, академик Петровский – в разгар пропаганды своей концепции деятельностного опосредствования отношений материализовавшаяся челябинская легенда, в Союзе пока ещё малоизвестный школьный директор Каракровский, кто-то из философов-системщиков группы Эрика Юдина, невысокий, с взглядом, обращённым к мироустройству, – это и был внешний механизм лаборатории, те воздуходувные социологические, философские, психологические машины, позволяющие нам тогда, в семидесятые годы, принимать как естественность, как данность западную диковинку теории организаций – переведённую для внутрилабораторного пользования книжку Джонсона о классе как малой группе, письмо новосибирца Шарова о типологии старшеклассников, уже значимые для нас имена Берталанфи, Джорджа Мида и ещё официально не вернувшихся в педагогику Пистрака, Моисея Рубинштейна, Константина Вентцеля.

Поток этих сил, этих влияний, соединяясь с весёлым тактичным ехидством Мудрика, доброй иронией Вали, искрящейся парадоксами трубкой Тимофеича, жизненным опытом Ильи Борисовича, лиризмом Маргариты Дмитриевны, легкомысленной сатирой Буданова, мягкой красотой Алочки, и порождали то невесомое пространство, дух и душу Лаборатории, поддерживаемые множеством видимых и

невидимых нитей, взглядов, прикосновений, концентрирующихся, сосредотачивающихся на нашей Шефине.

На следующий день Людмила Ивановна объявила педагогическую экспедицию на Ставрополье... Жизнь продолжалась, и неугомонные весенние птицы подтверждали: «На йюк, на юг...».

1.3. Комментарий и прототипы

1. Лаборатория – лаборатория воспитательных проблем школьного коллектива НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР.

2. Время – 1973–1976 годы.

3. Людмила Ивановна, Шефиня – Людмила Ивановна Новикова, тогда ещё не академик, не доктор, не профессор; неформальный и формальный (заведующая) лидер лаборатории.

4. Тимофеич – Александр Тимофеевич Куракин, старший научный сотрудник, кандидат педагогических наук; по мнению лабораторской молодёжи, личный генератор идей, критик и эрудит при Людмиле Ивановне.

5. Мудрик – Анатолий Викторович Мудрик, ещё кандидат наук и младший научный сотрудник (ныне член-корр. РАО, профессор и доктор), умница, склонный слегка к эпатажу и вербальной эквилибристике. Лидер молодых.

6. Валя – Валентина Ивановна Максакова, кандидат наук, младший научный сотрудник, написавшая диссертацию на совершенно невозможную для семидесятых годов тему: о развитии творческой индивидуальности. Впрочем, в лаборатории Новиковой было возможно всё или почти всё. Валя – моральный камертон молодёжи.

7. Толя Буданов – Анатолий Валентинович Буданов, вот-вот напишет диссертацию о развитии малых групп и перевоплотится, несмотря на свой шуриковатый вид, в офицера и преподавателя Академии МВД.

8. Маргарита – Маргарита Дмитриевна Виноградова, кандидат наук, старший научный сотрудник. Ещё на заре шестидесятых утверждала, что значимость личности – не меньшая, чем значимость коллектива, и в семидесятые не думала отступать от сего

утверждения. Валя Максакова писала диссертацию, конечно, у Маргариты Дмитриевны. Спелись!

9. Илья Борисович – Илья Борисович Первин, старший научный сотрудник, кандидат педагогических наук. До войны учился в передовой наркомпросовской школе имени Радищева, о которой сохранил самые светлые воспоминания. Носитель последовательного деятельностного взгляда на педагогические реалии.

10. Ле Сон – Ле Сон, вьетнамский аспирант Людмилы Ивановны. В лаборатории его видели нечасто, но почему-то симпатизировали. Как все вьетнамцы (в представлении русских) невысок, худ, строен.

11. Чарлик, Чарльз – американец Чарльз, стажировавшийся в лаборатории, правда, года за два до описываемых событий. Поэтому его «дуэт» с Ле Соном – выдумка автора.

12. Газман Олег – Олег Семёнович Газман, когда-то ученик знаменитого Сталя Шмакова, один из лидеров «Орлёнка» шестидесятых годов. Вторая, после Мудрика, в те годы симпатия Людмилы Ивановны. В будущем Олег станет известен обыкновенно-необыкновенным лагерем «Маяк», «ниспровержением» воспитания в годы перестройки, член-корством РАО и открытием (по другой версии переоткрытием) экзотической педагогики педагогической поддержки.

13. Аллочка – Алла, лаборант лаборатории. Двадцать лет, карие большие умные глаза; правильный овал лица, обрамлённый темным эллипсом волос; ас машинописи. Главная функция Аллочки, по Людмиле Ивановне, – украшать лабораторию. Алла справлялась с этим блестяще и без усилий.

14. Юка – Юка, собачка Людмилы Ивановны; милейшее существо, интеллигентно тьякает и слушается хозяйку (позже её сменила Бася, Баська).

15. Быль-рассказ – жанр произведения, в котором все события и персонажи реальны, но могут быть переакцентированы и передвинуты во времени-пространстве.

16. Наташа – Наталья Леонидовна Селиванова, тогда аспирантка, в настоящее время член-корр. РАО, доктор, профессор, сменившая Людмилу Ивановну на посту заведующей Лаборатории.

2. Анатолий Фёдорович Пазухин

Я первокурсник московского пединститута. Осваиваюсь в общежитии. Никого не знаю. На лестнице между вторым и третьим этажом незнакомый человек спрашивает меня: «Извини, пожалуйста, ты не из Ульяновска?». Отвечаю без особого удивления (мало ли что в Москве бывает): «Да, из Ульяновска». Расходимся по своим делам.

На другой день заглянул к Стасу Катаеву, с ним я жил в одной комнате во время вступительных экзаменов (теперь, кстати, он доктор социологических наук в Харькове).

Разговариваем со Стасом. То, сё – первокурсникам есть чем поделиться.

И тут на пороге появляется мой недавний лестничный визави. Оказывается, он тоже живёт в этой комнате. Из вежливости затеваю разговор. Его зовут Толя, выясняется, что мы жили с ним в Ульяновске в одном доме (но в разных подъездах), учится же он на втором курсе исторического факультета.

Так я познакомился с необычным человеком, по крайней мере дважды поменявшим мои отношения с жизнью.

Необычность Анатолия Пазухина проявлялась для меня не сразу – по мере каких-то ситуаций, случаев, разговоров.

А предыстория его, до нашего знакомства, такова.

Жил в дальнем селе Ульяновской области 18-летний студент медучилища Толя Пазухин.

Шёл 1960 год, и в далёкой стране Мексике арестовали знаменитого художника-коммуниста Сикейроса.

Комсомолец Пазухин был возмущён такой несправедливостью и написал в мексиканское посольство письмо протеста (мало ли что взбредёт в голову эмоциональному юноше).

Но у этой истории имелось продолжение. Когда Сикейроса выпустили из тюрьмы, всем, кто за него «хлопотал», он прислал письма благодарности. Такое письмо пришло и Анатолию Пазухину. Получается, знаменитые люди находятся где-то рядом и с ними можно переписываться и встречаться.

Когда я познакомился с Пазухиным, он жил в Москве уже третий год и имел «корочки» внештатного корреспондента газеты «Ульяновский комсомолец». Наверное, это было одним из обстоятельств, которые позволяли ему творить чудеса, часть из которых испытал я на себе.

Можно сказать, что Толя ввёл меня в культурное пространство Москвы. То мы оказывались на какой-то особенной выставке в Пушкинском музее, то в консерватории, то в театре, то в Доме художника на Кузнецком мосту, а в другой раз – даже в ресторане «Прага».

В памяти моей причём всё это закрепились как некие бесплатные действия: в консерваторию и в театр мы попадали по контрамаркам, в Пушкинский музей – через служебный вход, в Дом художника – просто поздоровавшись с каким-то человеком. Платным была только «Прага» – впрочем, уровень нашего пражского загула был мороженое, кофе, пирожное и бокал вина.

Когда я уже стал второкурсником, приятельство с Пазухиным обратилось новой стороной. Анатолий Пазухин решил устроить в университете вечер, посвящённый республиканской Испании 1936–1939 года, и нас, меня и моих друзей, вовлёл в подготовку этого действия.

Затея была несколько странной. Шёл 1967 год, в Испании продолжал править Франко, никаких официальных мероприятий по поводу республиканской Испании, конечно, не предвиделось, и в партийно-комсомольских планах пединститута ничего подобного не планировалось. Но Пазухин решил провести такой вечер, и для него этого было достаточно. Партком с некоторой долей растерянности вечер поддержал (или, по крайней мере, не мешал).

И вот в переполненной самой большой в институте аудитории (её называли Ленинской) – фантастические гости и речи. Старенький Илья Эренбург говорит о том, что поедет только в социалистический Мадрид, генерал Батов вспоминает о военных победах и поражениях республиканцев, легендарная Долорес Ибаррури шлёт приветственное письмо...

Ещё через год новое увлечение Анатолия Пазухина – Осип Мандельштам. Пазухин готовит вечер его памяти. Уже написаны варианты сценария, уже репетируют чтецы и приглашены известные литературоведы.

И тут кто-то из членов институтского парткома поинтересовался, кто он такой – Осип Мандельштам. Оказывается, его не печатают, оказывается, он был арестован и сгинул в сталинских лагерях.

Шёл уже 1968 год, и «гайки слегка закручивались».

Вечер отменён. Пазухину – выговор по партийной линии.

Может быть, и повезло – Толя уже заканчивал пединститут, и его ждала ульяновская сельская школа.

Прошло ещё четыре года. Я завершал трёхлетнюю историю работы в школе в Якутии, выпустил свой первый класс и сориентировался на поступление в педагогическую аспирантуру.

И вот тут снова на горизонте появился Анатолий Пазухин и в два счёта убедил меня, что лучше всего готовиться в аспирантуру, работая у него в школе в селе Ундоры.

Пазухин, Анатолий Фёдорович Пазухин, директорствовал в этой школе уже второй или даже третий год.

Чудесности сопровождали его и здесь.

Неведомыми путями московская культура долетала до дальней сельской школы. Из Пушкинского музея привозили эксклюзивные репродукции всемирно известных художников, перед ребятами концертировали баянисты и пианисты (победители международных конкурсов), лектор из Москвы рассказывал хлопающим глазами деревенским школьникам историю импрессионизма и кубизма...

У самого директора как-то необыкновенно сочетались эти всемирно-культурные увлечения с отплясыванием на учительских посиделках барыни и распеванием русских народных песен.

Вероятно, у Толи были секретные намерения удержать меня в школе, но не получилось – я уехал в аспирантуру, а сам Пазухин через пару лет вдруг приземлился в «Артеке» начальником одного из лагерей, а ещё через два года стал директором Гурзуфской школы.

1978 год. Я в отпуске в Гурзуфе. Расспрашиваю, что сделал директор Пазухин за год?

Директор «докладывает»: «Провёл всеобщий опрос «Если бы я был директором нашей школы...».

Много чего понаписали школьники, учителя и родители, но на первом месте: «Уволил бы Пиночета!». Пиночет было прозвище преподавателя НВП (начальной военной подготовки). Достал он всех прилично. Ну что ж, Пиночета директор уволил – было за что. С этого и начался авторитет нового руководителя школы.

В Гурзуфе Анатолий Пазухин развернулся. Привлекать в школу москвичей было здесь легче, чем в селе Ундоры. Как-никак – Крым.

Приезжали новые выставки из Пушкинского музея, знаменитости (Фазиль Искандер, Белла Ахмадулина...) дарили книжки, известные авторы школьных учебников читали лекции для учителей, московские балетмейстеры помогали создать балетную студию с классическим репертуаром.

В школе появились Пушкинский сад, особенные музеи, 7 (семь!) библиотек. Да и сама школа стала имени Пушкина.

Рассказы про эти события долетали до меня разными путями: то от общих друзей, то во время изредка случавшихся в восьмидесятые годы общих застолий.

Но наступили девяностые и двухтысячные годы. Гурзуф стал не советский – украинский.

У Анатолия Пазухина, как у большинства директоров-авторов школ, были непростые отношения с образовательным начальством и в советские времена, но в новое время, время нарастающей нерусскости и бестолковой анархии, стало совсем тяжко.

Пазухин стал рваться в Россию. Я пытался ему помочь устроиться в Ульяновске, но не получалось. Со здоровьем тоже не ладилось.

Ушёл Анатолий Фёдорович на какую-то неважную должность в Ялтинское горно и тосковал от своей ненужности.

**

В моей жизни были два человека, о которых сжимается сердце, – они немного не успели дожить до марта 2014 года, ставшего бы для них счастьем.

Один из них – Толя Пазухин.

Он умер в книжном магазине города Ялта 4 февраля 2014 года – за 42 дня до Весны.

3. Владимир Абрамович Караковский

В марте 2015 года ушёл из жизни один из самых выдающихся практиков и теоретиков воспитания поздней советской и современной российской школы Владимир Абрамович Караковский.

В моей педагогической судьбе знакомство с В. А. Караковским, с челябинской и московской школами, где он работал директором; осмысление его научно-педагогических и мировоззренческих идей стали важными источниками понимания социального мира и педагогических реалий.

Сначала Владимир Абрамович Караковский был для меня легендой. Где-то там, в Челябинске, есть директор школы, который вместе со старшеклассниками участвует в деятельности отряда юных коммунаров, носит на лагерных сборах школьного актива красный галстук и поёт у костра вместе с ребятами песни о таёжной романтике и любви. Об этом рассказывал в «Комсомольской правде» журналист С. Л. Соловейчик и ребята из Фрунзенской коммуны, с которыми мы, ульяновские школьники, дружили.

Потом, в 1974 году, был эстонский город Эльва, конференция московских и эстонских педагогов из научных групп Людмилы Ивановны Новиковой и Хейно Лийметса. И гость из Челябинска Владимир Абрамович Караковский провозглашает удивившую меня, начинающего аспиранта, идею: дети должны делать *то, что им хочется*, а хотеть они должны то, что хотим мы, педагоги. Тогда это утверждение казалось отрывом от распространённой практики: дети *должны делать то, что хотят* умные, опытные *взрослые*.

Позже, в 1990-х, в педагогических кругах эта максима Караковского оспаривалась: не получается ли здесь манипуляция над внутренним миром ребёнка? И ответы на этот вопрос были разные.

Одни диспутанты присоединялись к Караковскому, другие говорили, что такая позиция разрушает самоопределение школьников – главное условие личностного развития. Там, в Эльве, и состоялось моё знакомство с Владимиром Абрамовичем, и я напросился к нему в Челябинск на лагерный коммунарский сбор школы.

Вообще-то коммунарским лагерным сбором меня тогда было не удивить: и сам школьником участвовал в них и нечто подобное, уже будучи молодым педагогом, проводил.

Но лагерный сбор в челябинской школе № 1 произвёл сильное впечатление: и его начало ранним-ранним утром митингом у памятника солдату Алёше, поставленного усилиями школьников и педагогов к 30-летию Победы; и символическое действие на границы Азии и Европы; и когда мы после десанта «Штурм горы», уставшие, возвращались в город и нас творческим сюрпризом встречал сводный отряд, превративший в сцену крышу крыльца школы.

Но ещё больше запомнилось ситуация обсуждения сбора после его окончания. Мы сидели с Караковским где-то позади школьников и он, к моему удивлению, не очень-то слушал высказывания ребят, но каждому выступающему выдавал яркие неожиданные характеристики. Так впервые для меня приоткрылась идея, что за педагогикой коллективной творческой жизни существует более глубокий слой педагогики: жизненные, индивидуальные проявления детей и подростков.

Стоит ещё рассказать про связанную с челябинской поездкой замечательную, наверное, не подтвердившуюся гипотезу.

Хотя в Челябинск у меня была командировка, получилось так, что жил во внесборские дни я у Караковских, и Владимир Абрамович кормил меня замечательными блюдами: мясом по-австрийски, салатом по-уральски. И у меня появилась гипотеза, что талант директора школы коррелирует с талантом повара: и там, и там надо было смешивать множество ингредиентов, чтобы «блюдо» получилось правильное. Я вспомнил пару примеров из жизни знакомых директоров школ – и вроде бы соответствие обнаруживалось. Каково же было моё разочарование, когда через сколько-то лет Владимир Абрамович обмолвился, что эти замечательные блюда готовила его жена Инна Алексеевна. Но, может, я что-то не так понял?

Потом Караковский появился в Москве: сначала писал в годичной аспирантуре кандидатскую диссертацию, а затем стал директором 825-ой московской школы.

Я в этот же год начинал работать организатором внеклассной и внешкольной работы в ульяновской школе № 62 (сейчас эта должность называется «замдиректора по воспитательной работе») и в меру своих умений пытался «строить» в школе коллективную творческую жизнь. Но в попытках устроить хорошую жизнь в школе нам не хватало образцов этой хорошей жизни. И в поисках образов такой жизни группа школьников и учителей нашей школы отправилась на коммунарский сбор уже в московскую школу В. А. Караковского. После этой поездки мне с учителями стало разговаривать легче.

Воспитательная система челябинской школы № 1 и московской школы № 825 и в 1970-е, и в 1980-е годы строилась на идеях романтического коммунизма, понимаемого как общество свободных, творческих, коллективистских людей, стремящихся к общему социальному благу. Может быть, квинтэссенцией этого устремления было раннее утро 22 апреля, когда все, кто ЛИЧНО считал это необходимым (школьники, их родители, учителя, директор), шли к мавзолею Ленина – причём в этой акции никакого организованного хождения классами, педагогами, никакой обязательности для учителей и детей не было...

В начале 1990-х годов для школы № 825, школы Караковского, наступили сложнейшие времена. Романтико-коммунистическая система воспитания «налетела» на изменившиеся социальные ценности, ориентиры, реалии.

Перед педагогами и перед самим директором встал вопрос: отказываться ли от своей успешной воспитательной системы, от педагогических идей, в которые верила значительная часть педколлектива? Но если отказываться – что взамен? Ответа не было.

И тогда учителя попытались понять, что же в действительности стоит за успешной педагогикой школы, нет ли в ней более глубоких, чем коммунистические идеи, оснований, не привязанных однозначно к какой-либо идеологии. В. А. Караковский и педагоги школы нашли ответ на этот вопрос, и ответ оказался непростым.

Переосмысление оснований своего опыта через серию педагогических советов и обсуждений позволило увидеть те ценности, на которые объективно опиралась школа в

предшествующие годы. Так появился перечень ценностей, который и сейчас остаётся точкой отсчёта для построения воспитания в школе. Он, начиная с публикаций В. А. Караковского в 1992–1993 годах, стал известен, даже популярен в той части педагогического мира, которая ориентируется на решение задач воспитания. Напомним его: Человек, Семья, Отечество, Знание, Мир, Труд, Культура, Земля. Тезисом, выражающим путь и способ жизни этих ценностей, была ещё одна максима Караковского: «построение лучшей жизни лучшими отношениями».

В новых условиях школа Караковского, сохранив основные стратегические формы организации воспитания (лагерные сборы, ключевые общешкольные дела, встречи рассвета), изменила их символические значения. Теперь на сборе отряды носили разноцветные галстуки как символ «нашего разнообразия», в ключевых школьных делах усилилась ориентация на вневременные российские культурные символы: Пушкин, «Мы – москвичи». Рассвет стал Рассветом Победы, когда в начале мая все, кто считал это важным, встречали его на Воробьёвых горах, откуда открывается утренний вид на предпраздничную Москву.

Но возникло новое поле напряжения, новая проблема: а имеют ли школа, педагоги право на построение жизни детей, значительно отличающейся от окружающей социальной жизни, не создаёт ли школа своей воспитательной успешностью жизненные конфликты детей, неприспособленность детей к взрослой жизни? Проблема для педагогики были не новой. Она возникала всегда перед успешными в коллективном воспитании учителями – и в 1970-е, и в 1980-е годы. Но в 1990-ые вопрос о соотношении школьной и «большой» жизни оказался более острым.

Ответом на его стало, может быть, одно из самых тонких утверждений В. А. Караковского: школа имеет право на построение ИНОБЫТИЯ, мира, отличающегося от окружающей жизни, если эта «иная жизнь» подаётся не как верная, правильная, а как «один из возможных миров». Как жизненный опыт, к которому можно по-разному относиться во взрослой жизни: как к светлому воспоминанию из школьной жизни, или как к норме отношений для близкого жизненного круга, или как ориентиру во взрослых социальных деяниях. И эти разные отношения равноправны. «Каждый выбирает по себе...», – так звучит строчка из любимой песни Владимира Абрамовича.

Владимир Абрамович Караковский до последних своих выступлений оставался энергичным защитником воспитания как организованного социального деяния, дающего человеку шанс на добротворческую умную позицию в ближнем и дальнем мире.

Теории воспитания – особенные теории. Уберите из них авторов идей – и теоретические положения станут сомнительны. Научные педагогические идеи убедительны, если убедительны личности их носителей. Это и о педагогике В. А. Караковского.

Влияние выдающихся педагогов на современников и даже далее, на следующие педагогические поколения, двояко. Что сильнее вдохновляет на научные и практические деяния – стиль Антона Макаренко или его педагогические идеи, образ Константина Ушинского или его антропология, жизнь Иоганна Песталоцци или его размышления о роли ручного труда в умственном развитии – ещё неизвестно.

То же можно сказать о Владимире Абрамовиче Караковском. Его идеи, положения – ценны для педагогической науки и практики, но для судьбы педагогической науки, для судьбы воспитательной практики, для множества людей, втянутых в орбиту дела образования, не менее ценны встречи, жизненные пересечения с Караковским, порождавшие всегда новые чувства и новые мысли.

А ещё Владимир Абрамович любил рисовать симпатичную коровку-бурёнку с цветочком в зубах. Когда-то такую бурёнку он нарисовал, как бы детям, и в моём доме. Так она и хранится в одной из домашних памятных папок.

4. Александр Наумович Тубельский

Об Александре Наумовиче Тубельском мне рассказала Елена Хилтунен, замечательный журналист и человек, который перезнакомила в педагогическом сообществе 80–90-х годов многих со многими.

Заканчивался 1979 год, я работал в Ульяновске в школе, и кое-что получалось. Но было чувство нехватки свежего воздуха, свежего ветра. На школьные каникулы мы отправили два десанта старшеклассников в Москву: на коммунарский сбор 825-ой школы к Караковскому и в агитпоход пионерского штаба Бауманского района Москвы.

Сам я был в Москве в эти дни по совершенно другим делам, но в агитпоход на час выбрался – посмотреть, как там мои.

В каком-то полутёмном помещении поселковой школы только что вернувшиеся то ли с концерта на ферме, то ли с праздника для детсадовцев отряды агитпоходовцев докладывали невысокому с короткой стрижкой, с изрядной долей седины, и большими карими глазами человеку о том, как им было весело и интересно. Это и был руководитель штаба бауманцев Александр Тубельский.

Александр Наумович не спешил присоединиться к радости агитпоходовцев. Он принимал рапорты, но и задавал вопросы: «А с кем вы познакомились на ферме? Что узнали о людях? А понравился ли детсадовцам праздник? А кто с кем из детсадовцев познакомился, подружился? А будете ли вы дальше поддерживать с ними дружбу? А что вы для этого сделаете?».

Вопросы агитпоходовцам как-то выбивались из того, что мне казалось важным, – я бы спрашивал совсем другое: «Подружились ли вы в отряде друг с другом? Было ли дело проведено творчески?».

Но именно в социальности вопросов и действий уже тогда была соль педагогического мира Тубельского.

Когда Александр Наумович в 1985 году взял школу, слухи и сообщения из школы были похожи на фронтовые сводки – нет, скорее не на фронтовые, а на строительные. И мы на расстоянии радовались его шагам, удивлялись его действиям, обсуждали проекты и реалии «строящегося здания школы, которая работает «не так».

В 734-ую школу, школу Тубельского, пожалуй, я не приезжал ни разу специально. Но как только в московских командировках появлялось окно – местом встречи с Александром Наумовичем оказывалась школа, а пространством – какое-нибудь школьное событие.

Больше всего запечатлелись в памяти четыре события: педсовет, лицейский день, Совет школы, сентябрь 2001 года и один короткий разговор.

Педсовет – год 1990-й.

Творческие группы педагогов докладывали концепции преподавания учебных предметов. Литераторы доказывали тезис: смысл преподавания литературы – развитие школьника как читателя и школьника как человека пишущего, на каком произведении это будет происходить – неважно, лишь бы произведение было такого уровня, что создавались бы возможности формирования читателя и пишущего человека. То, что меня потрясло, – это отсутствие спора по поводу фактического перечёркивания списка обязательных для изучения произведений. Это воспринималось как само собой разумеющееся. Жарко обсуждалось другое – что такое сформированный читатель и что такое пишущий человек. Ощущение было, что я на педсовете даже не XXI, а XXII века.

Лицейский день.

Моё воспоминание – об игровой атмосфере лицейского дня.

В тот год в школе под лестницей сделали маленькое уютное кафе, куда в момент перерыва в лицейской программе и позвал Тубельский гостей. Но поговорить не получилось. В кафе зашёл школьник лет тринадцати и сказал неуверенным голосом Александру Наумовичу, что проиграл фант и должен посему сыграть с «господином директором лицея» в «дурака».

- Что ж, князь, – сказал Александр Наумович в этот лицейский день «господин директор», – колода найдётся?
- Д-да – отвечал «князь», вытаскивая из кармана карты.

- Так зачем'с откладывать, начнём'с, сударь. На что играть будем?.
- На заливные луга, – пролепетал запинаящийся «князь».
- А хороши ли ваши луга, князь?.
- Двести соток.
- Ну, что же сударь, сдавайте.
... и игра началась...

...На секунду вернёмся к реалии. Итак, к директору школы подходит семиклассник и объявляет, что тот должен играть с ним в «дурака». Причём ситуация публичная, в присутствии вроде бы респектабельных гостей школы. Каково?

Совет школы.

В Совете школы (6 голосов – за учениками, 5 – за педагогами, 5 – за родителями и «право вето» за школьником – «защитником прав») обсуждался вопрос о выделении денег одиннадцатиклассникам на поездку в Питер.

Перед представителями одиннадцатого класса педагоги и директор ставили вопросы: «А зачем вы собираетесь в поездку? В чём образовательный смысл путешествия? Сколько вам нужно денег и зачем?».

Одиннадцатиклассники убедительно говорили, что это последняя возможность побыть классом вместе, что деньги нужны для оплаты поездки двух учеников, у которых собственных средств нет, что нужно 1000 рублей, но на образовательных вопросах запинаясь и отвечали неуверенно. Педагоги же нажимали как раз на эти вопросы.

Директор спросил у какой-то девочки (оказалось, что-то вроде бухгалтера Совета), сколько денег на внебюджетном счету школы и можно ли выделить 1000 рублей. Девочка, как истинный бухгалтер, помялась, но сказала, что деньги есть.

«Что ж, голосуем», – сказал председатель Совета, директор школы.

В итоге проголосовали – дать, а самая нападающая учительница предложила выделить 1500 рублей (с учётом непредвиденных обстоятельств). Так и решили.

Сентябрь 2001 года (вскоре после теракта в Нью-Йорке).

В кабинет Тубельского почти вбегает учитель и взволнованно говорит, что на Стене гласности, где ребята после митинга

солидарности с жителями Нью-Йорка могли написать о своих чувствах, появилась надпись, одобряющая теракт.

Александр Наумович не задумываясь: «Он подписал?».

Учитель: «Подписал».

Тубельский: «Уф!».

Я спрашиваю: «Что это?».

Тубельский: «Да есть у нас один такой из молодёжной организации баркашовцев. Так чтобы он по-честному, не подло заявлял свои мнения, пришлось повозиться. И вот – подписал.».

Я замолкаю, потому что логика действий Тубельского мне понятна, он её не раз проговаривал: если у нас Школа самоопределения с демократическим укладом, то это школа открытости и ответственности. Любые взгляды возможны, если за них ты берёшь ответственность и если ты не нарушаешь законы школы.

Но представим себе другую школу и подобную ситуацию...

Короткий разговор.

Приезжаю в школу и вижу непривычное для 734-ой: красивые серые стены из новейшего материала, красивые полы, новая мебель в учительской.

Тубельский: «Я подумал – у меня хорошая школа, а почему ей ещё не быть красивой».

**

Когда-то на круглом столе «Отечественная педагогика – диалог концепций» Александр Наумович развивал любимую свою идею о двух берегах реки образования: «педагогическом» – с жёсткими программами, общими для всех образовательными правилами, общим содержанием и «детском» – с индивидуальными устремлениями, смыслами, с собственным образом жизни в образовательном мире.

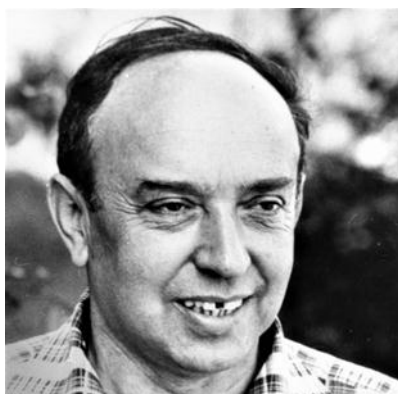
Из зала спросили: «А вы где, Александр Наумович, на каком берегу?».

«А я паромщик, перевожу педагогику на детский берег...».

Как-то он рассказал о своей мечте: «Вот есть такой двухэтажный дом, и я там живу, на втором этаже. А на первом – школа. Ко мне, на второй этаж, приходят друзья, и мы чего-нибудь придумываем. А потом идём на первый этаж, к детям. Хотел бы я жить в таком доме».

Может быть, Александр Наумович и смотрит на нас, оттуда, с верхнего, «второго» этажа, и к нам ещё не раз будут возвращаться его слова, мысли, деяния.

5. Олег Семёнович Газман

Начиная эти заметки, трудно решить, как называть в них главного героя. В глаза всё-таки чаще всего я называл его Олег Семёнович и на «вы», хотя иногда проскальзывало и Олег, и «ты».

Между собой же мы, люди команды Газмана, говорили «Газман», «Олег». Так в моей памяти и закрепилось это многоголосое имя. Посему в этих заметках так и будет: Олег, Газман, переходящее только иногда в Олега Семёновича.

Начинался для меня Олег Газман как имя одного из вожатых «Орлёнка» в далёком 1963 году, куда (в «Орлёнок») меня, десятиклассника, занесло по совершенно случайным причинам.

Нравы в «Орлёнке» были таковы, что школьники знали по именам вожатых не только своего, но и других отрядов.

Самых выдающихся, заметных отличали по фамилии. Именно они, «фамильные»: Витя Малов, Толя Мудрик, Люба Балашкова, Ира Леонова, Миша Зубаткин – становились чаще героями лагерного фольклора: сочинялок, частушек, пародий. Имя «Олег Газман» – в этом ряду. Хотя как-то отделить, выделить его из яркого созвездия соратников тех лет не получается.

Ребята, приезжавшие из «Орлёнка» на следующий год, Газмана выделяли. Он уже был начальником лагеря «Комсомольский» со своим устойчивым обозначением «наш папа Газман».

А потом лето 1968 года, я вожатый в трудовом лагере московской школы на Чёрном море, и мы, педагоги и вожатые лагеря, едем в Сочи в ресторан – провожать нашу начальницу лагеря в какую-то дальнюю поездку – чуть ли не в Румынию.

В ресторане к нам присоединяется Олег. Оказывается, все его знают, и он работает здесь, в Сочи (почему-то шофёром).

И вот в разгар застолья-провождения Миша Балашов, учитель нашей московской школы, и Газман в два голоса очень красиво запели «Летят утки». И это было совсем не ресторанно.

Прямое же знакомство с Олегом Семёновичем произошло уже в Москве, через десять лет, в лаборатории «Коллектив и личность» Института общих проблем воспитания АПН СССР.

Олег заканчивал многотрудное писание своей кандидатской и готовился к защите. Для меня, начинающего аспиранта, это было заметное событие сразу по многим причинам.

Перечислю их по порядку:

- Прежде всего, имя – Газман, Олег Газман – из легенд «Орлёнка». Я к тому времени читал его статьи, материалы, поэтому содержание его большого научного исследования меня по-настоящему интересовало.
- Обсуждения в лаборатории: они оказывались весьма напряжёнными и поучительными.
- Защита: первая из защит кандидатской диссертации, на которой я присутствовал.
- Банкет в ресторане-поплавке за кинотеатром «Ударник»: весёлый, по-орлятски остроумный и песенный.

Как говорили в лаборатории, Газман написал материалов на три диссертации (в памяти даже осталась называвшаяся цифра – 494 страницы!) и никак не мог соединить их в одну.

Он стал одним из первооткрывателей историко-педагогической темы российских педагогических журналов конца XIX – начала XX века.

Газман показал, как, через какую деятельность и ситуации детский коллектив становится не только объектом воспитательных усилий педагогов, но и активным началом, субъектом воспитания.

Олег приоткрыл глубинные психологические основания динамики детского коллектива как становления его субъектности – логику проявления и развития потребностей и интересов ребят во временном коллективе.

Научная неоднозначность текста Олега, споры о соотношении психологии и педагогики подталкивали его неоднократно спрашивать по разным поводам у сотоварищей: «Так какую диссертацию я написал – по педагогике или по психологии?».

С диссертацией у Олега была ещё одна проблема, про которую он говорил, чуть не жалуясь. Его привычка работать совместно, в

обсуждении, в дискуссии, когда где моё, а где общее – трудноразлично, противоречила сути жанра диссертации как индивидуального продукта.

Я вспоминаю эти черты газмановского отношения к науке, научной деятельности, своим текстам в семидесятые годы, как то, что оставалось свойственно ему и позже.

В лаборатории воспитательных инноваций Института педагогических инноваций РАО, во временном научно-исследовательском коллективе «Центр творческого воспитания» (форма существования команды Газмана), самое интересное, новое тоже нередко рождалось в совместной деятельности, в обсуждении, где трудно фиксируется однозначно чьё-то авторство. Также Олега заносило вглубь текстов, правда, теперь не в историю педагогики, а в философию. В таких случаях он как бы отдалялся, дистанцировался от текущей работы, и строгий человек Наташа Харитоновна, сотрудница лаборатории, ворчала: «Он там с Кантом – и ему хорошо. А дело не делается».

Тема написания Олегом докторской работы была одной из постоянных в его окружении. Пытались и так и этак затолкать его в целенаправленное создание большого текста. Он соглашался с нашими советами, подначками, даже вроде бы пари какое-то заключали, но безрезультатно. Вместо диссертации он написал свой знаменитый доклад 1995 года «Потери и обретения в воспитании после 10 лет перестройки».

Но и здесь Олег был Олегом. На конференцию, где Олег Семёнович должен был этот доклад читать, я приехал за два дня до начала. Олег попросил посмотреть и сказать, что изменить, добавить. Доклад «до» читали и другие сотоварищи Газмана. Текст уточнялся, менялся и в последний день, а то и в предпоследний час перед премьерой.

Конференция была особенной. Кроме зарубежных коллег, с которыми в это время разворачивался проект TRIO, в ней участвовали такие яркие педагоги, как Александр Тубельский, Исаак Фруммин, Ирина Колесникова – люди из того круга, который в науковедении называют оппонентским: близкие и более далекие коллеги, мнение которых остро значимо для данного научного сообщества.

О многом говорило и присутствие на конференции Людмилы Ивановны Новиковой.

Несмотря на весьма сильные расхождения между Газманом и Новиковой в научных конструкциях и подходах в эти годы для Олега Людмила Ивановна оставалась научным учителем и авторитетом.

Её участие в конференции было для него очень важным знаком. Об этом он говорил «своим» и в неофициальной обстановке.

Как-то ни разу не получалось встретиться, поговорить вдвоём, не торопясь, без всякого научного повода. После конференции сговорились: возьмём в следующий раз бутылочку коньяка и посидим. Казалось, времени ещё бездна и всё осуществится.

Не осуществилось...

Летом девяносто шестого Олега не стало.

6. Симон Львович Соловейчик

1964 год. Я – школьник. У нас в школе Клуб юных коммунарков – странное самодеятельное объединение без участия учителей. Переписываемся со страничкой «Алый парус» в «Комсомолке», дружим с ленинградскими ребятами из Коммуны юных фрунзенцев.

Сима Соловейчик для нас – легенда. От ленинградских коммунарков слышим: «Сима сказал..., Сима Соловейчик предложил» – есть, оказывается, такой, свой для коммунарков, журналист в «Комсомольской правде».

1974 год. Я – московский аспирант, интересуюсь понемногу всякими необычными педагогическими людьми.

Коммунарский сбор в школе, где работали удивительные Олег и Ада Лишины. Поздний вечер, в просторной рекреации на третьем этаже – большой круг старшеклассников: обнявшись, поют что-то из Визбора.

Снизу появляется высокий, худой, черноволосый человек. Это Симон Львович Соловейчик. Он идёт к кругу ребят, что-то бормочет, встаёт в круг, подпевает пару слов, осторожно выходит из круга, движется потихоньку по его внешней стороне, прикасаясь то к одному, то к другому из поющих, прищёптывает песенные слова.

Позже я, Соловейчик, Ольга Мариничева – журналист «Комсомолки», что и привела его к Лишиным, сами Олег и Ада стоим на каком-то лестничном пролёте, и Симон Львович негромко удивляется: «Люди другие, дети другие, а всё то же самое – и во «Фрунзенской коммуне», и в Москве в «Алом парусе». Как и десять лет назад так же поют, так же разговаривают, так же взрослые не торопятся сказать слово. Вот она – настоящая педагогическая технология!».

Ольга и Симон Львович потихоньку уходят, растворившись в московском вечере. Коммунарский сбор продолжается – отряды подводят итоги дня и называют тех, кто внёс наибольший вклад в дела дня.

1975 год. Мы дома у Соловейчика. Вечерняя комната, тенями молчаливые дети: шустрый мальчик и глазастая девочка – Артём и Катя. На заднем плане – восточного облика с отблесками печали симпатичная хозяйка дома. В центре – энергичный, буратинистый Сима, гипнотизирующе рассказывает про замечательную картину, купленную за трояк у бомжа; про новосибирского художника, неправильно рисующего Ленина, – как потом нашлась фотография, где Ленин прямо такой и есть, как у неправильного художника; про инженеров из ракетного кабэ, у которых всё, как у коммунаров: шуточки, песни, вера в миссию и в то, что «понедельник начинается в субботу».

Позже Симон Львовича провожает нас, гостей, по тихой улице и напевает: «Ви шел оверкам». Мы немножко подпеваем: «Ви шел оверкам. Мы преодолеем. Мы всё преодолеем...».

Наверное, в этот же год (или чуть позже) Соловейчик подарил мне журнал со своей пьесой про учителя Лунёва – «Печальный однолюб» с надписью: «Сергею Полякову, человеку из Лунёвых». Я смущён подарком. Лунёв списан с Виктора Фёдоровича Шаталова – я же не воспринимаю себя ни Шаталовым, ни Лунёвым.

1977 год. Работаю организатором внеклассной работы в московской школе. Соловейчик участвует в создании телефильмов «о ребячьих комиссарах». Ему нужна школа, где получается коллективное творческое воспитание. Я пытаюсь работать в этом ключе: что-то получается, что-то не получается. В один из дней в школе появляется Симон Львович с телеоператором. Оператор с сотоварищами тянут провода и расставляют софиты. Я – в растерянности: не знаю, был ли разговор об этих действиях с директором, и вообще почему-то не люблю публичности своей деятельности, может, потому, что считаю её не слишком удачной.

Соловейчик идёт к Юлию Михайловичу Цейтлину – директору школы, и тот, к моему облегчению, разрешение на съёмки не даёт. Софиты гасятся, провода сворачиваются, оператор с Симоном Львовичем удаляются.

Позже узнаю: Юлий Михайлович звонил Людмиле Ивановне Новиковой, моей научной шефине, человеку, который для Цейтлина –

несомненный авторитет. Людмила Ивановна к Соловейчику относится настороженно. Она считает, что его публикации о замечательных педагогах создают этим учителям проблемы и мешают нормально работать. Цейтлину проблемы не нужны – «Ребьячи комиссары» поехали дальше.

1978 год. Я работаю в Ульяновске в школе в той же должности – организатора внеклассной работы. Проповедую педагогику коллективных творческих дел. Учителя в неё верят и не верят (мало ли чего выдумает начинающий организатор внеклассной работы). Но тут появляется книжечка Соловейчика «Воспитание творчеством». Добываю сколько-то экземпляров и запускаю её «по людям» – оказывается, про то, что учителя считали моими придумками – не совсем моё, книжки про это пишут. Наше взаимное доверие вроде бы растёт.

1986 год. «Учительская газета» каждый вторник публикует страницу «Педагогика сотрудничества». По стране – волна слётов, сборов, конференций, жаждущих творческой педагогики. Одна из конференций – в Архангельске. Среди гостей – Симон Львович Соловейчик и Олег Семёнович Газман.

Обратно едем вместе в поезде до Москвы. Симон Львович рассуждает: «Наверное есть две педагогики. Одна основана на психологии – Василий Васильевич Давыдов, Игорь Петрович Иванов, вторая – на этике: Януш Корчак, Амонашвили...». На меня это производит впечатление: я считал, что вся хорошая педагогика – от психологии.

1989 год. Съезд Союза творческих учителей – в лагере недалеко от Сочи. Коричневые песчаные дорожки. Под зелёными деревьями, на склонах горы – скромные дачки. В дачках живут, общаются, договариваются и строят «заговоры» делегаты съезда.

Ограждённая каменным заборчиком эстрада. Синие скамейки, долгие заседания. Холодно. До глубокой ночи, закутавшись в одеяла, надвинув на уши свитера, в майской ночи под свежесть и запах моря решаются судьбы ещё советского образования.

Кого здесь только нет! Российский историк педагогики, итальянец по происхождению Бим-Бад; разумный эстонец Юло Вооглайд; начинающая знаменитость Щетинин; общелюбимый замечательный Шалва Амонашвили; шаталовцы, ивановцы, коммунары, сторонники космического гуманизма, болгары из клуба

любителей фантастики, раздающие значки анархо-синдикалисты; социологи, психологии, генерал ракетных войск в отставке...

Симон Львович, спрятавшись в зелёный плед, слушает говорящих, машет руками на страстных докладчиков, что-то пишет в блокнот.

Когда приходит его черёд говорить, пытается смягчить страсти, но получается не очень.

1989 год, через два месяца. Необычная смена в «Орлёнке»: сбор «Сотрудничество». 250 педагогов и 250 школьников из 50 школ Советского Союза. История про этот сбор – это отдельная история.

Соловейчик появляется где-то в середине смены, ходит по площадкам и отрядам – присматривается к происходящему. Как-то подзывает меня и говорит, чтобы я пошёл в библиотеку – там для меня книга. Книга синяя толстая – «Воспитание по Иванову». Это сборник про коммунарскую педагогику: то самое «Воспитание творчеством», новое – «Дневник Николая Фёдоровича» и статьи о создателе коммунарской педагогики Игоре Петровиче Иванове.

1990 год. Дачный посёлок. Мартовский снег. Приближается ночь. Темень, размеченная кляксами от фонарей. Прибитый к земле щитовой домик. Дверь. Тёплая веранда. Конус света к книге. Книга – «Психотерапия». Симон Львович – по-прежнему кудрявый, высокорослый, тёмноволосый, с телом на шарнирах. Пьём жёлтый чай из белых тусклых бокалов.

«Вот, – машет Соловейчик на книгу, – вот там настоящее воспитание, вот что надо читать». Симон Львович отвечает на вопрос, ради которого я приехал. Я пишу его ответ в блокнот. Пьём по глотку чая.

Ночь окончательно вступает в свои права. Дребезжащий зов электрички. Пора возвращаться.

1992 год. Редакция газеты «Первое сентября». Большая комната. Посередине – очень большой стол. На нём разложены рукописи и гранки предстоящего номера газеты. Я принёс в газету текст «Педагогика Стругацких». Печатался в газете и раньше – но всегда имел дело только с редакторами. Текст про Стругацких большой – поэтому вопрос о его публикации должен решать главред.

Симон Львович не такой стройный, как в прежние годы, с брюшком и сединой в черноволосых семитских волосах. Жесты по-прежнему широки, энергичны и плавны. Тело за ними не успевает.

Внимательно листает принесённый текст, бормочет в своей манере: «Да...да, да...».

«Стругацкие» в «Первом сентября» с минимальной редакторской правкой появляются.

1996 год. Сорок дней ухода Олега Семёновича Газмана. В Зеленограде в тесной комнате в доме Газмана – человек пятнадцать. Симон Львович тихим голосом: «А мне вот брат приснился».

Я: «Симон Львович, у вас был брат?».

– Да, был. Умер в войну».

Молчит.

Через два месяца ушёл сам. Сердце...

7. Борис Натанович Стругацкий

2012 год, декабрь. Умер Борис Натанович Стругацкий.

Умер один из немногих современников, на кого можно было оглядываться. Ушёл в иные миры один из главных создателей мировоззренческих ориентиров для поколений шестидесятых и семидесятых, восьмидесятых и девяностых, и даже двухтысячных.

Когда-то давно, в прежние годы, братья Стругацкие написали, а Борис Натанович повторял и повторял уже в «новые времена»: «В жизни есть три предельные ценности: дело, любовь, дружба».

О чём тут спорить!

Но спор есть, посему как существует и другой список «ценного». Чётче всего его выразил Борис Немцов: «Главные ценности – свобода, здоровье, деньги».

... Каждый выбирает по себе...

Мне приходилось видеть Бориса Натановича один только раз, и это была не более чем минутная «деловая» встреча.

Московское издательство, издавшее толстый-толстый том «избранных Стругацких», узнав, что я еду в Питер, попросило передать экземпляр Борису Стругацкому. Я знал (уже шёл 2004 год), что Борис Натанович нездоров, мало кого приглашает в дом и не рассчитывал на гостевание: но задание есть задание.

Созваниваюсь, прихожу на улицу Победы, говорю что-то в домофон, поднимаюсь на четвёртый этаж - дверь открывает весьма пожилой мягкий человек в толстых очках и в очень тёплом коричневом, почему-то кажется самодельном, жилете.

Я передаю книжку. Слышу тихое: «Спасибо» – и нагло «всучиваю» мэтру два своих текста: «про педагогику Стругацких» и книжицу с научно-фантастическими педагогическими вставками.

Хозяин растерянно принимает «дары».

На этом, собственно, мы и попрощались. И пошёл я потихоньку к метро, через слегка захламлённый питерский двор, мимо пацанов со старыми скейтами, мимо дворовых бомжей, вдоль стенда со старой газетой «Правда» и слегка надорванной афишей «Поющих гитар».

А надо мной и над питерской улицей Победы расчерчивал апрельское небо белый инверсионный след...

Вот, собственно, и всё про прямую встречу с Борисом Натановичем.

Но было ещё три косвенных.

Году в 1976-м, когда была написана диссертация и её том ожидал вердикта экспертов, я стал перечитывать зачем-то «Трудно быть богом», занося на какие-то черновики своего учёного опуса заметки о романе.

Эти заметки начинались так:

«По дороге на только что начавшуюся трудовую жизнь, в пока ещё новом пластиковом киоске, что на углу трамвайной Ленина и бульварной Гончарова, покупаю чёрную с рыжим дымом книгу. (Потом пропала, потом почти украл в библиотеке под Рузой).

На работе на втором этаже довоенного (скорее дореволюционного) здания проектного института УНИПТИМАШ в отделе электроавтоматики мимо общественно-необходимых чертежей стреляю глазами в «Трудно быть богом».

А вечером, уже дома, продолжение с поллитровой эмалированной кружкой густого какао, сопровождения тогдашнего запойного чтения...

...«Икающий лес», «Арканар», «Румата Эсторский» и слово «коммунар». Последнее – самое главное: потому что хотя ещё много дел, но коммунизм вот-вот появится на пороге, посему как есть уже коммуны в стройотрядах, программа КПСС со словами «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме...» и юношеские коммунарские клубы с девизом «Наша цель – счастье людей», по которому отмеряется прожитый день...

И тут у Стругацких: «... в каждом из нас подонок борется с коммунаром...». (Продолжение: «... и всё вокруг помогает подонку...» – не замечается).

Ну и так далее – страниц сорок настрочил. Перепечатал, заложил в большой-большой конверт и осчастливил редакцию научной фантастики издательства «Молодая гвардия».

Готовился, что похвалят, предполагал, что поругают. Где мне было знать, что во второй половине семидесятых эта редакция была самым «антистругацким» местом в издательском пространстве СССР.

Ответили вежливо, в две строчки: «Спасибо за внимание к жанру фантастики. ... Рукопись возвращаем».

Вторая история оказалась счастливей. В году девяносто втором принёс в «Первое сентября» Симону Львовичу Соловейчику большой текст «Педагогика братьев Стругацких.». Симон Львович заинтересовался. И текст был напечатан.

И уже в совсем новые времена - третье прикосновение: попытка психологически проанализировать самый педагогический роман Стругацких «Отягощённые злом, или Сорок лет спустя» и его главного персонажа – учителя не из нашего, а из другого, исторически альтернативного, 21 века – Георгия Анатольевича Носова.

**

Получился вот такой текст.

«Когда-нибудь напишут новые книги о шестидесятых годах двадцатого века (первой была книга П. Вайля и А. Гениса «1960-е»). И тогда какой-нибудь решительный историк отразит всю динамику этих лет, их порывы, мечты, напасти, страхи воплотит в образах – судьбах участников и вершителей этой эпохи.

И, может быть, этими образами-судьбами станут шестидесятые годы Аркадия и Бориса Стругацких.

Какие же краски потребуются художнику-историку для создания этого образа?

Вера в науку, «в звёзды», в то, что учёные – особые светлые люди – люди будущего. Вера в возможность больших и стремительных свершений (отголосок победной войны). Открытие и изживание своей жизнью тёмной стороны советского режима. Лёгкость пространственного бытия (горы Кавказа и Памира, леса Сибири и Карелии, пространство морей и океанов – всё есть пространство жизни обыкновенного городского человека шестидесятых годов).

Будущее как повторение лучшего в настоящем.

Литература как ценность, как образ жизни и писателя и читателя.

Всё это есть в судьбах Аркадия и Бориса Стругацких.

Многое из сего с возрастом, с мудростью, с обнаружением того, что «мир катится не туда», с открытием сложности устройства мира и человека перемелется, с болью переосмыслится, уйдёт, превратится в воспоминания, сопровождающиеся насмешкой и улыбкой.

Но что-то и останется.

И останется одна из вечных тем Стругацких, а может быть, всего шестидесятничества – тема Учителей.

Учителя и Ученики Стругацких – это Краюхин и Ермаков – «Страна багровых туч», Быков и Жилин – «Путь на Амальтею», Жилин и Юра Бородин – «Стажёры», Тенин и четвёрка подростков из Аньюдинского интерната – «Возвращение», мокрецы, Бела Кун и Ирма – «Гадкие лебеди», Гепард, Корней и Гаг – «Парень из преисподней», Майя Глумова, Стас Попов и Малыш из «Малыша», детство Абалкина – «Жук в муравейнике». Георгий Анатольевич Носов и лицеисты, а также Флора из «Отягощённые злом, или Сорок лет спустя». И далее, к Стену Агре из «Бессильных мира сего».

Один из главных героев романа «Отягощённые злом, или Сорок лет спустя» Г. А. (Георгий Анатольевич) Носов – идеолог и учитель Ташлинского педагогического лицея. Время действия – 2031 год. Пространство – альтернативная история Советского Союза.

Из текста романа, из высказываний и поступков Георгия Анатольевича, из действий и поступков учеников и оппонентов Учителя складывается вполне отчётливые представления об убеждениях, целях и личности главного персонажа романа.

Убеждения учителя Г. А. Носова:

- Учитель – этнограф, познающий неведомый мир детства, юности.
- Учитель – врач, лечащий от невежества, диких чувств, социального безразличия.
- Юридическое, законное, законы, правила – не есть высокие ценности. Высокие ценности – это договорённости с принятием личной ответственности за договор.
- Детей нельзя втягивать в социальные, политические «игры» взрослых. В их мире, мире детей и юности, хватает своих сложностей. Дополнять их жизнь интересами, проблемами, требующими выбора взрослых позиций взрослыми, – мешать смыслам детской жизни.

- Предательство учителем учеников невозможно. В предательстве человек перестаёт быть Учителем.
- Учитель должен жить с ощущением перелома истории, потому что в детстве, в юности прячется тот мир, который может прийти на смену существующему.
- Оппозиция – личность или технология – в воспитании неверна. Только наработанные лично юношей технологии имеют смысл для развития.
- Педагогика, конечно, должна давать чувства безопасности и защищённости, но ещё ощущения напряжения, сопротивления, преодоления.
- Педагогика выше социума. Только реализация этого лозунга делает педагогику ресурсом, потенциалом социального развития.

Личные и профессиональные веры Георгия Анатольевича:

- Вера в возможность позитивного в человеке.
- Учитель – терапевт, а не хирург. Искорёженного человека надо лечить, поддерживать здоровые побег, а не вырубать, вырезать его корни.
- Люди разные. Бессмысленно сравнивать людей друг с другом.
- Человечность – это отношение к другому человеку как равноценному.
- Обращаться к тем, кто слышит, «к спутникам», а не к тем, кто есть.
- Наказание – это ограничение человека, а не его развитие.

Что считает учитель Носов своими целями?

- Понимать и ещё раз понимать растущего человека.
- Поддерживать любознательность и развитие любознательности.
- Прививать милосердие.
- Растить, возвращать духовные запросы.

Каковы пути движения к этим целям?

- Понимание пониманием.
- Найти ученику любимое дело, и в нём обнаружить талант ученика. И наоборот – проявить талант и дать дело по таланту.
- Удовлетворять потребность в риске.
- Увлечь делом и собой, отвлечь от разрушающих ситуаций, привязать к делу.

– Не любишь человека – не говори ему.

Что главное в Георгии Анатольевиче Носове?

Самодостаточность! Достоинство! Выдержка!

**

Какие идеи педагогической психологии (а именно она провозглашает одним из своих разделов психологию учителя) пересекаются с историей учителя Носова и его лицеистов?

Идеи структуры педагогической деятельности: с целеполаганием, планированием, организацией деятельности и общения учеников, с контролем и анализом результата? – Ничего этого в романе мы не видим.

Идея построения коммуникативного акта: решение о его цели, создание модели действий, реализация коммуникации (связи), анализ и коррекция результатов. Опять ничего из этого мы не находим на страницах «Отягощённых злом...».

Можно, конечно, сказать – не цель писателя описывать праксеологию (устройство) педагогической деятельности и общения. Да, это верно. Но ведь другое в романе предъявляется! Сентенции Г. А.; следование лицеиста Мытарина за Учителем по властным кабинетам Ташлинска; поведение Учителя о Флоре – хиппи-сообществе 21 века; ночная «операция» Носова в лаборатории, производящей наркотики...

Следовательно, для авторов есть что-то более важное, чем правила педагогического общения и педагогической деятельности.

Но есть ли хоть что-то тогда в психологии, что стыкуется с деяниями, мышлением и страданиями героев романа?

Оказывается, совсем немного и совсем не в той психологии, которая прописана в учебниках и классических психолого-педагогических монографиях.

Из текстов психологов мирового уровня мы увидели только одно имя, только один пласт созвучий с героями «...сорок лет спустя». Это имя – Карл Роджерс.

Вот его идеи:

- «Если мы не сделаем шаг вперёд в понимании и планировании межличностных и межгрупповых отношений, то нас ждёт тотальное разрушение мира».
- Позволить себе понимать другого человека. (Не оценивать, а понимать!) Понимание даёт людям возможность меняться. Оно

разрешает принять им свои страхи, неуверенности, уверенности, милосердие.

- Для человека важно осознание, что его понимают.
- Каждый человек – остров, который имеет возможность строить мостики к другим островам.
- Только сам человек знает, насколько качественно и честно то, что он делает. Оценка других имеет меньшее значение.
- Человек в основе своей стремится к позитивным ценностям.
- Человек не может научить другого человека обучать, воспитывать. Только те знания значимо влияют на действия, поведение человека, которые являются личным открытием. Поэтому значимое обучение более вероятно в проблемных ситуациях.
- Учитель – это личность, а не безликое воплощение требования к учебному плану или трубопровод, по которому знания перетекают от одного поколения к другому.
- Значимое обучение появляется, если учитель может принять воспитанника таким, как он есть, способен понять его чувства и сделать доступным для него разнообразные ресурсы, в том числе такие, как опыт мышления и опыт отношения учителя.
- Стоит основываться на предположении, что ученики, сталкивающиеся с жизненными проблемами, хотят учиться, расти, искать, находить, верить учителю, стремиться к творчеству.
- Творческий процесс – это процесс получения нестандартного («не как у всех») продукта, возникшего из уникальности автора деятельности (событий, людей, материала). Предпосылка творчества – открытость творца своему опыту (опыту действий, мыслей, переживаний).
- Открытость опыту – понимание ситуации, как она есть сейчас (без «навешивания» норм других ситуаций).

И наконец, роджерсианский закон коммуникации: чем больше человек воспринимает общение, коммуникацию другого человека как взаимную конгруэнтность (соответствие друг другу переживаний, осознания и сообщения), тем больше в последующих отношениях этих людей будет содержаться стремление к продолжению коммуникации, общения; стремления к пониманию смысла сообщения; улучшения взаимной адаптации, приспособленности друг

к другу в общении и, в конечном счёте – удовлетворённости взаимоотношениями.

Кто из современных отечественных педагогов и психологов, ровесников, созданного воображением Стругацких, Учителя нашёл бы в нём достойных собеседников?

- Екатерина Александрова – с её настойчивой пропагандой индивидуального, штучного личного пути в образовании как его действительного смысла.
- Марина Битянова – с идеей взаимопревращения психологии и педагогики друг в друга.
- Игорь Вачков – с мыслью об имажитивной психологии и педагогике воображения.
- Дмитрий Григорьев – с убеждением о продуктивности самоопределения, если оно происходит в эмоционально и интеллектуально личностно значимых, насыщенных ситуациях – событиях, и его непродуктивности, опасности в незначимых ситуациях.
- Борис Куприянов и Ольга Миновская – с пониманием игровых ситуаций как пространства создания, реализации, осмысления жизненных ролей и смыслов.
- Павел Степанов и Инна Шустова – с идеей общности переживаний и смыслов как источнике обогащения личности и как механизме развития группы людей.
- Андрей Русаков – с поиском «золотых зёрен» в мусоре образования, позволяющих увидеть потенциалы, ресурсы ситуаций и людей.
- Михаил Эпштейн – с идеей построения образовательного мира на мгновениях движения души людей в сейчас и здесь существующей ситуации.
- Татьяна Ромм – с допустимостью истинности нескольких отличающихся друг от друга описаний одной и той же педагогических реальности.
- Марина Шакурова – с утверждением о том, что социальная идентичность человека формируется только при многократной интеллектуальной защите своих позиций.

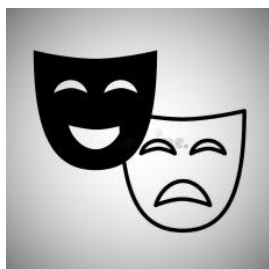
**

Учитель Носов суммирует выхваченные им из учёно-педагогического потока идеи тезисом: «Только путь получения опыта

естественного проживания жизни, опыта и его осмысления, рефлексии, может быть ведущим в становлении педагога. Искусственность, тренинг, книжное учение – только вспомогательные средства, помогающие такому опыту и такой жизни». Обращаться имеет смысл не к людям вообще, а к тем, кто готов стать вашим спутником на жизненном пути.

Остаётся только спросить себя: являюсь ли я тем спутником, о котором говорит Георгий Анатольевич Носов?»

II. ОБРАЗЫ

Наука – это упрощение действительности. В этом её сила и слабость. Её весьма строгие требования к способам говорения и писания текстов, её правила доказательства истинности высказываний делают мир более ясным, логически увязанным, но бесцветным, с потерей красок, личных смыслов происходящих событий и отношений.

Альтернатива – образное познание мира, в картинах, в художественных текстах, в фильмах. Оно имеет свои плюсы (видение мира и людей в их целостности и противоречиях) и минусы (потеря общих закономерностей, в том числе и закономерностей прогностического плана).

Наверно одним из мотивов, приводимых в этой части тестов пьес, было не очень осознаваемое стремление автора сохранить эту целостность, противоречивость, штучность людей и процессов.

По крайней мере, мне их писание помогло лучше понять педагогическую реальность, её социальные контексты и смыслы.

1.

РЕФОРМАТОРЫ *(Перечитывая Чехова)*

Пьеса в двух действиях, семи картинах с эпилогом.

Действующие лица

Женя, журналистка, 39 лет.

Таня, подруга Жени, тележурналист, 32 года.

Марсоходов Авангард Васильевич, педагог-новатор, 50 лет.

Никольский Аркадий Владимирович, академик, 60 лет.

Стремиллов Виктор Николаевич, деятель образования, 53 года.

Новикова Ольга Анатольевна, заведующая лабораторией, 60 лет.

Симонов Андрей Сергеевич, редактор газеты, 45 лет.

Тёма, молодой новатор, 25 лет.

Буся, мама Жени, почётная пионерка Советского Союза, 80 лет.

Дарька, дочь Жени, 17 лет.

Между первым и вторым действием проходит три года

*Я колесницу
К северу
направил...*

Ду Фу

Действие первое.

Дом в яблоневом саду на окраине большого города. На переднем плане веранда, огороженная невысоким деревянным забором. На веранду, слева и справа, ведут ступеньки. За верандой широкие двери, открывающие зал-столовую, где проходят основные события пьесы. Из столовой выходят двери на кухню и в комнату Дарьки. В глубине зала лестница, ведущая на второй этаж дома. На стене, у лестницы, – гитара. В столовой большой и маленький столы, стулья, диванчики. На переднем плане, ближе к кухне, тумбочка с вишнёвым телефоном. Где-то рядом, за забором, школа. Иногда слышатся школьные звонки и шум перемен.

Светло и солнечно.

Картина первая.

Май месяц. Цветут яблони. На веранде ваза с яблоками прошлогоднего урожая. Двери зала открыты.

Из своей комнаты выбегает Дарька в неформальном прикиде: в расписанной фломастерами старой джинсовой курточке, в фенечках и с разноцветными волосами. С противоположной стороны, из кухни, шлёпает Буся, протягивая руку с пирогом Дарьке. Буся что-то хочет сказать...

Дарька. *(Дождёвывая на ходу).* Уйди, Буся. Не хочу и не буду! Уйди, говорю. Вот. *(Показывает на горло).*

Буся. *(Драматично).* Дарина, но пирог!

Дарька. Буся, стань человеком. Чао, бамбино. *(Делает привет ручкой, выбегает из зала, по пути собирая разбросанные вещи: рюкзачок, книжки, что-то вроде плейера. Подхватывает из стоящей на веранде вазы яблоко.)*

Буся. *(Хитро).* Дарька, а на флэт, а Вадику, а пиплам?

Дарька. *(Возвращается).* На флэт – давай. *(Засовывает пирог в рюкзак, посылает воздушный поцелуй Бусе и, подбрасывая яблоко, сбегает в сад)*

Буся что-то бормочет и шлёпает назад на кухню.

Откуда-то прибегают чёрный кот. Он усаживается было посередине веранды, мурлыкает, но, услышав человеческие голоса, исчезает в саду.

В саду появляются Женя и Татьяна. Они еле тащат вдвоём тяжёлую сумку с аэрофлотской биркой и пытаются разговаривать.

Женя. ...А у нас тут такое делается! Представляешь! Пан или пропал. Завтра съезд. Министерские олигофреники менять ничего не хотят *(останавливаются на веранде, передыхают)*. Всё уже расписали: кто, что и зачем... Ну ты наших знаешь *(берутся снова за сумку)*. Андрей Виктору такую речугу заготовил – цунами восемь баллов.

Таня. По Рихтеру. *(Чему-то обе смеются. Тащат сумку дальше).* Виктор, это тот, с усами?

Женя. *(Уже в столовой. Останавливается. Садится на сумку.)* Ничего? Не раздавлю? *(Таня машет рукой – мол, сойдёт.)* Ты путаешь всё. Виктор Николаевич, Стремиллов, это такой со

шкиперской бородой и трубкой как у капитана. Историк. Про вальдорфцев на третьем канале вещает.

Таня. А-а.

Женя. Вот-вот. Знаешь, какой он. Ого-го! Когда в Академии за этот дурацкий закон голосовали, Виктор один вышел и сказал (*изображает*): «Это всё вражеские голоса и продолжение милитаризации».

Таня. Милитаризации?

Женя. Да. Это он так весь этот кошмар называет. Ну, ты понимаешь.

Таня. (*Растерянно, не понимая о чём речь*). А-а.

Женя. А с усами – это же наш Андрей, Андрей Сергеевич. Совсем не узнала?

Таня. (*С удивлением*). Андрей? Вот это да – совсем не похож.

Женя. Да! А помнишь, как он нам рассказывал про красноярского художника, который портреты рисовал непохожие, а потом люди изменялись и становились похожи на свои портреты.

Таня. Да. Я ещё не поверила, а потом так и оказалось.

Женя. Так у этого красноярца есть портрет Андрея с теперешними усами. Один к одному. Хотя он в то время никаких усов не носил и был совсем, совсем другой.

Таня. Ничего себе. (*Пытаются поднять сумку на второй этаж, но у них ничего не получается*). ...А помнишь как мы тогда говорили: вот закончим учиться и поедем все вместе в далёкий зелёный город...

Женя. (*Подхватывает*) ...где будет замечательная, маленькая школа...

Таня. ...и прекрасная маленькая газета...

Женя. ...и синее море-океан. (*Радостно смеются*).

Таня. (*Грустно*). Так вот из этого набора в Магадане только море-океан. (*Пауза*). И не синее, а серое. (*Новая попытка поднять сумку не удаётся*). Слушай, а вот ещё Авангард Васильевич был, изобретатель Мы у него как-то дома ночевали...

Женя. Авангард, у-у! Теперь главный педноватор страны. Андрей про него такую статью написал – бомба! Да вы что в вашем, как его там, Магадане вообще ничего не читаете?

Таня. Отчего же, очень читаем и даже передачи делаем (*зло*) и про сейнеры, и про крабы, и про рыбную и другую мафию. А так же про красную икру и всё такое. (*Пауза*).

Женя. Кстати про рыбу, а где твой моряк?

Таня. *(Разводит руками).* По морям – по волнам, нынче здесь – завтра там. Советский флот – лучший в мире. Выгнала я его...

Женя. И...

Таня. И всё. Пьяница. *(Пауза).*

Женя. Ну-ну... *(Пауза).*

Таня. А Пётр твой?

Женя. *(Рассеянно).* Петечка в Антарктиде – записался на второй срок. Вот только что уехал.

Таня. *(Растягивая слово).* Понятно.

Женя. Мужики, они что: главная игрушка у них - дело. Попробуй отобрать. Лучше не надо.

Таня. *(С интересом).* Пробовала?

Женя. *(Решительно).* Пробовала.

Таня. И?

Женя. Не надо. *(Пауза).*

Таня. А помнишь, был ещё Аркадий Владимир Никольский.

Женя. *(Смотрит на сумку).* А знаешь, давай её здесь пока оставим. Чего надо возьмёшь, а потом как-нибудь поднимем. Я Бусе сейчас скажу.

Таня. *(Со вздохом).* Давай. *(Лезет в сумку и вытаскивает какие-то нужные вещи.).*

Женя. Бу-ся! *(В ответ какое-то бормотанье с кухни).* Не слышит. Ну ладно. Пусть так. Пошли. *(Оставляют сумку, поднимаются вверх по лестнице).* Ты, мать, всё перепутала. Никольский это ж тебя учил, а нас ещё нет. Правда, когда я Дарьку ждала, немного у него работала, лаборанткой. У-у, мэтр. И нашим и вашим. Да ты его сегодня увидишь.

Таня. Да?

Женя. Увидишь, увидишь. Всех увидишь – заговор будет. *(Последние слова звучат совсем уже глухо, со второго этажа).*

Таня. Заговор?

Женя. Заговор, заговор...

В саду появляется Марсоходов. Взлохмаченный, худой, в ковбойке, со старым рюкзаком за спиной. Останавливается перед верандой – не решается подняться. На веранду из кухни выходит Буся.

Буся. Ты кто?

Марсоходов. *(Откашливаясь).* Я к Евгении Александровне.

Буся. Это я вижу. К ней все такие (*показывает у виска*) ходят. А зовут-то как? Вижу знакомый, а звать-то как не помню.

Марсоходов. (*Нерешительно*). Я то – Авангард Васильевич Марсоходов. А вас как величать?

Буся. Авангард? А вспомнила – с кубиками что ли?

Марсоходов. Да, да.

Буся. А я Буся, Бронислава Александровна. Здесь – бабушка. А вообще-то, почётная пионерка Советского Союза. (*Поднимает руку в салюте*).

Марсоходов. (*Салютует в ответ. Оживляется. Вытаскивает из рюкзака коробки с кубиками, говорит, всё более воодушевляясь*). А вы знаете, Бронислава Александровна, ещё Ривин в двадцать восьмом году открыл Закон кубика. Если учить азбуку по кубикам. (*Вертит и переставляет кубики*). Вот! (*На кубиках получилось слово «Авангард»*). То скорость обучения усиливается в шесть раз. (*Начинает вытаскивать другие кубики*).

Буся. Да знаю, знаю. Йоська нас так учил. А потом заболел. Только слова у него получались другие: «Ленин» и «Сталин».

Марсоходов. (*С восторгом*). Вы знали Иосифа Соломоновича Ривина!

Буся. Ну, знала, знала. Всех знала. И Иосиф Соломоновича, и Антона Семёновича, и Надежду Константиновну. А Анатолий Васильевич меня лично в пионеры принимал. (*Поднимает руку в салюте, говорит шутливо*). К борьбе за дело...

Марсоходов. (*Салютует*). Всегда готовы. (*Радостно смеётся. Деловито*). Так значит нас уже двое. (*Скандирует*). Дадим бой дряни любой.

Буся. (*Шутливо*). Дряни любой дадим бой.

Марсоходов. (*В восторге*). Во, здорово. Теперь мы им покажем! А вы знаете, товарищ Буся, кто у них самый опасный? Академик Никольский! Он когда-то в школе у нас экспериментировал и меня ух как ненавидел: прожектёром и диверсантом обзывал. Хитрюга.

Буся. Аркаша что ли? Да он всегда был хитренький. Ещё когда в дружине у меня председательствовал, перед войной, конфетками «Ледокол» подкармливал, что бы его выбрали.

Марсоходов. Вот-вот. А давайте-ка так. Я статью про кубики напишу. А вы товарищ Буся, так сказать, историческое обоснование по Ривину. А? И тогда мы вместе...

Слышно как подъезжает автомобиль и какие-то голоса. Марсоходов смотрит в сад, бормочет

Марсоходов. Вот и лёгок на помине. Чёрт накликал. (*Мечется. Буся машет в сторону лестницы. Марсоходов взбирается по лестнице вверх.*).

В саду появляется академик Никольский. В руках у него коробка конфет и коньяк. За ним следуют высокая симпатичная женщина и молодой человек с цветами. Это Ольга Анатольевна и Тёма.

Никольский. (*Кричит шофёру, который где-то за сценой.*) Константин, приедешь в пятнадцать двадцать. В шестнадцать быть в Президиуме, а в семнадцать у Свистунова. Не опаздай! (*Все трое поднимаются на веранду. Никольский – впереди. Видит Бусю.*)
Бронислава Александровна!

Буся. (*Идёт навстречу.*) Слышу, слышу. Здравствуй, Аркаша, здравствуй командир. (*Протягивает руку – взять коробку с конфетами. Никольский целует ей руку и только после этого отдаёт конфеты и коньяк.*) Это для всех, для всех. (*Делает знак Тёме. Тёма подбегает с букетом.*)

Тёма. А это вам Бронислава Александровна. (*Вручает. Буся в растерянности – у неё обе руки оказываются занятыми.*)

Буся. (*Тёме.*) А ты кто, 3 мил человек?

Никольский. (*Забирает у Буси и коньяк и конфеты.*) Бронислава Александровна, а давайте-ка пока сюда. (*Отдаёт Тёме.*)

Тёма. Э-э...

Ольга Анатольевна. Буся, это Артём. Помните, я про него говорила. (*Тёма кланяется, с бутылкой и коробкой в руках.*)

Буся. Ой, Олюшка, а я тебя и не замечаю (*обнимаются*). Пойдём-ка со мной, поговорим. (*Ведёт на кухню, по дороге что-то нашёптывая*).

Никольский. (*По-хозяйски расхаживая по залу, потирает руки.*) Давненько, давненько не бывал.

На лестнице, ведущей на второй этаж, появляется Марсоходов. Никольский видит Авангарда. Оба замирают. Каждый выжидает что скажет другой.

Марсоходов. (*Не здороваясь*). Ну и как ваша Академия бронетанково-педагогических войск? – А?

Никольский. *(Смотрит в другую сторону).* Здравствуйте, Марсоходов.

Марсоходов. А! Сказать нечего! Всё книжки и программки вучёные пишем. *(Распалывается).* А что толку от ваших книжек. Ривина сгноили. *(Никольский пытается отмахнуться рукой).* Учителей-новаторов презираете. А они, между прочим`с, и создают новую школу – вопреки вашим программкам. Вот`с! *(Замечает Тёму).* А это что за хлюст такой? *(Тёма дёргается – не знает как реагировать).*

Никольский. *(Отворачивается от Марсоходова, бормочет, вероятно для Тёмы).* Всё нужно. И новаторы нужны, и наука нужна, и Академия – без неё зёрен от плевел не отличишь.

Марсоходов. *(В спину Никольскому).* Вот то-то и оно. У вас плевела, а у нас, у новаторов – зёрна. Без познания космического закона всеобщего сочетания ничего и открыть нельзя. А что открыто – то неправда. *(Ехидно).* Так ведь Аркадий Владимирович? *(Сходит с лестницы и оказывается перед Тёмой, собирает в рюкзак разбросанные кубики, что-то восклицая.).*

Никольский. *(Вполголоса, но явственно).* Чушь!

Марсоходов собирается ответить, но тут на лестнице появляется Женя.

Женя. Аркадий Владимирович, здравствуйте. Поднимайтесь-ка пока к нам, сюда.

Никольский. *(С облегчением).* Иду, иду. *(Поднимается, спотыкаясь о ступеньки).*

Женя. Артём, а где Ольга Анатольевна?

Тёма. *(Ставя наконец-то конфеты и коньяк на стол).* Там. *(Показывает на кухню).*

Женя. А! С Бусей. Нам надо с Аркадием Владимировичем поговорить. Ты познакомься пока с Авангардом Васильевичем, вы друг другу понравитесь. *(Уходит, вслед за Никольским наверх).*

Марсоходов. *(Завязывая рюкзак, обращаясь к Тёме).* Как я его, а!

Тёма что-то хочет сказать, но тут из кухни появляется Ольга Анатольевна. Марсоходов напрягается.

Ольга Анатольевна. *(Сурово).* Здравствуйте, Марсоходов. Авангард Васильевич *(показывает в сторону кухни),* помогите Брониславе Александровне.

Марсоходов. *(Облегчённо).* Да, да. Иду, иду. *(Подхватывает рюкзак и скрывается на кухне.).*

Ольга Анатольевна. Пойдёмте-ка, Артём, в сад, а то сейчас ещё люди придут – и не поговорим. *(Спускаются в сад).* Ну, рассказывайте что дальше? *(Ходят вдоль веранды.).*

Тёма. *(С увлечением).* ...А ученики вот так вот бегают, бегают. *(Показывает руками).* Это молекулы. А потом я хлопаю, они замирают и начинают раскачиваться и соединяться. *(Показывает).* Это химическая реакция такая... Я и называю всё это химический театр.

Ольга Анатольевна. И что они, школьники, после этого театра?

Тёма. Что «что»?

Ольга Анатольевна. Ну, что говорят, что думают после этого вжик, вжик? *(Пародирует Тёмины движения.).*

Тёма. Они говорят... *(Смотрит на Ольгу Анатольевну, пытаясь понять, что она хочет услышать.).*

Ольга Анатольевна. Вот в этом и есть вопрос – бегать и щенки умеют. А вообще-то, Артём, вы всё это мне ещё зимой рассказывали. *(Тёма пытается что-то сказать).* А дальше-то что, дальше?

Тёма. *(Хмуро).* Игнатъев запретил. *(Подражая кому-то, грозит пальцем).* Уважаемый Артём Иванович, контрольный срез дал низкие результаты. Да`с, да`с – низкие.

Ольга Анатольевна. *(Хохочет).* Похож, похож.

Тёма. *(Хмуро улыбается.)* А что есть результаты. Вон Щедровицкий считает образовательным результатом не знания, а методологическую культуру. Я ему, Игнатъеву так и сказал.

Ольга Анатольевна. *(С интересом).* А он?

Тёма. А он и ответил *(Изображает):* «Пшёл вон вместе со своей дурацкой методологической культурой». Тёмный человек.

Ольга Анатольевна. И...

Тёма. Ну, я и пошёл.

Ольга Анатольевна. *(С удивлением).* Куда?

Тёма. Заявление писать.

Ольга Анатольевна. А Игнатъев не подписал.

Тёма. *(Останавливаясь).* Откуда вы знаете?

Ольга Анатольевна. Знаю, знаю. Это он всегда так придуруется, играет с молодняком.

Тёма. Ничего себе играет. (Молча идут дальше). В газету пойду, к Евгении Александровне. (Пауза). Или в школу. Другую.

Ольга Анатольевна. Ну, ну. Не горячитесь, Артём. Игнатушка крут, но отходчив. Чистый колли. (Пауза). Дайте себе срок до лета. А там и решите.

Тёма. (Останавливается у ступенек на веранду. Хмуро.) Он так и сказал.

Ольга Анатольевна. Вот видите. Игнатьев-то школе ой-ой как предан.

Тёма. (*Взрывается*). Вот из-за этих преданных школа как была болотом так и остаётся. Вокруг такое делается и говорится, такие силы просыпаются, а у него контрольный срез по текстам 1953 года...

Ольга Анатольевна. Ну, уж так и 1953-его.

Тёма. Честное слово. (*Пауза*).

Ольга Анатольевна. Знаете что – пойдёмте-ка в дом, помогать Бусе. (*Пауза.*) А про театр с молекулами вы всё-таки напишите, напишите. (*Поднимаются в зал*).

В столовой Буся, Марсоходов, Ольга Анатольевна и Тёма передвигают столы, стулья и диванчики, несут на столы закуски и бутылки.

В саду появляются в светлом костюме Виктор Николаевич Стремиллов и в оранжевом свитере Андрей Сергеевич Симонов. Останавливаются у веранды.

Андрей. (*На ходу, деловито.*) Газета в типографии. В шестнадцать забирают.

Стремиллов. Хорошо. Встреча у Свистунова в семнадцать двадцать.

Андрей. Что обещает?

Стремиллов. Три выступления от нашей группы, три от Ружевского, три от министерства.

Андрей. А с мест.

Стремиллов. Фрумин из Красноярска, Бедерханова из Краснодар. Дальше непонятно. Мало.

Андрей. Дело не в сколько, а кто и когда – режиссура! Фрумина знаю. А что такое Бедерханова.

Стремиллов. Непредсказуема.

Андрей. Может это и неплохо. Держим про запас.

Стремилов. Из энтузиастов. Это опасно.

Андрей. Гм. А наш друг Марсоходов?

Стремилов. Ни в коем случае.

Андрей. Но как же? Знамя радикалов!

Стремилов. Никаких радикалов. Свистунов на нас всё ещё зуб держит. Авангард и он – несовместимы.

Андрей. Но...

Стремилов. Никаких «но». Андрей, либо мы занимаемся политикой, миссией, либо...

Андрей. Ясно. Мэтр? Кстати Евгения его позвала. Он здесь.

Стремилов. По-видимому, здесь. Видел Костю – катил обратно пустой. *(Оглядывается)*.

Андрей. И что?

Стремилов. Будем перетягивать. Это – вам. Со мной он, знаете ли... *(Андрей Сергеевич кивает)*. Можно Артёма подключить. Академик любит шустрых.

Андрей. «Классик»?

Стремилов. Это вам виднее.

Андрей. Мне не виднее. Ольга Анатольевна в вашем колхозе.

Стремилов. Колхоз мой – бригада не моя. Она, кстати, на кого выходит? На Колокольцева? На Ружевского?

Андрей. *(Пауза.)* Ни на кого.

Стремилов. Так не бывает.

Андрей. Бывает.

Поднимаются на веранду. За забором звенит школьный звонок. По лестнице со второго этажа спускаются Женя, Таня и Никольский. Марсоходов, Буся, Ольга Анатольевна, Тёма уже в столовой. Вбегают Дарька.

Затемнение.

Картина вторая.

Фуршет. Слева столы с закусками, винами и рюмками. Стулья и диванчики расставлены хаотично по всей столовой.

У всех в руках бокалы с шампанским. Андрей Сергеевич стоит рядом с Таней, Никольский с Стремиловым, Женя с Ольгой Сергеевной, Тёма с Дарькой. Марсоходов сначала один. Что-то приговаривая, появляется Буся с очередным пирогом.

Женя. Буся, это потом, к чаю.

Буся, всё-таки, ставит пирог на стол и берёт со стола бокал. Дарька наливает ей немного шампанского и что-то шепчет. Буся кивает и устраивается рядом с Авангардом Васильевичем.

Женя. Здесь сегодня собрались замечательные люди. Я хочу, что бы все, все подняли сейчас бокалы за нашу встречу. Пусть она станет началом больших, светлых и правильных дел.

Дарька. ... Белых и пушистых как слон...

Женя. *(Посмотрев на Дарьку).* ... Ура! *(Поднимает бокал, но Ольга Анатольевна жестом останавливает её).*

Ольга Анатольевна. Я хочу сказать предисловие к словам Евгении. Во-первых, у Жени только что был день рождения.

Голоса. Как так?

Во!

А мы и забыли!

Как всегда спрятала.

Тёма. *(Командует).* Поздравляем – три-шестнадцать. *(Дирижирует).*

Хор. По-здра-вляе-ем! Женю!

(Кто с энтузиазмом, а кто как бы присоединившись).

Ольга Анатольевна. *(Продолжает).* А во-вторых. За этот дом, за дух этого дома, маму Жени Брониславу Александровну.

Подходит к Бусе и обнимает. Целуются. Поднимает бокал. Все чокаются подходят друг у другу, к Бусе, к Жене, к столу, набирают в тарелочки закуску. Общее оживление, разговоры.

Таня. *(Андрею).* Я тогда в девятом классе училась, противная такая девчонка. С родителями ругалась – ужас. Однажды хлопнула дверь и заявила, что уйду насовсем. Только на улице и дошло – а куда насовсем? И пошла я к Евгении Александровне, в дом пионеров – она там работала – и обрушила на неё, на бедную, всё-всё: и что папка-мамка ничего не понимают, и что из дома ушла.

Андрей. *(С интересом).* А Женя?

Таня. А Евгения Александровна, это я сейчас её Женей зову, а тогда – Александровна, ничего такого не сказала, только слушала, слушала, а потом к себе, вот сюда *(показывает вокруг)* увезла, чаем напоила, спать уложила и даже как-то уговорила домой позвонить.

Андрей. А потом?

Таня. Потом? Утро вечера мудренее... *(Пауза).*

Андрей. *(Явно о чём-то своём).* Да, завтра утром начнётся.

Таня. *(Не понимая).* Что?

Андрей. Пан или пропал. *(Оборачиваясь ко всем).* Друзья! Один человек таскал тяжёлые камни и когда его спросили что он делает, ответил: «Ношу тяжёлые камни». Другой человек то же нёс тяжёлый камень и его то же спросили и он отвечал: «Строю стену». И третий человек нёс камень и спросили его – что ты делаешь человек и отвечал он: «Строю Шартский собор». Третий человек – это мы. *(Поднимает бокал).*

Дарька. Но тут пришёл четвёртый человек и спросил: «А на фиг строить Шартский собор?»

Андрей. Да Дарина. И ему ответили: «Что бы улучшать мир». А улучшать по грейтбритански reform. Мой тост – за улучшателей мира, за его реформаторов! *(Все чокаются с разной степенью увлечённости).*

Стремилов. *(Никольскому).* Но мир улучшают люди, умеющие использовать обстоятельства.

Никольский. И имеющие для этого возможности.

Стремилов. Ну, Аркадий Владимирович, у вас возможности есть, полакадемии – ваша.

Никольский. Дело не в количестве, а в силе.

Стремилов. Вы о Ружевском?

Никольский. И о Ружевском.

Стремилов. Ружевский не в силе. Его Колокольников уже не в Администрации.

Никольский. Это как? *(Ставит бокал на стол).*

Стремилов. А вот так. *(Пауза).* Из надёжных источников.

Никольский. Ну тогда... *(Берётся за бокал. Обращается ко всем).* Мой тост за науку. Всегда были люди, которые не на виду, но честно делали своё истинное дело. Хотя они и говорили для всех всякие необходимые потребные слова. Но без их молчаливой работы *(замолкает на секунду)* мы здесь бы не собрались.

Дарька. *(Тёме – ехидно).* А я то думала Женя всех позвала.

Тёма. М-м.

Дарька. Это он про себя, да?

Тёма. Ага.

Никольский. *(Продолжает).* Я высоко ценю пламенный талант нашего Андрея Сергеевича, энтузиазм Евгении, но только наука в своих текстах в своей тени готовит камни для Шартского собора.

Науку убивать нельзя. За нашу отечественную педагогику, основу поиска и изменений. *(Поднимает бокал. Кто-то чокается, кто-то ждёт продолжения).*

Марсоходов. *(Бусе).* Это он-то наука! Знаете, Бронислава Александровна, ведь это он, академик Никольский выгнал меня из ТОПОРа.

Буся. Топора?

Женя. Буся, это институт такой был: Трудового Обучения, Профессиональной Ориентации – ТОПОР. Авангард Васильевич там работал.

Марсоходов. *(Бусе).* Ну, да. Эта его наука – гноитель всего живого и прогрессивного. Ривина расстреляли...

Буся. Ну что ты говоришь неугомонный человек. Ривин от воспаления лёгких умер – лечить тогда не умели. Живёшь как в Австралии.

Марсоходов. *(Не слушая).* ...Шаталова никуда не пускают, и вот эти кубики... *(Лезет, в оказавшийся под рукой рюкзак, но останавливается).* Знаете, Бронислава Александровна *(стеснительно)*, а я ведь сейчас электронные изобретаю... *(Спохватывается, наливает бокал).* Тост! Тост! За новаторство! *(Его уже мало кто слушает, но он продолжает).* Школе нужны не объяснители, а созидатели. Один новаторский приём даёт больше *(замолкает, подбирая слова)* чем три диссертации.

Дарька. Патрио о муэрто. Ноу пасаран. *(Поднимает бокал. Кто-то поддерживает тост, кто-то увлечён разговором, а кто-то просто не хочет откликаться).*

Женя. Лю-ди! Чуть позже будет чай и будут замечательные Бусины пироги. А пока все в сад. Там так классно!

Почти все спускаются в сад, продолжая разговоры. В комнате остаются Никольский и Стремилов.

Стремилов. Аркадий Владимирович, так что нужно действовать. Завтра...

Никольский. Что значит действовать – не считаете ли вы, что я должен выступать на съезде? *(Пауза).* Ну, конечно можно и выступить. Но всё это – туфта – дела так не делаются.

Стремилов. Я не про съезд. На съезде вы будете в президиуме – и этого достаточно.

Никольский. Тогда, что?

Стремилов. Важны договорённости. После съезда мои люди поддержат вас в президенты Академии.

Никольский. В президенты? А мне это надо?

Стремилов. Вам – надо. И вы это знаете. В восемьдесят втором...

Никольский. Давняя история.

Стремилов. Ещё не вечер.

Никольский. Ну, допустим. А что от меня?

Стремилов. Обсуждается вопрос о министре из моей группы. *(Никольский оборачивается и вопросительно смотрит на Стремилова).* У вас выход на Самого.

Никольский. То есть о вас? *(Пауза).*

Стремилов. Ну почему обо мне.

Никольский. Мы вроде называем вещи своими именами.

Стремилов. Да, Ельцину передадут вариант и с моей фамилией.

Никольский. А вам это надо?

Стремилов. Один – один. *(Смеются, чокаются, спускаются в сад).*

Из сада на веранду поднимаются Таня и Андрей. Они продолжают какой-то разговор.

Андрей. Вы знаете, Таня, редактировать газету оказалось чёртовски интересно. Это как в первом классе: приходят несмышлёныши, чуть ли не в штанишки писают, а через два месяца уже Ученики! Тайнство. Так и газета.

Таня. Да...

Андрей. Газета – тоже тайнство. *(Пауза).* Всегда писал сам и гордился, что пишу сам. На редакторов ругался чёрными словами – всё не так правили. А сейчас сам правлю и сердятся уже на меня. С Евгенией у нас такие схватки бывают – лучше не вспоминать.

Таня. Женя рассказывала...

Андрей. Вот-вот. Хорошая у меня газета. Не сейчас, но будет, будет. А знаете почему? *(Пауза).* Потому что мы школу не ругаем. Школу, учителей ругать – последнее дело. Нельзя. Можно всех: министров, академиков, журналистов, партии... А школу – ни-ни.

Таня. Да.

Андрей. Надо рассказывать по-честному и всё получится. *(Пауза. Андрей касается руки Тани. Но касание как бы соскальзывает. Говорит дальше).* Но ещё надо бороться. Надо бороться. Вот завтра бой. Да, да съезд – бой. Верно, Таня?

Таня. Верно, верно.

Андрей. А в бою как в бою. Должны быть резервы, запасной полк, разведка, артиллерия.

Таня. Запасной полк – это Аркадий Владимирович?

Андрей. *(Смотрит на неё с удивлением).* Да.

Таня. А разведка – Виктор Николаевич?

Андрей. А вот и не угадала. Виктор Николаевич – не просто разведка, а разведка боем, авангард. А точнее его генерал. Разведка боем, Таня, – это опасное дело. Именно разведкой маршалы жертвуют в первую очередь. *(Пауза).* Если требуется, если требуется. *(Пауза).* Ему нужна одна победа...

Таня. *(Шёпотом).* ...И за ценой не постоим.

Андрей. *(Пауза).* Впрочем, и генералов иногда убивают. Кстати, у него есть именное оружие...

Таня. Андрей Сергеевич, а помните, мы вас раньше Андреем называли? *(Пауза).* Я и сейчас спотыкаюсь, когда говорю «Сергеевич».

Андрей. Так говорите Андрей.

Таня. Андрей *(пауза)* Сергеевич, а вы в бою где?

Андрей. А я в штабе, в штабе – карту черчу. И ещё фронтовую газету делаю – боевой листок.

Таня. Да? И только?

Андрей. *(Пауза).* ... и только... *(Спускаются в сад).*

Навстречу, на веранду, поднимаются Тёма и Дарька. Они хохочут.

Тёма. А знаешь как его зовут?

Дарька. Никольского?

Тёма. Да. Мэтр.

Дарька. Похоже. Всех поучает, метром меряет. Полный цивил. Не из моего карраса. А Виктор – Подводник?

Тёма. Подводник.

Дарька. А почему?

Тёма. Служил на Северном флоте, на подлодке.

Дарька. Ни фигя себе! Ну, какой он подводник. Всё чего-то высчитывает, агитирует, бочку катит...

Тёма. А он замполитом был, капитан-лейтенант.

Дарька. А! Лапшу на уши вешал.

Тёма. А потом как-то комиссовался. Вообще то с флота просто так не уйдёшь, но как-то у него получилось.

Дарька. Откосил, значит. Продинамил. Ну, это похоже. А Авангард?

Тёма. А что Авангард. У него и имя, как партийная кличка. Он же шизик. Кубики спасут мир. Ха!

Дарька. Ну и что шизик. Все мы крейзи. *(Показывает у виска).*

Тёма. И каждый из нас, по своему, крейзи. *(Хохочут).*

Дарька. Всё равно прикольный дядька. Класс! А Андрей Сергеевич?

Тёма. А вот у него как бы лейбла и нет. Классик его зовёт Андрюша, но он не любит так. О! Андрей Сергеевич всех перетянет, такие сети сплетёт. И не вырвешься. Но журналист – класс!

Дарька. Да... *(Смотрит в сад).* Вон Танька уже готова. *(Тёма тоже смотрит в сад).* Валяй дальше. Ну Буся есть Буся. С ней всё понятно. А у Жени, у мамки, есть лейбл, ну кликуха?

Тёма. *(С оглядкой).* А не обидишься?

Дарька. *(Фыркает).* Да сама знаю. Блаженная, да? *(Пауза).*

Тёма. Да.

Дарька. А почему? Впрочем, знаю.

Тёма. *(Мнётся).* Ну, всем чего-то надо, а она просто так.

Дарька. Просто так? *(С сомнением).*

(На веранду поднимаются, увлечённые разговором, Ольга Анатольевна и Женя).

Тёма. Ольга Анатольевна, я подумал, что театр...

Ольга Анатольевна. *(Отмахиваясь).* Потом, Артём. Дайте поговорить. *(Проходят с Женей в столовую, устраиваются на диванчике, продолжают какой-то разговор, но нам пока его не слышно).*

Дарька. *(Провожая их взглядом).* А почему Ольга Анатольевна Классик?

Тёма. Так её зовут, те с кем Классик на ножах, Свистунов тот же.

Дарька. На ножах? А вроде бы такая мирная вумен.

Тёма. Понимаешь, как бы тебе это объяснить, что бы было понятно.

Дарька. (*Заводясь*). Ага. Значит, уйди дура – мала ещё со взрослыми дядями-тётями токать. – Так?

Тёма. (*Обидевшись*). Ну что заводисься. Не хочешь слушать – не слушай.

Дарька. Ладно, давай. Колись дальше.

Тёма. Все же в игры играют. А она в открытую – уж чего скажет, то скажет. Правила нарушает. А это, там (*показывает наверх*) ой не любят. Да ещё какой-нибудь цитатой припечатает из тех, что не читают или бояться читать. Вот сейчас она с Гессеном носится. А Гессен, между прочем, – полный белогвардеец. Вообще то – это не лучшая тактика. Хочешь что то сделать – умей играть и выигрывать.

Дарька. А почему обязательно играть. Можно и не выигрывать. (*Цитирует*). «Митьков никто не может победить, потому что они ни с кем не воюют».

Тёма и Дарька спускаются в сад и мы начинаем слышать что говорят в комнате Женя и Ольга Анатольевна.

Женя. А почему вам Авангард Васильевич не нравится?

Ольга Анатольевна. Давняя история. Я тогда директором только что стала. Кстати, Бронислава Александровна, меня тогда в начальство сосватала. В шестьдесят третьем. Там Авангард и работал. А вокруг него группа скучковалась. Только они тогда не с кубиками носились, а с оргдиалогом – была такая штука. Ну группа и группа: молодые, заводные. То же неплохо. Только как-то у них получалось, если кто не с ними – то дураки. А была в школе замечательная тётка, Таисия Николаевна, химик. Лет семьдесят уже. Все тридцать три буквы не выговаривала. Но ребятки вокруг неё толпились и химию знали.

Женя. Буся про неё рассказывала.

Ольга Анатольевна. Ну вот. Так Авангард и его компания, когда Николаевну на заслуженного подали, донос настрочили, педагогически неграмотна мол, книжек не читает и выступать не может. Это уж точно – выступать не могла – чушь несла, или может мы не понимали. Мне всё это жутко не понравилось и я помогла Авангарду уйти. (*Пауза*). Вот такое дело.

Женя. Да...

Ольга Анатольевна. А заслуженного ей так и не дали. *(Пауза).*

Женя. А вот и пироги!

В столовой появляется Буся с чайником. За ней, с самоваром, Марсоходов и с подносами пирогов Андрей и Таня.

Буся. Чай, красные командиры.

Из сада в столовую поднимаются Дарька, Тёма, Никольский и Стремиллов. Никольский смотрит на часы. Буся и Таня разливают чай. Тёма снимает со стены гитару, настраивает, запекает.

Тёма. Антошка, Антошка,
Пойдём копать картошку
Тили- тили, трали-вали,
Это мы не проходили,
Это нам не задавали...
(Все недружно, немножко дурачась, подхватывают, одновременно отпивая чай и размахивая пирогами. Марсоходов пытается дирижировать).

Слышится автомобильный гудок. Никольский ставит чашку на стол.

Никольский. *(Разводит руками).* Увы. Дела, друзья мои, дела. Академика Никольского к станку. Виктор Николаевич, Ольга Анатольевна, Андрей Сергеевич – могу подбросить. *(Стремиллов кивает).*

Ольга Анатольевна. Спасибо Аркадий.

Андрей. *(Смотрит на Таню).* Нет, я в другую сторону, на станцию.

Тёма. *(Суется).* Меня возьмёте? Мне нужно в Президиум, на Погодинку.

Никольский. *(Смотрит пристально на Тёму).* Хорошо, молодой человек, собирайтесь.

Ольга Анатольевна, Стремиллов, Никольский, Тёма, Андрей прощаются с Женей, Бусей, Таней и Дарькой.

Тёма. *(Дарьке).* Чао.

Дарька. Бай-бай.

Очередь прощаться доходит до Тани и Андрея.

Таня. *(Внезапно).* Я сейчас. Я провожу Андрея Сергеевича. До станции.

Женя. Э-э...

Таня. Я знаю дорогу.

Андрей. Женя, да не умыкну я твою подругу, не увезу.

Отъезжающие, Андрей и Таня уходят. Из боковой двери появляется Марсоходов.

Марсоходов. *(Растеряно).* Ну вот – опоздал. Мне в Востряково. Теперь три часа ждать.

Буся. Ну и ладно. Пойдём Авангардушко, ещё по пирожку съедим. *(Берёт его за руку).*

Женя. Авангард Васильевич, оставайтесь у нас. Завтра на съезд с Татьяной отсюда и поедете. А в Востряково позвоните.

Марсоходов. *(Оживляясь).* Да, да. А позвонить значит можно? Ну если...

Звенит школьный звонок.

Затемнение.

Картина третья.

Двери в дом с веранды открыты. Слева в комнате стоит телевизор, обращённый экраном от зрителя. Напротив телевизора за небольшим столиком Женя. Она чего-то пишет, посматривая на экран. Время от времени к ней присоединяются Буся и Дарька. На другой стороне столовой, на тумбочке – телефон. Он периодически звонит и тогда Женя бежит к аппарату. Наконец то Жене это надоедает и она, разматывая шнур, тащит телефон к телевизору. Но это будет потом. Звук телевизора приглушён – его почти не слышно.

Входит Буся и смотрит в телевизор.

Буся. Опять Аркаша. *(Пристраивается рядом с Женей).*

Женя. *(Поднимая взгляд от рукописи, недоумённо).* Почему Аркадий? – Ведь договорились же первым Марсоходова. *(Подходит к телевизору, усиливает звук).*

Голос Никольского. ...В этот период, когда руководство страны, все прогрессивные силы в борьбе с консерваторами пытаются разрешить исторически важную задачу, мы должны не бояться

открыть свой взгляд на богатство, что выработала мировая и отечественная педагогика. Имена Дьюи, кстати, приехавшего в СССР и высоко отзывавшегося о нашем образовании; члена Французской компартии Селестина Френе; Павла Блонского, Виктора Николаевича Сорока-Россинского – знаменитого Викниксора; необходимо знать всем и каждому.

Женя. *(Хватается за голову)*. Кошмар – лекцию пошёл читать. Катастрофа.

Голос Никольского. ...Но открывшиеся горизонты имеют и свои опасности. Увлечения ненаучными системами, с налётом, так сказать, мистики, оккультизма, веры в никогда несуществовавший космический разум, вы понимаете о ком я говорю,...

Буся. Батюшки, донос! На Вентцеля что ли – так он же умер.

Женя. *(Сосредоточенная на экране)*. Буся, не мешай.

Появляется Дарька, усаживается на полу перед Бусей.

Голос Никольского. ...не помогут вырваться из тенет авторитарно-административного общества. Мы должны быть прогрессистами и реалистами. Мы должны опираться на все здоровые силы, в том числе на Президиум Академии. И только тогда расцветут в садах нашего образования георгины демократизма и орхидеи сотрудничества. Но для этого надо объединяться вокруг компетентных и известных лидеров науки и образования.

Буся машет рукой, забирает со столика Женину чашку и уходит на кухню.

Дарька. Ага, значит вокруг него. Ну и даёт, ваш Мэтр. (Женя приглушает звук телевизора). Мам, там же ещё один. *(Показывает на экран)*. Как его – во: Ружевский.

Женя. Это не наш.

Возвращается Буся.

Дарька. *(Ехидно)*. Значит так: наших слушаем, а других – на фиг. А кто- вчера пел про демократию. *(Обращаясь к Бусе)*. Буся, как она мне про Вольтера впаривала. *(Патетично цитирует Вольтера)*. Я категорически не согласен с вами, но сделаю всё возможное, что бы вы могли высказать своё мнение. Вот.

Женя. (*Иронично*). Но я же позволяю ему говорить. Я же просто его не слушаю.

Буся уходит снова.

Дарька. (*Фыркает, изображая кого-то*). Мы – демократы, мы – демократы...

Машет рукой, уходит. Женя углубляется в редактирование рукописи. Входит Буся с чашкой чая для Жени. Дарька уходит на кухню.

Буся. (*Заглядывая в телевизор*). А вон Авангардушка, только что-то шёпотом.

Женя. (*Поднимает голову*). Это я выключила.

Женя встаёт, подходит к телевизору, усиливает звук. Буся устраивается на диванчике.

Голос Марсоходова. ...Ещё Ривин в одна тысяча девятьсот двадцать восьмом году решил проблемы нашего образования. Мы, новаторы России обобщили и усовершенствовали опыт нашего предтечи. (*Появляется Дарька с чашкой чая*). Кто не знает наши кубики, с помощью которых ребёнок без принуждения и страха за две недели выучивается читать. Кстати, на нашей последней разработке: электронных кубиках, можно научиться читать за полторы недели и один день...

Дарька. Жень, а вправду – почему в школе так не учат. Я же в три года с этими кубиками научилась...

Женя. Отстань. Подожди.

Буся. (*Ехидно*). Научилась, а толку то что. Кто по геометрии вчера пару получил, а?

Дарька уходит с чашкой на другой край комнаты.

Голос Марсоходова. ...Но консерваторы из министерства образования, догматики из Академии, выступавшие здесь, не признают достижения новаторов. Но мы не стоим на месте. Я хочу доложить вам, товарищи – мы новаторы только что открыли закон СоФорС: соответствия формы содержанию.

Женя. (*Со вздохом*). Ну, всё – Авангарда понесло.

Голос Никольского. Регламент.

Голос Марсоходова. *(Он частит, пытается успеть).* ...Если способность устремлённая – её надо развивать в форме стрелы, если общая – в форме круга. *(С пафосом).* И только тогда полёт наших птиц, нашей страны устремится всё выше и выше и мы впереди прогрессивного человечества войдём в эпоху Водолея.

Буся. И вместо сердца пламенный мотор.

Голос Марсоходова. ...И вместо сердца пламенный мотор.

Буся. Вот. *(Уходит).*

Звенит телефонный звонок. Дарька срывается с места, берёт трубку.

Дарька. Танька. *(Протягивает трубку Жене. Женя приглушает телевизор и подходит к телефону).*

Женя. Да... Да... Что случилось – почему переставили? ... Мэтр сам вылез? ...И что теперь? ... Никак... Ружевского засвистали?... Так ему и надо... Андрей говорит, что так даже лучше? ... Но там же Свистунов – это же... Ах он теперь перед Виктором... Ну тогда ладно... Сейчас перерыв? *(Дарька выключает телевизор. Буся что-то показывает знаками. Женя кивает).* ...Приезжай обедать. Успеешь.

Женя кладёт трубку и сразу появляется возбуждённый Тёма. Тёма машет на бегу Дарьке, та лениво отвечает.

Женя. Ну, что?

Тёма без спроса хватая Женину чашку, проглатывает чай и захлёбываясь начинает говорить. Дарька собирается что-то съязвить, но замолкает.

Тёма. Ужас. Мэтр всё завалил. Спелся с Ружевским. Про науку и про науку. После Авангарда был Колокольников. В этой своей манере... ехидно и всё по полочкам. От Авангарда ничего не осталось. Посоветовал ему читать Выготского, а астрологию оставить для общекухонного употребления. *(Хихикает).*

Дарька. *(С интересом).* И что теперь?

Тёма. *(Ходит по комнате и жестикулирует).* Классик выступать отказывается, на Виктор Николаевиче лица нет – мечется: то в президиуме, то в зале. *(Изображает).*

Женя. *(Нетерпеливо).* А Андрей?

Тёма. Андрей Сергеевич всё твердит: «Хорошо, хорошо», руки потирает и поёт «Ви шел оверкам»... А что хорошего-то?! *(Передыхает. Допивает чашку, не знает куда поставить. Чашку забирает Дарька).* ...Больше всего хлопали Свистунову и директору школы из Копейска – как его там, во, Безобразов... Такое нёс! *(Хватается за голову).*

Позади Тёмы появляется Буся с бутербродами.

Буся. Молодой человек!

Тёма. *(Вздрагивает).* А? *(Оборачивается).* Вот спасибо, вот спасибо. *(Берёт сразу два бутерброда. Вроде бы уходит, но возвращается и берёт ещё пару).* Побегу. Ох, что будет! Один выход: смириться и соглашаться, Соглашаться и смириться. *(Смотрит на Дарьку).* Или в подполье. *(Убегает).*

Женя. Спёкся.

Дарька. Полный атас.

Буся. Это он проголодался так. *(Уносит остатки бутербродов).*

В дом входит Таня, бодрая и восхищённая. Буся возвращается с чашкой бульона и пирожками.

Таня. Вот это да! *(Берёт пирожок).* Спасибо Буся. *(Жуёт пирожок, запивает бульоном и рассказывает).* Никогда такого не было. Андрей говорит: «Настоящая борьба». Действительно борьба. Ружевский поливает Аркадия Владимировича. Авангард их обоих....

Женя. А что говорил этот, Безобразов?

Таня. Безобразов? А это кто? А вспомнила – директор с Урала. Призывает крепить дисциплину и предать анафеме новаторов, которые разрушили Советский Союз.

Дарька. Полный чайник! А этот ваш антиподик, как там его – Свистунов?

Таня. Свистунов так говорил, так говорил... И что дед у него сельский учитель, и что у него есть подшефная школа в деревне Козья Горка, так что ли, и что учитель – хребет государства. А в конце прочитал «Не будем забывать учителей».

Буся. «Им не хватает этих встреч нечастых...»

Дарька. *(Иронически).* Да уж, совсем нечастых.

Женя. *(Перебивает).* А что Андрей?

Таня. Андрей назвал его самым хитрым и опасным лисом. А народ за него – чуть не стоя хлопал. *(Вынимает блокнот)*. Такой материал, такой материал. *(Что-то строчит в блокноте)*. Андрей мне устроил аккредитацию. Жалко камеры нет. Такие картинки – пальчики оближешь. *(Смотрит на часы, прячет блокнот)*. Ну, мне пора. *(Обнимает Бусю, целуется с Женей, делает знак «пока-пока» Дарьке, уходит торопливо)*.

Дарька. Всё-таки Танька – тоже чайник.

Женя усаживается за рукопись, Буся с Дарькой о чём-то шепчутся. Раздаётся резкий телефонный звонок. На проводе вероятно Тёма. Женя снова выбирается из-за стола и идёт к телефону.

Женя. Уже Виктор? Поменяли снова... Сейчас включаем. *(Делает знак Дарьке – та включает телевизор. Женя кладёт трубку, идёт к телевизору)*.

Голос Стремиллова. ...Наша общая задача – сокрушить эту клеточную систему. Дети – в клетке оценок. Отличник в золотой клетке, двоечник – в чугунной. Мы должны разрушить бюрократическую, милитаристскую школу. Что такое обязательный список предметов как не худшая канцелярия. Что такое школьная форма и все эти «Зарницы» как ни милитаризация. Советская школа – это ведро, надетое на голову детей и учителей. Мы отстали лет на двести.

Дарька. Во, даёт!

Женя. Подожди.

Буся. Помню, был такой министр, после войны, Потемкин, кажется. Заслушаешься. А потом подумаешь, подумаешь – и ничего нету.

Голос Стремиллова. Пусть некоторые вёдра даже очень ничего: раскрашенные эстетично и даже свет слегка пропускают. Что видит ребёнок в таком ведре – почти ничего! Советская школа – школа незрячих, и учитель в этой школе – поводырь с повязкой на глазах. Наша задача – сорвать повязку с глаз педагога. Дать ему и ученику свободу и волю.

Дарька. Так...

Голос Стремиллова. Я, как капитан-лейтенант запаса, как историк и бывший политработник сам причастен к этому монстру. Поэтому каюсь, каюсь... *(Слышатся аплодисменты)*.

Дарька. *(Изображает разочарование).* А где же «Порвали парус...»?

Телефонный звонок. Женя устремляется к телефону, Дарька уменьшает звук.

Женя. *(В трубку).* Успела? ... Да, да – слышала. ... Класс! ... Чёрти что творится. ... Говорят съезд закроют?

Буся. В пятьдесят восьмом, как Никитка ввёл производственное обучение, то же все выступали.

Женя. ...На завтра перенесут? ... Колокольников сказал «неуправляемо»? ... Ну, держитесь. ... Мы – с вами. *(Кладёт трубку, идёт к своему месту).*

Дарька. *(Показывая на телевизор).* Мам, там твой молодой. *(Усиливает звук).*

Женя. *(Удивлённо).* Он же не должен выступать!

Голос Тёмы. ...Школа – театр. И в этом театре надо правильно выбрать роли и правильно сыграть. И главное, как в театре, в нужное время говорить нужное. Иначе – спектакль не получится. И ещё не забывать о кульминации. Оказаться в нужный момент, в момент кульминации в нужном месте. И порох в пороховницах. На батарее может не быть снарядов. Что бы были снаряды, надо оглядеться. Оглядеться. *(Пауза. В замешательстве).* Что я ещё хотел сказать...

Буся. Молоденький.

Дарька. Может надринькался?

Женя. Катастрофа. *(Звонит телефонный звонок. Дарька берёт трубку, морщится, передаёт Жени. Женя уменьшает громкость телевизора).* Артём? ... Ну, как сказать? ... Ну, что сказать? ... Держитесь, держитесь... *(Кладёт трубку, но сразу же телефон звонит снова. На проводе, вероятно, Таня).* ... Андрею не хотят давать слово? ... Регламент исчерпан? ... Так. А сейчас. ... Колокольников? ... И что? ... Классик пошла в президиум? ... Она будет выступать? ... Это спасло бы хоть чуть, чуть. *(Опускает трубку. Бусе и Дарьке).* Таня звонила. *(Дарька кивает. Буся вглядывается в телевизор, у которого выключен звук).*

В этот момент появляется Марсоходов, взлохмаченный; в костюме, со сбитым на бок галстук.

Марсоходов. *(Бусе).* Бронислава Александровна. *(Щёлкает по кадыку. Жалобно).* Не найдётся?

Дарька. Класс! *(Буся вопросительно смотрит на Женю).*

Женя. Да уж налей. *(Буся уходит. За ней сразу же убегает Дарька).* Здравствуйте Авангард Васильевич.

Марсоходов. *(Смущённо).* Здравствуйте Евгения Александровна.

Появляются Дарька со стаканчиком водки и Буся, с пирожком на тарелочке. Дарька торжественно вручает Марсоходову стопку.

Буся. Бери, милый. *(Передаёт пирожок).* Укатали горки Сивку-Бурку.

Марсоходов. *(Кланяется, одним взмахом пьёт водку, нюхает пирожок, потом откусывает).* Уф!

Женя. Ну, теперь рассказывайте.

Марсоходов. *(Доедая пирожок и, не зная куда пристроить стопку).* Тягомотина. Вместо того, чтобы всё конкретно решить – словоблудие. *(Оживляется).* Вы видели, вы видели, как меня принимали – а в проекте решения – ни слова. *(Дарька забирает стопку и уходит).*

Женя. Ну, вроде там же было: «Поддержать педагогов-новаторов».

Марсоходов. *(Заводясь).* Вот то-то и оно! *(Поднимает палец. Горько).* Поддержать. Не поддержать, а внедрить, внедрить и обязать! Вот как надо. Время поддержки кончилось – приходит новое время. *(Пауза).* А-а! *(Сникает, машет рукой, собирается).* Спасибо Бронислава Александровна. Попозже, может зайду. *(Смотрит вопросительно на Женю).*

Женя. Заходите Авангард Васильевич. *(Женя и Буся провожают Марсоходова до веранды).*

Дарька, подходит к телевизору, усиливает звук.

Дарька. Женя, Андрей Сергеевич. *(Буся и Женя оборачиваются).*

Голос Андрея. ...Однажды я приехал в зелёный провинциальный город, и в пустом, паутинном букинистическом магазине с зевающей, похожей на банщицу продавщицей, купил старую книжку Константина Вентцеля.

Женя. *(Нервно)*. А Вентцель то причём?

Голос Андрея. ...Вентцеля я немного знал. В книге особо нового для меня не было – но как замкнуло. Дело не в том, что мы знаем, а в том, что мы рассказываем. Есть в жизни всего две задачи: делать дело и рассказывать о нём. Но рассказывать о деле – то же дело. Давайте говорить о Константине Вентцеле, давайте рассказывать об Антоне Макаренко и Василии Сухомлинском, о Викторе Шаталове и Авангарде Марсоходове, о наших настоящих учёных: Аркадии Никольском и Викторе Стремиллове...

Дарька. Во, даёт!

Голос Андрея. ...Но давайте рассказывать умно, задавая себе вопросы. Прима – для кого, кто должен слышать наш рассказ? Секундо – как это сделать? Да, мы знаем и слабости наших героев. Но будем их видеть сильными, богатырями. И давайте объединим наши силы, наши силы вокруг сильных. Только по честному. В единстве – сила наша. И тогда всё преодолеем. И мир станет лучше. За наш мир, за нашу будущую школу, за нас с вами! *(Слышатся аплодисменты)*.

Женя. *(Хлопает в ладоши)*. Андрей – гений!

Буся. Прямо как *(вспоминает)* Анатолий Васильевич Луначарский. Тот то же без бумажки.

Дарька. Хм.

Телефонный звонок. Женя наконец-то перетаскивает телефон на свой столик и берёт трубку.

Женя. Да, да! Класс! ... Ну, и теперь что – решение? ... Уже проголосовали! ... Наш вариант? ... Вот это да! ... Победа!

Дарька. Йез! *(Показывает кулаки)*.

Буся. Ну вот и хорошо, ну и ладно.

(Снова звонок. Женя берёт трубку).

Женя *(Радостно)*. Слышали, слышали! ... На министра два варианта? ... Свистунов и Колокольников? ... Ну, это уж всё равно. ... Не важно. ... А может? ... А, ну ладно, до завтра... *(Опускает трубку, выключает, что-то там бормочущий, телевизор, обнимает Бусю и Дарьку. Дарька слегка сопротивляется)*. Милые мои, мы же победили, победили!

Затемнение.

Картина четвёртая.

Один из следующих дней. Вечер. Телевизор убран, телефон в самом углу зала. Буся в медленном темпе и Дарька в быстром что-то колдуют со столом. По саду прогуливаются Ольга Анатольевна и Женя.

Женя. ...То есть вы считаете, что менять ничего не надо?

Ольга Анатольевна. Надо, надо. И я рада, что дожила до этого времени. Только иногда хочется слетать лет на двадцать назад за дешёвой колбасой и назад, назад. *(Пауза)*. А не выступала я, Женя, потому что... *(Пауза)*. Понимаете, когда слишком много знаешь про тех, кто рвётся вверх, охота участвовать и выступать убавляется.

Женя. Но вот Андрей Сергеевич говорит, что на крутых поворотах идеи и действия важнее, чем люди.

Ольга Анатольевна. Ну, вот он так, а я по-другому. Женя, вы же знаете – для меня важнее всегда были отношения. А идеи – что идеи. Конечно, это интересно, но ведь это только игра.

Женя. Да я помню. Когда мы ещё детьми к вам в лабораторию приходили. Как там говорилось *(поднимает воображаемый бокал)*: «За свободный воздух лаборатории!» И это подумать только, двадцать лет назад – ещё в семидесятые.

Ольга Анатольевна. Ну, это молодёжь так резвилась, щеночки были. Свободный–не свободный – разве в этом смысл. *(Пауза)*. Разлетелись птенцы.

Женя. А в чём тогда смысл? *(Ольга Анатольевна не отвечает)*. Разве это не ваше? Разве вы не поэтому на съезде? В конце концов, почему вы пришли сюда. *(Показывает на дом)*.

Ольга Анатольевна. Знаете, Женя, слишком много ниточек. *(Пауза)*. На работу, после войны, меня брала Бронислава Александровна, совсем ещё глупенькой девчушкой. Она мне так мозги вправила – до сих пор живу.

Женя. Да?

Ольга Анатольевна. С Аркадием Владимировичем, хотя и ворчим друг на друга, тоже лет сто вместе. Мы когда-то рядышком в аспирантуре учились и он чего-то брякнул. А время было суровое – так его с комсомола начали выгонять, а я за секретаря была – ну и заступилась.

Женя. А потом?

Ольга Анатольевна. Потом, наверно из-за его мэтрства и умения всюду подладить, наши дорожки разошлись. Ну а сейчас попросил, я и согласилась.

Женя. А Буся говорила, что у вас был роман с Никольским.

Ольга Анатольевна. Роман, не роман. Но не сложилось, не получилось.

Женя. Почему?

Ольга Анатольевна. Не простила я ему. Как-то выступил против одной женщины, ты её не знаешь. А у той только что муж умер, ребёнок в больнице. И он знал, знал, но выгодно было... Много в человеке колёсиков-винтиков вертится.

Женя. А-а. *(Пауза)*. Про Авангарда я знаю. *(Пауза)*. А Виктор Николаевич?

Ольга Анатольевна. Не нравится мне этот Стремиллов. Это как борзая: умная собака, но очень самовлюблённая. Цели вроде бы благородные, а средства, средства. *(Пауза)*. Хитёр Виктор Николаевич и себя любит. А я не люблю этого.

Женя. Ольга Анатольевна, а что такое, по-вашему, Артём.

Ольга Анатольевна. Артём? Пока не знаю. Щеночек. Прыгает на площадке, ко всем тянется, но сам ещё не решил – с кем быть, на кого гавкать.

Женя. И каким быть.

Ольга Анатольевна. Да. Почка. Ни чёрту кочерга, ни богу свечка. А в его двадцать пять пора бы и решить с кем ты: с богом или чёртом.

Женя. А может это его суть – не решать.

Ольга Анатольевна. Да, нет. *(Смотрит вопросительно на Женю)*. А может он хозяина ищет? *(Пауза)*.

Женя. С Андреем Сергеевичем вы ведь тоже давно знакомы?

Ольга Анатольевна. Давно. *(Пауза)*. Андрей талантливый, способный. Такая хорошая красивая гончая. Но как бы это сказать – не культурный он, вот как.

Женя. *(С удивлением)*. Андрей – не культурный!? Он же всё на свете знает. Три языка...

Ольга Анатольевна. Нет, нет – я не в этом смысле. Понимаешь, вот есть люди культурные и не талантливые; есть некультурные и неспособные, а есть вот как Андрей Сергеевич.

Женя. Не понимаю.

Ольга Анатольевна. Ведь мы отвечаем за тех, кого приручили, правда? (*Женя кивает*). А Андрей...

Женя. (*Задумчиво*). Да... Это у него есть.

Навстречу идут Андрей и Таня. Ольга Анатольевна и Женя поднимаются в дом.

Таня. ...А знаете, Андрей, какие сопки в Магадане? (*Андрей внимательно слушает*). Когда солнце из-за моря поднимается, вершины делаются такими розовыми, розовыми – особенно зимой. Когда в снегу.

Андрей. (*Задумчиво*). Наверно очень красиво. Где только ни бывал, а вот в Магадане не был.

Таня. Приезжайте.

Андрей. А вот возьму и приеду. (*Останавливаются. Смотрят друг на друга. Идут дальше*).

Таня. Андрей, а можно вас спросить?

Андрей. (*Пауза*). Да, спросите. (*Пауза*).

Таня. А что Светлана Арсеньевна – я её помню? Тогда... (*Пауза*).

Андрей. Со Светланой Арсеньевной мы расстались. Это долгая и нехорошая история. (*Пауза*). Смотрите (*показывает куда-то в сторону*), яблони отцветают.

Таня. А Олег?

Андрей. (*Оживляется*). Олежек уже большой. Закончил физтех и теперь в Медео ловит космические лучи, на академической станции. Таня, а вы знаете, что такое Медео?

Таня. В горах?

Андрей. Да, на Памире. Я у него там был. (*Декламирует*). «В любое время года сафари на космические частицы». Это у них на крыше станции написано. (*Берёт Таню за руку*).

Таня. (*Не отнимая руку*). Андрей, а где ваш дом?

Андрей. Мой дом? Таня, знаете, есть дом. (*Пауза*). Только там я не всегда... Я в редакции. Ещё где-то. Дома (*пауза*) немножко пусто.

Таня. Андрей, а может быть я когда-нибудь смогу стать вашим домом?

Андрей и Таня смотрят друг на друга. Их головы сближаются. Слышится звук машины, шум. Таня и Андрей уходят вглубь сада, взявшись за руки.

В саду появляются Никольский, Тёма и Марсоходов с букетами цветов, коробками и шампанским – весёлые и громкие. Им навстречу идут Женя и Ольга Анатольевна. Из столовой на шум выходят Буся и Дарька с подносами.

Тёма. *(Восторженно).* По-бе-да! По-бе-да! *(Лезет целоваться к Дарьке. Целуются. Дарька бьёт его подносом по голове).*

Дарька. В лоб хочешь?

Тёма. И в лоб, и по лбу.

Подхватывает за руки Бусю и пытается с ней кружиться – та топчется на месте. Одновременно Никольский вручает цветы Ольге Анатольевне, слегка её обнимая; из-за дома появляются Таня и Андрей. Андрей за ним и Таня вскидывают руки вверх. Марсоходов, нагруженный коробками стоит как столб и улыбается.

Андрей и Таня. Ура!!! *(Все подхватывают).*

Ольга Анатольевна. *(Ворчливо).* Ну, Аркадий, разошёлся. Как было-то рассказывайте.

Никольский. Сейчас, сейчас. *(Делает знак. Марсоходов и Никольский вручают Жене и Бусе цветы и целуют ручки. Коробки передаются на поднос Дарьке).*

Марсоходов. *(Немножко отойдя от непривычной для себя процедуры, показывает на пальцах V – победу).* Виктория!

Тёма. *(Захлёбываясь).* Президент подписал указ о реформировании Академии и главным реформатором...

Никольский. *(Поправляет).* Не реформатором, а председателем комиссии по реорганизации...

Тёма. *(Не хочет отдавать инициативу).* А это всё равно. Назначен Аркадий Владимирович.

Женя и Таня. *(Хлопают в ладоши)* Ур-ра!

(Никольский кланяется налево и направо).

Марсоходов. *(Гордо).* А Марсоходов – председатель комиссии по педагогическому новаторству при правительстве. Ну, наконец-то. Ну, теперь держитесь. *(Машет кому-то кулаками).* Дело пойдёт.

Никольский. Андрей Сергеевич, Академия будет учредителем вашей газеты – договорились?

Андрей. Ну не сегодня, не сегодня.

Женя. А где же Виктор Николаевич?

Тёма. Сейчас приедет.

Женя. Ну, вот что – давайте не ждать. К чаю!

Все поднимаются в столовую, весело расставляют на столе цветы, конфеты, шампанское. Женя с Таней несут бокалы, Дарька с Тёмой – самовар. Буся с Марсоходовым – яблоки и пироги. Тёма берёт гитару, запекает про Антошку. Ему все весело подпевают, продолжая готовить стол. Андрей пытается дирижировать.

Хор. Антошка, Антошка,
Готовь к обеду ложку.
Тили – тили, трали – вали
Откажусь теперь едвали...

Рассаживаются за столом. Тёма откладывает гитару и берётся за шампанское.

Никольский. Нет, нет. Подождём, знаете ли, Виктора Николаевича.

При этих словах появляется Стремиллов. Он несколько возбуждён. В руках бутылка французского коньяка.

Стремиллов. *(Поднимает руки вверх, приветствуя всех, и ставит коньяк на стол).* Вот!

Женя. Ну, что?

Стремиллов. *(Играя).* Что что?

Таня. Кто министр – Свистунов? Колокольников? *(Пауза).*

Стремиллов. Я – министр!

Ольга Анатольевна делает неопределённый жест. Удивлённая пауза, переходящая в общее «Ура!». Тёма открывает шампанское, оно разлетается во все стороны. Таня и Женя ахают. Марсоходов разливает коньяк. Дарька и Ольга Анатольевна делают полшага в сторону.

Андрей. Ну а теперь. *(Оглядывает всех).* За победу! Наше дело – правое. Мы победили!

Чокаются. Тёма берёт снова гитару, бормочет что-то сначала себе под нос, потом слова становятся слышны и все подхватывают песню. Поют громко и неправильно.

Хор. ...Когда ж придёт делёжки час,
Не нас калач ржаной поманит
И рай настанет не для нас,

Зато Офелия всех нас помянит.
Когда же грянула пора
В путь собираться понемногу...

Песня становится тише. По веранде пробегает чёрная кошка. Сцена темнеет. На переднем плане Буся.

Буся. Всё было и всё будет. Всё прошло и всё впереди. Сколько раз мы побеждали, потом приходили искушённые злые люди, война и приходилось побеждать снова. Но всегда сила, губящая победу, в конечном счёте, была в нас, в победителях. Ещё Антон Павлович и Надежда Константиновна мечтали: «... и построим жизнь светлую». Но где свет там и тьма. Всё дело в том – можем ли одолеть тьму в себе. Вот вопрос на всех и на все времена. Всё преодолеем, но что мы сотворим с собой...

Гаснет свет. Тихо звенит школьный звонок.

Действие второе

Ранняя осень. Декорация первого действия. По веранде рассыпаны яблоки. По ходу действия яблоки собирают в стоящие здесь же на веранде, а так же в комнате вазы. Временами слышится звук яблок падающих в саду. В центре комнаты появился большой жёлтый абажур и новый, «навороченный» телефон. Из других новостей – ближе к кухне холодильник и микроволновка. Преобладающая цветовая гамма – коричневое, фиолетовое и тёмно-красное. В эпилоге – зима.

Картина первая.

Утро. Звенит школьный звонок. Двери зала открыты на веранду. В столовой появляются Женя и Таня. Они в свитерах. По комнате: на стульях, диванах, столах лежат газеты, рукописи, тарелки и чашки. Женя и Таня наводят порядок и разговаривают.

Женя. Год как ушла Буся и жизнь как замерла. Крутится, крутится на одном месте. В министерстве одни и те же бумаги, в редакции те же слова и те же письма. Я теперь знаю о чём пишут и как ответить, даже не вскрывая конверта. Отвечать могу с закрытыми глазами. (*Закрывает глаза, дирижирует тарелкой*). Уважаемая Евдокия Петровна...

Таня. (*Подыгрывая*). Уважаемый Пётр Яковлевич...

Женя. Спасибо за внимание к нашей работе. На ваш вопрос о том, когда выдадут заработную плату...

Таня. ...починят печную трубу...

Хором. ...ответить не можем.

Женя. Редакция этими вопросами не занимается. Ваше письмо передано в министерство.

Таня. Министру господину Стремиллову.

Женя. Господин Стремиллов прилетит на самолёте завтра, с печной трубой в кармане. *(Пауза)*. Грустно.

Таня. А как весело начиналось!

Женя. Какой шорох был в министерстве. А знаешь кто больше всех не взлюбил наших?

Таня. Вахтёры.

Женя. Да. *(Подражает)*. Что за порядки, что за нравы. Кто же в министерство в джинсах приходит. И курят в буфете. При Свистунове такое не позволялось...

Таня. *(С весёлым ужасом)*. Министру! Кричат: «Виктор, пойдём сосиски есть». Кошмар! *(Улыбается. Пауза)*. А потом в Адлере...

Женя. Со всего мира народ наприглашали.

Таня. Да.

Женя. Думали с всемирной педагогикой дружбу заведём, договоры заключим, в мир поедем.

Таня. А оказалось каких-то чудиков оплатили. Помнишь Мартина?

Женя. Который учителей запахами развивал? Да... Ну этот ещё ничего. А вот Чандра, индуска, которая по ночам на гору таскала всех медитировать...

Таня. Никакая она не индуска, обыкновенная голландка.

Женя. Всё равно индуска – голландского происхождения.

Таня. А эти – баххаиты. Ведь ты их нашла.

Женя. Ну, нашла и нашла. Кто же знал. Но ведь были и нормальные.

Таня. Эти итальянские бабуськи что ли?

Женя. А что – с них Монтессори у нас и пошла. Вон и садики необычные появились. Ещё вот Калин нормальная была, из Кембриджа.

Таня. Да уж. *(Пытается собрать газеты в одно место)*.

Женя. Всё-таки и договоры появились, и в зарубежку поехали. Вон Авангард сейчас в Японии.

Таня. А как же! Настоящая американка Катя Иванова (*вместе смеются*), главный заместитель представителя господина Сороса в России.

Женя. (*Грустно*). С договоров-то всё и началось. (**Мрачно**). Каждый на себя тянул.

Таня. (*Грустно*). Да, началось... (*Поднимает с пола какую-то газету, разглаживает и с выражением читает*). «Прошёл год работы нового министерства. И говорят про него разное. Одни возносят на гору. Другие бросают в пропасть. Попробуем остаться на узкой тропе, на карнизе между горой и падением вниз. Назовём вещи своими именами и будем помнить – путь реформ не может быть усыпан розами. В реформах всегда есть возвышение и страдание. Весь вопрос в цене движения вверх и понимании этого реформаторами...».

Женя. (*Не заглядывая в газету*). Андрей Симонов. «Год работы». Газета «Перемена». Номер двадцать дробь сорок три.

Таня. Редактор статьи...

(*Женя кланяется*).

Женя. Андрей хотел мирить, но никто, ничего уже ни слышал... (*Продолжает разбирать бумаги. Звонит телефон. Таня берёт трубку*).

Таня. Да. (*Встревожена*). ... Сейчас. ... Примочку на лоб. ... Там, в холодильнике. ... Ну, что же вы, няня. (*Опускает трубку*). Побежала. Антошка с дивана сверзнулся. Ревёт.

Таня убегает, на ходу водружая на стол ещё пачку газет. Женя сразу же перестаёт убираться и садиться за стол редактировать какую-то рукопись.

Входит повзрослевшая Дарька. Она студент-психолог. Одета элегантно, но с некоторым налётом прежней «неформальности»: в причёске и заплатах на недешёвых джинсах.

Дарька. Женя, похарчиться есть?

Женя. (*Не отрываясь от работы*). Там, в холодильнике. Возьми сама.

Дарька вытаскивает из холодильника тарелку, засовывает в микроволновку. Относит на кухню грязные тарелки и чашки, вынимает разогретую еду. Ставит на стол. Приносит из кухни чайник. Ест, параллельно разговаривая с Женей.

Дарька. Что творишь?

Женя. (*Морщится*). А-а, Никольский. И не печатать нельзя, и печатать нельзя.

Дарька. (*Устраиваясь с тарелкой рядом с Женей*). Ну и не печатайте – всё равно глупость. (*Берёт листок из под носа Жени, читает с пафосом, откусывая бутерброд*). «Психологическая служба – это прорыв в релевантной идентификации андрогогического процесса как персонализации отрочества и конгруэнтности педагога». Блеск!

Женя. (*Не отрываясь от работы*). Положи.

Дарька. (*Возвращая листок на место*). Боже мой! И чем вы только занимаетесь. Какие такие прорывы, какие такие конгру чего-то там. (*Оживляется*). Слушай, какой неконгруэнтный разговор у меня сегодня был, с директором. (*Изображает*): «Вот вы, Дарина Петровна, как психолог, должны администрации помогать, правда?» И смотрит на меня так с интересом. Ну, я, конечно, изображаю дурочку: «В чём помогать, Никодим Семёнович?»

Женя. (*Не отрываясь от рукописи*). Его же как то по-другому звали.

Дарька. А какая разница. (*Размахивая бутербродом*). Я ему и токаю: «В чём помочь, Христофор Гаврилович?». Знаю, что сейчас какую-то подлянку скажет. Так и есть. «Да вот, видите ли, есть у нас Софья Иосифовна. Ну, вы понимаете, вы знаете, нехорошо она об администрации говорит». «Софья Иосифовна, – говорю я ему по дурости – замечательный учитель». «Может и так, – продолжает мой Никодим Христианович – но в нашей российской школе ей не работать. И вы, Дарина Петровна, как психолог, как русский человек, должны нам помочь». Во как! Полный прихват.

Женя. (*Отрываясь от рукописи*). Вот сволочь. Уходи.

Дарька. (*Зло*). Отовсюду не уйдёшь. А вот ещё, я тебе не рассказывала, приводит училка пацана с первого класса и вещает: «Дарина Петровна, он мне весь класс разлагает». «Как разлагает?» На вид нормальный пацанчик, ну может немножко отставание с произвольностью – так это у каждого второго сейчас. Так что же он натворил. Жвачку видите ли принёс и угостил всех. А на вкладышах гёрлы без прикида. Уж-жас. Спрашиваю: «Где взял?» Смотрит на меня как на идиотку и отвечает, видно, что по-честному: «Мамка купила». Спрашивается, что сама училка не могла спросить. Я ей так и сказанула.

Женя. М-м.

Дарька. Психолог, мам, в школе – главный враг. Детей защищает, образовательную фигню не даёт вести. И дети его боятся. «Плохо будешь вести – к психологу отправлю» – главный у нас теперь слоган. А у вас (*берёт в руки листок*) психологическая служба конгруэнтна. Сила! (*Допивает кофе и дожёвывает бутерброд*).

Женя. (*Робко*). Но вот у Игнатьева в школе...

Дарька. У Игнатьева, у Игнатьева. В зубах навязло. Вы что газета Игнатьева, он вас купил?

Женя. (*Протестующее*). Ну, Дарька.

Дарька. (*Махнув рукой*). Ну ладно, ладно. Пока, пока. Мне ещё в читалку, дедушку Фрейда к семинару читать. То же ещё – полный глюк. (*Уносит посуду, кричит с кухни*). Сам Донцов будет вести. (*Подходит к Жене, целует и убегает*).

Возвращается Таня.

Женя. (*Отрываясь от работы*). Всё обошлось?

Таня. Обошлось.

Женя. Ну и ладно. (*Снова берёт в руки рукопись. Звенит звонок. Женя тянется к телефону*). Да, Андрей Сергеевич, заканчиваю. ... Здесь у меня. (*Передаёт трубку Тане*). Андрей, тебя.

Таня. Здравствуй. ... Ты сегодня домой во сколько?

Вероятно в аппарате включён селекторный режим и мы слышим, что говорит Андрей. Женя продолжает работать, поглядывая на Таню.

Голос Андрея. По честному – поздно. Может и не дойду.

Таня. Антошка спрашивает: «Па?...»

Голос Андрея. Скажи ему, что я его люблю.

Таня. Это мы знаем. Ты где сегодня?

Голос Андрея. Если Стремиллов закончит разговаривать с американцами, то ночью в Магадан.

Таня. Как в Магадан? Без меня? Мы же вместе собирались!

Голос Андрея. Нет, нет. Сейчас не получится. И кто же к тому же с Антошкой?

Таня. (*Растеряно*). С Антошкой – няня.

Голос Андрея. Понимаешь, Татка, надо там быть срочно – на два дня – а Виктор без меня не может. А с тобой мы ещё девяносто

девять раз посетим столицу Колымского края. Правда? Вот в следующий раз...

Таня. Андрей!

Голос Андрея. Ну-ну, малыш. Как там, у большого Антона – «Не пищать», да? Давай не будем пищать. Целую. (В трубке молчание, потом длинные гудки. Таня кладёт трубку, идёт к Жене).

Таня. Он же обещал. (*Плачет*). Говорил: «Всегда вместе».

Женя. (*Продолжая что-то чёркать в статье, глядя Таню по голове*). Ну, Татьяна. Успокойся. Вместе, вместе – так не бывает. Мужики – они существа полётные. Ветер дел их выдувает из дома. В Анадырь, в Антарктиду, в министерство. Если мы их станем держать...

Таня. Я не хочу так, не хочу. (*Стучит кулаком по столу*). Ведь договаривались, договаривались... и в Антарктиду, и в министерство, и... (*Плачет. Телефонный звонок. Таня хватается трубку*).

Таня. (*Вытирая слёзы. Холодным голосом*). Да. ... Иду. (*На вопросительный взгляд Жени*). Няня.

Уходит. Сталкивается на веранде с Марсоходовым, несущим какой-то большой пакет. Марсоходов что-то хочет сказать, но Таня, не поздоровавшись, проходит мимо.

Марсоходов. (*Оглядывается*). Что-то случилось?

Женя. А... Бабские штучки.

Марсоходов. (*Спохватываясь*) Здравствуйте, Евгения Александровна.

Женя. (*Откладывая рукопись, со вздохом*). Здравствуйте, Авангард Васильевич. Что это у вас? (*Показывает на пакет*).

Марсоходов. (*Торопливо*). Это, Евгения Александровна... Это я хочу подарить. (*Вынимает из пакета что-то вроде картины и передаёт Жени*).

Женя. Буся! Авангард Васильевич, миленький. Это как же вы так. Какой вы молодец! Ведь сами делали, да? (*Смотрит вопросительно*).

Марсоходов. (*Стесняясь, но с гордостью*). А вот так, вот так. У меня же фотография есть. А остальное дело техники, дело техники... И изобретательства... Я и подумал... Год ведь.

Женя. (*Прижимая портрет, целует Марсоходова. Грустно*). Через пять дней – год

Марсоходов. *(Растрогано)*. Вот я и подумал...

Женя. *(Нежно)*. Вы знаете, Марсоходов, я ведь не собиралась никого собирать. Но теперь позову, да? *(Сморит настенный календарь)*. Тем более суббота. И портрет мы повесим, правда? *(Примеряет портрет на стенку)*.

Марсоходов. Вот сюда. *(Показывает место на стене справа от лестницы. Женя пытается его туда пристроить)*. Евгения Александровна, да вы не беспокойтесь. Сегодня – нет, а завтра придут вот и повесим. *(Женя уstraивает портрет на диван)*.

Женя. Спасибо Авангард Василевич. Какой вы молодец. *(Пауза)*. Как вы, что? Рассказывайте.

Марсоходов. *(Оживляясь)*. Вы ведь знаете, я в Токио был. Выступал. На семинаре.

Женя. Знаю, знаю. Андрей говорил. Поздравляю. Ну и как там император. И вообще.

Марсоходов. Вы знаете, Женя, у них такие штучки появились – томагочи называются. *(Вытаскивает из кармана томагочи)*. Вот смотрите. *(Нажимает кнопки. Женя с интересом всматривается)*. Видите, динозаврик. Его кормить надо. *(Нажимает кнопки)*. Вот – накормлен, радуется. *(Женя хлопает в ладоши)*.

Женя. Здорово. А если не кормить?

Марсоходов. Умрёт.... И если кормить – всё равно потом умрёт – программа завершиться и срок кончится.

Женя. Что же это получается – ребёночек к динозаврику привяжется, а потом... *(Берет томагочи в руку)*. Смотрите, он уже маленький.

Марсоходов. *(Вздыхает)*. Да... Но какое изобретение!

Женя. Миленький Марсоходов, а нельзя ли чего-нибудь сделать, изобрести, чтобы не было... А? *(Передаёт ему томагочи и смотрит в глаза)*. Чтобы...

Марсоходов. Можно, Евгения Александровна. Я, кажется, что-то уже придумал. Но пока не скажу. *(Серьёзно)*. А вдруг японцы узнают. *(Убирает тамогочи. Заговорщицки смеётся. Женя тоже)*.

Женя. Авангард Васильевич, а как же вы там? По-японски говорили?

Марсоходов. Нет, нет. По-японски я пока не говорю. Только по-английски. Ведь я когда-то, уже после флота, на военного переводчика учился. Правда, не доучился.

Женя. И помните?

Марсоходов. А как же. I am pedagogical innovator Avangard Marsohodov. Во. И вы знаете, помогает. Были мы в Киото. Там парк такой знаменитый. И я потерялся.

Женя. Как потерялись?

Марсоходов. Ну не совсем, не совсем. Мне на выход надо, а навстречу всё какие-то неговорящие японцы. Не то чтобы совсем неговорящие, но ни по-русски, ни на английском не бельмеса. Переживать даже стал. И тут, представляете Женя, навстречу негр идёт. Большой такой. И то же потерялся, как выяснилось. Ну я его и спросил: «Do you speak English?» А он конечно ответил. И пошли два белых человека из киотского лабиринта выход искать.

Женя. Белых?

Марсоходов. Белых, белых. *(Смеётся. Смотрит на часы).* Ну вот, опаздываю. Мне ещё к Водолеям завтра на семинар ехать.

Женя. К кому, к кому?

Марсоходов. А, – это так. Потом как-нибудь расскажу. *(Обнимает Женю, прощается).* К субботе не вернусь. Не успею. Да и Никольский у вас будет – не хочу. *(Женя делает протестующий жест).* Будет, будет. Но я с вами, я с вами. *(Уходит. Женя садится за рукопись. Оглядывается на портрет Буси. Вздыхает.)*

Затемнение.

Картина вторая.

Та же выгородка. Рукописи и газеты убраны. На стене портрет Буси. Хмурый несолнечный день. В зале горит, поднятый наверх абажур.

Дарька и Женя накрывают на стол. В саду Тёма и Ольга Анатольевна. Тёма в дорогом тёмном костюме с дипломатом в руке. Ольга Анатольевна в фиолетовом платье.

Тёма. ...и вот теперь на Кипре...

Ольга Анатольевна. На Кипре?

Тёма. Да, на Кипре. Ольга Анатольевна, образовательную элиту надо создавать в элитных условиях – что бы они уважение ощущали.

Ольга Анатольевна. Так. А кто же платит – ведь это дорого. Не сами же директора?

Тёма. Есть и сами. Из частных школ, из Якутии, из Ханты-Мансийска *(Ольга Анатольевна смотрит вопросительно)* – нефть и алмазы отстёгивают.

Ольга Анатольевна. Ах да. (*Пауза*). И чему вы их там, на Кипре, учите?

Тёма. Всему. Менеджменту, философии образования, акмеологии, маркетингу...

Ольга Анатольевна. (*С сомнением*). Акмеологии? И кто это всё читает?

Тёма. Ну, менеджмент – я.

Ольга Анатольевна. Артём, но ведь это наука – её знать надо.

Тёма. А я был на стажировке, по фонду Джонсона, целый месяц – так что подготовился.

Ольга Анатольевна. Месяц?

Тёма. (*С гордостью*). Да.

Ольга Анатольевна. А педагогике, вы там в Греции...

Тёма. На Кипре.

Ольга Анатольевна. ...учите.

Тёма. Конечно. Монтессори, Штайнер, Дьюи, теории образования...

Ольга Анатольевна. А воспитания?

Тёма. (*Слегка снисходительно*). Ольга Анатольевна. В нормальном обществе воспитанием занимаются семья, церковь, община. (*Жёстко*). Школа должна заниматься образованием.

Ольга Анатольевна. Значит у нас нормальное общество?

Тёма. Ну, пока не совсем, не совсем. Но воспитания у нас нет и не было.

Ольга Анатольевна. (*В изумлении*). Как нет?

Тёма. У нас коммунистическое воспитание: горны, барабаны, «Зарницы», макулатуры – это не педагогика, а идеология.

Ольга Анатольевна. Подождите, подождите, Артём. А Макаренко? А Сухомлинский? И что же это получается – там что ли (*показывает в неопределённое далеко*) воспитанием не занимаются в школах?

Тёма. (*Разъясняюще-наставительно*). Макаренко – это сталинская педагогика, Сухомлинскому не повезло: родился бы в другое время – стал бы замечательным батюшкой. А воспитания там (*показывает*), в Европе, в Америке – нет, сплошное эдьюкейшн – образование. Не разрушив, Ольга Анатольевна, коммунистического воспитания – ничего не добьёмся.

Ольга Анатольевна. Значит, весь мир насилья мы разрушим, а затем...

Тёма. *(Решительно).* Да.

Ольга Анатольевна. А ребёночка из ванночки...

Тёма. Не выкинем, но ванночку на джакузи заменим.

Ольга Анатольевна. *(Мрачно).* Так что за границей всё уже в полной комплектации. Уж лучше бы вы, Артём, своим химическим театром занимались бы.

Поднимаются в дом.

Из-за дома выходят Никольский и Стремиллов.

Никольский. ...А всё-таки, Виктор Николаевич, это здание за Академией.

Стремиллов. Побойтесь бога, Аркадий Владимирович, у вас же сорок шесть помещений с арендными возможностями, а у министерства только тридцать. И не думайте – забираем.

Никольский. Виктор Николаевич, перебираете, перебираете.

Стремиллов. Ничего не перебираем. Фонду Герберта помочь надо. Образовательная Академия ютится чёрти где...

Никольский. Что ещё за Образовательная Академия?

Стремиллов. Артём.

Никольский. А этот проходимец уже и сюда залез. Ну, нахал.

Стремиллов. Нахал, да наш. Региональные люди от Урала и дальше ему в рот смотрят.

Никольский. А сколько он с них имеет.

Стремиллов. Имеет, имеет. Но и вы, Аркадий Владимирович кое-что с этого имеете. Не слышали, ненароком, кто это там, на Средиземном море, новую философию образования почитывает, а?

Никольский. Я, я.

Стремиллов. Так о чём же говорим.

Никольский. Ну и чёрт с этим. А здание я вам не отдам.

Стремиллов. Отдадите, Аркадий Владимирович. Отдадите. *(Уходят за дом на новый круг).*

Появляется Андрей Сергеевич с большим букетом. Из дома, к нему навстречу выходит Женя. Позади неё Дарька.

Андрей. *(Целует Женю. Обнимает Дарьку).* Заезжал на кладбище к Брониславе Александровне. Хороший памятник, светлый.

Женя. Спасибо Андрей Сергеевич. Делал Родин. Это из её послевоенных учеников. Еле уговорили деньги взять. *(Оглядывается)*. А где Таня?

Андрей. Таня просила извиниться. Не придёт – Антошка простудился, надо с ним посидеть.

Женя. А няня?

Андрей. Выгнали.

Женя. А-а. Раз так...

Андрей Сергеевич разводит руками

Андрей проходит в столовую. Здоровается с Тёмой и целует руку Ольге Анатольевне. Из сада поднимаются Стремиллов и Никольский. Здороваются с Андреем Сергеевичем. Остальных они, вероятно, уже видели.

Дарька. Садитесь, садитесь. *(Все, кроме Жени, рассаживаются. Дарька тоже не садится, оглядывает стол, гостей, только после этого «приземляется» рядом с Тёмой)*.

Женя. *(Поднимает рюмку. Говорит медленно, с остановками)*. Год как нет с нами мамы, нашей Буси, Брониславы Александровны... Наверно, только когда покидает нас близкий человек, понимаешь, что он для тебя значил. О, как я воевала с мамой в пятнадцать! Дверью хлопала, из дому грозила уйти... Вы знаете, я тут перебирала Бусины тетради и нашла что-то вроде дневника тех лет. Как она всё понимала. *(Пауза)*. Собственно как бы мы ни бунтовали, какой бы бунт на корабле ни устраивали – в конечном счёте, мы повторяем своих близких. Вот и я... *(Женя закрывает глаза, рука её дрожит. Дарька вскакивает)*.

Дарька. Выпьем за Бусю, у каждого есть свой смысл сделать это. *(Обнимает Женю)*. За Бусю.

Ольга Анатольевна. Пусть земля ей будет пухом. *(Все поднимают рюмки, пьют)*.

Андрей. Бронислава Александровна – это эпоха. Эпоха сияющей веры. Пусть немножечко узкой. Немножечко окружённой стенами. Но если бы в этой не лучшей эпохе не было бы лучших, нам пришлось бы слишком много создавать.

Тёма. Да, да, эпоха... Мы про неё помним, но надо идти вперёд и дальше.

Стремиллов. Я очень уважал *(пауза)*, уважаю Брониславу Александровну. Но даже самые светлые люди прежних лет

принадлежат прошлым летам. Созидатели нового времени должны быть жёстче, определённое, практичнее. Только тогда они выполняют свою миссию. Идеалисты прошедшей эпохи дают нам возможность оттолкнуться от романтизма и стать прагматиками. Романтики делали первый шаг, но вписывали, укрепляли новое в жизнь всегда прагматики. В этом наш смысл.

Тёма. Эпоха идеализма сменяется материальной эпохой, эпохой деланья.

Женя. (Вяло). Что-то тут не так. Уж кто был всегда практичным – это мама.

Тёма. Я вообще-то не в этом смысле.

Дарька. (*Шёпотом*). Да уж, конечно не в этом.

Никольский. (*Встаёт*). Я благодарен Брониславе Александровне. Вы знаете, мы её в пионерстве звали комиссар Броня. Я благодарен Брониславе Александровне, если бы не её такая, я бы сказал, настырность, требовательность, может быть, я и не стал бы, так сказать, академиком Никольским, не написал бы своих книг.

Дарька. (*Тёме*). Уж лучше бы и не стал. Двадцать пять лет о педагогике пишет, ничего в ней не понимая.

Тёма. (*Дарьке*). Да уж. (*Вскакивает*). Я хочу присоединиться к словам Аркадия Владимировича. Академиками не рождаются, а становятся. И становятся, потому что есть силы, умеющие разглядеть и увидеть возможности человека иного поколения.

Ольга Анатольевна. Чем дольше я живу, тем больше мне кажется, что возраст – это поверхностное, наносное, преходящее. Люди всерьёз соединяются не по горизонтали, а по вертикали. Бронислава Александровна, милая Буся – это моя вертикаль, как и Женя, как и... (*замолкает, оглядывая присутствующих*), может быть на этом всё и остановится.

Тёма. (*Пытаясь встать*). Я... (*Дарька его останавливает, хлопая по плечу. Встаёт сама*).

Дарька. (*С рюмкой в руке*). Однажды собрались птицы на семинар и стали делиться опытом. Орёл рассказал, как он учится высоко летать и далеко видеть. Соловей – как тренируется в пении, что бы получалось хорошо и красиво. Ласточка – что нужно делать, чтобы склеить себе гнездо. А воробей поделился опытом, как ловко ухватить крошки с чужого стола. И все его внимательно слушали. (*Пауза. Садится не выпив*). Вот такая история. (*Молчание, которое*

перебивается резким телефонным звонком. Тёма вздрагивает. К телефону подходит Женя).

Женя. Да... Виктор Николаевич, вас.

Стремилов. *(Берёт трубку).* Да. *(Смотрит на часы).* Хорошо, выезжаю. *(Кладёт трубку).* Увы, дела. *(Разводит руками, целует руку Жене).*

Женя. Виктор Николаевич, получиться – возвращайтесь к чаю.

Стремилов. Хорошо, хорошо. *(Прощается со всеми).*

Оставшиеся поднимаются из-за стола. Дарька с Ольгой Анатольевной убирают тарелки со стола и готовят чай. Андрей Сергеевич и Женя устраиваются в углу с рукописью. Никольский и Тёма выходят на веранду курить.

Тёма. *(Вынимает пачку «Парламента» и выталкивает сигарету).* Будете Аркадий Владимирович?

Никольский. Что это?

Тёма. Американские.

Никольский. Ну, давай. *(Берёт сигарету. Тёма щёлкает зажигалкой, даёт Никольскому прикурить и закуривает сам. Некоторое время молча курят).* Оттуда? *(Показывает куда-то рукой. Тёма кивает).*

Тёма. С пятнадцатого октября новая сессия, Аркадий Владимирович. Я рассчитываю на вас.

Никольский. Там же?

Тёма. Да.

Никольский. Сколько?

Тёма. Час – сто баксов.

Никольский. Двести.

Тёма. Но...

Никольский. Обстоятельства меняются – двести.

Тёма. Хорошо. *(Пауза. Курят).*

Никольский. Насколько я знаю Стремилов тоже у вас.

Тёма. Да.

Никольский. Есть возможность влиять?

Тёма. Ну, вообще-то...

Никольский. Попробуйте. Академия заинтересована сохранить здание на Лесной.

Тёма. НИИ спецшкол?

Никольский. Да. Но министерство тоже имеет виды и обещает кое-что вам.

Тёма. Но...

Никольский. Обещает. Знаю. Академия готова вам дать три кабинета и всякие благоприятствия, если здание сохранится за нами.

Тёма. Пять комнат и разумная аренда.

Никольский. О, молодой человек, у вас аппетиты.

Тёма. *(Смотрит на Никольского)*. Есть у кого учиться. *(Пауза)*. По вертикали.

Никольский. Три. О разумном поговорим. *(Глядя друг на друга, гасят сигареты)*.

Появляется Стремиллов.

Стремиллов. *(Обращаясь к Тёме)*. Артём, оставь нас.

Тёма. Но...

Стремиллов. Дела.

Никольский. *(Тёме)*. Остальное потом. *(Тёма кивает и уходит в дом. Стремиллов смотрит ему вслед)*.

Стремиллов. Аркадий, не заиграйтесь с ним – с зубами.

Никольский. Знаю. Что?

Стремиллов. В Администрации не решают.

Никольский. *(Недовольно)*. Темпы, темпы.

Стремиллов. Да, темпы никуда не годятся. Свистунов может реформу перехватить. Ваши тоже тормозят: ну что это за хреновина – программа интеграции всех сил. Где, откуда возьмётся сия интеграция. Каких сил? Кто будет, чёрт дери, чего-то интегрировать. Партии – нет. Советов – нет. Да, если бы и были... Не дай Бог! Все только и умеют по старому.

Никольский. Это всё не важно. Нужна инициатива – хоть какая-то. Иначе не выстоим. Наверху ждут инициатив.

Стремиллов. Не любых, не любых – только рыночных.

Никольский. Вы хотите сказать – прозападных.

Стремиллов. Прозападных, непрозападных – всё это ерунда. Важно одно: только если в рынок – можно влиять и удержаться. Только тогда что-то сделается.

Никольский. Так удержаться или сделать что-то? Определитесь с этим Виктор.

Стремиллов. Сделать, сделать!

Никольский. *(С иронией)*. Что бы в учебнике 2050 года было написано – Стремиллов?

Стремилов. *(На серьёзе).* Да, чтобы в учебнике.

Никольский. Но в учебнике. Виктор Николаевич, могут о Стремилове по-разному написать.

В столовой громко звонит телефон. К нему подходит Женя и берёт трубку.

Женя. Здесь, сейчас позову. *(Кричит на веранду).* Аркадий Владимирович! Вас.

Никольский. Вот так, Виктор. *(Уходит к телефону. Навстречу ему на веранду идёт Андрей Сергеевич. Никольский говорит по телефону спиной к зрителю – что не слышно).*

Андрей. *(Стремилову).* Что Виктор Николаевич, Никольский упирается? *(Пауза).*

Стремилов. Упирается.

Андрей. Ну, с арендой как-нибудь решится. А что с учебниками?

Стремилов. Берут министерство штурмом.

Андрей. *(С сомнением).* Столько жаждущих?

Стремилов. Тиражи. Это ж такой навар. Такое чувство, что вот-вот стрелять начнут.

Андрей. *(С иронией).* Ну-ну.

Стремилов. Вчера пропал Сомов.

Андрей. Это кто?

Стремилов. Издательство «Согрис»: Сомов, Гришин, Исламов.

Андрей. А! Ну, этот загулял.

Стремилов. Хорошо бы. Мы же на них завязаны. «Согрис» почти за так сделал альбом к годовщине министерства и...

Андрей. Да? Тогда тревожно. *(Пауза).*

Стремилов. Вас в виду имею.

Андрей. *(Задумчиво).* Это хорошо. *(Пауза).* Но как-то это всё суетно, Виктор. Не теряем ли устремление мы, а? Школу забомбардировали планами и отчётами по инновациям. На министерство ссылаются. Не придумываю – с мест пишут. Академия под президентством товарища Никольского как слон на болоте: топчется, брызги летят во все стороны – только слон тот уже по самые уши...

Стремилов. Устремления, вдохновения, коловращения... Чтобы стрела летела дальше нужны деньги на новый лук и на новый колчан. *(Оборачивается к Андрею Сергеевичу).* «Где деньги Вань?» Пока не

соберём башли – хоть от самого дьявола, хоть от Запада, от аренды, коммерсантов, криминала, чёрт побери, – никаких тебе вдохновений.

Андрей. Но если деньги подлые...

Стремилов. *(Не слушая. Категорично).* Задача министерства – иметь деньги на преобразования. Чтобы министерские люди хотели искать эти деньги, надо, чтобы они имели нечто для собственного бытия. Чиновник не обеспечивающий себя не на государство пашет, а на свою сегодняшнюю выгоду. Это социологический закон. Андрей. Только удовлетворив материальные нужды среднестатистического человека можно ждать от него работы на общество. Если этого нет – останутся одни зулусы.

Андрей. *(Глухо).* Но потребности материальные ненасыщаемы...

Стремилов. Теоретически, теоретически. А практически – мы прорвёмся.

Ольга Анатольевна. *(Выглядывая на веранду).* Чай, господа-товарищи.

Стремилов и Андрей, недовольные друг другом, проходят в столовую. Сверху, над столом, опускается жёлтый абажур. В центре стола большой Бусин самовар. Господа-товарищи тянутся к самовару за чаем. Глухой шум разговора. Свет абажура медленно гаснет.

Затемнение.

Картина третья.

Тот же дом. Веранда. Листья в саду пожелтели. Собранные яблоки в вазах и корзинах на веранде, в комнате, по всей сцене.

Включён телевизор. Напротив него в напряжённой позе Андрей Сергеевич. Входит и выходит Женя. Идёт какая-то передача в режиме интервью, вероятно в записи. С экрана голоса Тани и Стремилова.

Голос Тани. Виктор Николаевич, так с какими же успехами пришло министерство ко Дню учителя, каковы победные реляции?

Голос Стремилова. Это был замечательный год. Прорыв по всем направлениям. Почти треть школьных учебных программ – авторские. Мечта учителей о свободной нерабской работе сбывается. Подпитывает эту свободу возможность выбирать учебники. Только по истории у нас уже шесть вариантов учебных книг, а на подходе ещё с пяток. У нас теперь все школы, все вузы инноваторы, хотя бы немножко работают по-новому. Есть, конечно, и группа прорыва.

Например, экспериментальные площадки новой негосударственной Образовательной Академии...

Женя. Артём?

Андрей. Да.

Женя. Ну-ну.

Голос Стремиллова. ...Конечно не всё ещё получается. Латентные механизмы резистенции замкнутые на патерналистский менталитет этноса не релевантны перспективным задачам.

Женя. *(Ехидно)*. Во как надо мозги конопатить.

Андрей. *(Отмахивается)*. М-м.

Голос Тани. То есть учителя сопротивляются министерству.

Голос Стремиллова. Это так и это не совсем так. Но главное...

Голос Тани. *(Перебивает)*. Уважаемый Виктор Николаевич. Но учителя спрашивают про другое. Вот, например. *(Читает письмо)*. «Уважаемая программа «Школа для всех». Не удаётся добиться от местных властей, вы там поближе к министерству, донесите до него наше отчаяние. Школа разваливается, уже третий год ни сельская, ни районная администрация не выделяют ни копейки на её ремонт. Обходились как-то своими и ученическими силами, но обрушилась кровля...»

Голос Стремиллова. Адрес?

Голос Тани. Вот адрес. *(Вероятно показывает)*.

Голос Стремиллова. Завтра. Нет, послезавтра на месте будут мои люди, разберутся.

Голос Тани. Но про стены, кровлю, тепло не одно письмо.

Голос Стремиллова. Сколько?

Голос Тани. Только у нас двадцать шесть, а...

Голос Стремиллова. Разберёмся – это частности.

Голос Тани. А вот другое письмо. «Академики воруют».

Женя. Так...

Андрей. *(Весь во внимании)*. Не мешай

Голос Стремиллова. Академики?

Голос Тани. Да, это из автономии, из...

Голос Стремиллова. Знаю. Вчера выехала комиссия. От Академии – Новикова Ольга Анатольевна.

Женя. *(Приглушая телевизор)*. Ольга Анатольевна?

Андрей. Да. Дала согласие.

Женя. Но Стремиллов же с ней на ножах.

Андрей. Надо было кого-то из Академии. Лучше Новикова – она по-честному. Не Свистунова же...

Женя. А-а. *(Включает громкость)*.

Голос Тани. Виктор Николаевич в прессе неоднократно появлялись материалы о том, что министерство занимается коммерческой деятельностью: аренда, распределение фондов, участие в инвестициях... И всё это не по закону. Как вы прокомментируете эти незаконные действия вас и ваших заместителей?

Андрей. Что она делает! Договорились же это не трогать.

Голос Стремиллова. *(Напряжённо)*. Это наветы.

Голос Тани. А участие людей министерства и ваше в коммерческих проектах через третьих лиц?

Женя. Андрей, а это что?

Андрей. *(Зло)*. А у него там чёрт ногу сломит – где третьи лица, где первые, а где десятые.

Голос Стремиллова. Я проверю и мы поговорим об этом в следующий раз. А сейчас я должен поздравить вас, уважаемые коллеги, с Днём учителя. Успехов вам и *(пауза)* и успехов.

Голос Тани. Но... *(Играет музыка, завершающая передачу. Андрей Сергеевич выключает телевизор)*.

Звонит телефонный звонок. Женя берёт трубку, передаёт Андрею Сергеевичу. Тот смотрит вопросительно.

Женя. Стремиллов.

Голос Стремиллова. *(Раздражённо)*. Твоя что – совсем сбрендила? *(Андрей что-то хочет сказать. В этот момент на веранде появляется Таня)*.

Женя. Андрей, Таня! *(Андрей Сергеевич видит Таню)*.

Андрей. Виктор, она здесь. Позже. *(Бросает трубку, шипит на Таню)*. Ты что наделала! Совсем очумела. Ты же могла вырезать...

Таня. *(Глухо)*. Так лучше.

Андрей. *(Хватаясь за голову)*. Боже. Что натворила, что натворила. *(В лицо Тани)*. Это же последний камень. Всё. Лавина понеслась. Они ж только этого и ждали! С Стремилловым полный финиш. Псу под хвост. Теперь же на его место Колокольников и..! *(Хватается снова за голову, убегает)*.

Таня. (Жене). Но он же, он же (*показывает в сторону убежавшего Андрея*) честным учил быть, искренним ... учил. (*Рыдает. Женя обнимает её и уводит*).

Женя. Пойдём, пойдём, подружка. В редакцию съездим, выпьем, поплачем. А здесь нельзя. Сюда сейчас люди нагрянут. А нам тут делать нечего, нечего. (*Выключает свет. Закрывают дверь на веранду. Уходят обнявшись. Остаётся только, просвечивающий сквозь двери, свет низко висящего абажура*).

Появляются, несколько успокоившийся, Стремиллов и Никольский. Стремиллов пробует открыть дверь – та не открывается. Смотрит на часы.

Стремиллов. Не понял.

Никольский. Андрей Сергеевич должен был быть здесь?

Стремиллов. Да.

Никольский. И где же? (*Стремиллов пожимает плечами. В этот момент на веранду поднимается Андрей Сергеевич. Он пытается сдерживаться, но у него это не очень получается*).

Андрей. Здравствуйте, Аркадий Владимирович. (*Никольский кивает и жмёт руку Андрею. Стремиллов вяло машет рукой. Андрей роется в сумке, вынимает ключ, открывает, делает приглашающий жест. Начинает кашлять. Все входят в дом*).

Стремиллов. (*Реагирует на кашель. С подозрением*). Что это у вас?

Андрей. А, пустяки. Завтра к врачу иду. (*Снова кашляет*).

Никольский. Курите всякую дрянь.

Андрей. А-а. (*Показывает рукой на стол*).

Пока Стремиллов и Никольский устраиваются и вынимают какие-то бумаги, уходит на кухню. Возвращается с рюмками, вином, нарезкой и яблоками. По ходу дальнейшего действия каждый сам наливает себе вино и пьёт.

Андрей. Женя приготовила. (*Показывает на стол. Садится*).

Никольский. (*По деловому*). Итак, ещё раз. Предложения, только те, что там (*показывает вверх*) примут. И чтобы никаких серьёзных денег. Работаем на опережение.

Андрей. Но...

Стремиллов. (*Хмуро поясняет*). Командует парадом министерство финансов. Проходит только экономия.

Звенит телефонный звонок. Андрей Сергеевич берёт трубку. Стремиллов застывает в напряжённом ожидании.

Андрей. ...Сейчас её нет. Что передать. ...Ясно. (*Трубка возвращается на место. Стремиллов смотрит вопросительно*). Женю.

Стремиллов. (*В неопределённой интонации*). А-а.

Никольский. Начинаем.

Андрей. А как же его заявления (*показывает вверх*) о приоритете образования?

Стремиллов. Андрей, не строй дурочку.

Никольский. Заявления были и будут. (*Роется в бумагах*). Начинаем.

Стремиллов. (*Смотрит в бумажку*). Во-первых, единый экзамен.

Никольский. (*Удивлённо*). Что, что?

Стремиллов. Тесты в школе вместо приёмных в вуз.

Андрей. Американский вариант?

Стремиллов. И американский, и венесуэльский, и чёрт знает какой. Неважно. Экономия – платится один раз вместо двух.

Никольский. Проходит. (*Записывает что-то себе*).

Андрей. Но это же натаскивание. Три шага назад.

Стремиллов. (*Раздражённо*). Проходит. (*Андрей Сергеевич смотрит в свои заготовки*).

Андрей. (*Напряжённо*). В старших классах – каждому индивидуальный учебный план.

Звенит телефон. Подходит Никольский.

Никольский. Да. ...Что передать? ...Ясно. (*Кладёт трубку. Стремиллову*). Результат в четырнадцать. (*Тот смотрит на часы, кивает*).

Стремиллов. Индивидуальное не проходит. Увеличение числа учебных групп – добавочное финансирование.

Никольский. Погоди, погоди. Это же сверх основы – пусть платят.

Андрей. Кто?

Стремиллов. Родители. Надо – заплатят. А к единому – точно надо.

Андрей. Но те, кому нечем...

Стремилов. Это частности. Придумаем что-нибудь – какие-нибудь фонды или что там бывает.

Никольский. Проходит. *(Записывает)*. Но слово индивидуальное надо убрать – пугает.

Андрей. Ну, пусть профиль, профильные классы. Углублёнка, наконец.

Никольский. Годится. Физику понравится.

Андрей. Какому ещё физику.

Стремилов. Куратор в Администрации – физик.

Андрей. А-а...

Телефонный звонок. Подходит Стремилов.

Стремилов. Да. ...Я. ...Поровну. ...Всё. Жду. *(Опускает трубку)*.

Андрей. Что?

Стремилов. *(Оглядываясь на Никольского, хмуро)*. Паршиво. *(Пауза)*. Поехали дальше.

Никольский. Надо что-то для вуза предложить.

Стремилов. Платить.

Андрей. Да вы что? Зубной врач с купленным аттестатом – такое привидеться только в кошмарном сне

Стремилов. Нет, не так. Нужно тоньше. Кто набрал на едином экзамене много – не платит. Меньше набрал – плати. Ещё меньше – платишь больше.

Никольский. И двухуровневость. Три-четыре года поучился – хватит. На пятом-шестом ...

Андрей. *(Подхватывая)*. ...Магистратура, магистры.

Никольский. Да, но переход только с высшим баллам.

Стремилов. Годится: сумма всех часов сокращается, преподаватели – тоже.

Никольский. Это понравится.

Андрей. *(Ворчит)*. На беленьких-чёрненьких делим. Селекцию устраиваем.

Стремилов. Где нет денег – отбор, селекция неизбежны. По-другому не может быть.

Андрей. Не может?

Никольский. *(Не обращая внимание на реплику Андрея Сергеевича)*. Нужно ещё что-то идеологическое.

Андрей. Но идеологии нет!

Стремилов. Есть – нет, Нужно.

Никольский. Патриотизм.

Стремилов. Ну, это, Аркадий Владимирович, вы загнули. Понабегут оборонцы, напишут ура-патриотическую программу: все под ружьё – с игрушечными автоматами Родину защищать. Да ещё денег потребуют.

Андрей. Может в этом что-то и есть. Только слово «идеология» – не нужно. Патриотизм он – патриотизм. Если не дать воякам кость – всё отберут и съедят.

Стремилов. С милитаризацией играть нельзя.

Никольский. Ну что вы, Виктор, так всерьёз. Циркуляция дела не в этом. Программа – это бумага, кто её читает. Зато какой тактический ход.

Стремилов. Давайте-ка затормозимся – посмотрим что на выходе. Аркадий, суммируйте.

Никольский. (*Читает по своему листку.*) Экономия: единый экзамен, деньги родителей на профиль, вуз – дифференцированная плата. С идеологией – понятно.

Стремилов. Мало.

Андрей. Паршиво всё это. Всё поменялось: мысль на натаскивание, человека на дубовый профиль, солидарность, чёрт побери, на отчуждение.

Стремилов. Тактика, Андрей, тактика. В политике как на войне: без тактических проигрышей нет стратегических побед.

Андрей. Как же, как же – проходили: один шаг назад, два шага вперёд.

Стремилов. (*Хмуро.*) Там наоборот.

Андрей. (*С иронией.*) Да?

Никольский. Андрей, кстати, под это дело нужен манифест, манифестик. За три дня – успеете?

Андрей. (*Устало, иронически.*) Манифестик? Отчего же не сделать манифестик. (*Смотрит на часы.*) Вот сейчас Артём придёт – и сделаем. Он у нас на такие дела мастак.

Никольский. (*Не обращая внимания на иронию Андрея Сергеевича.*) Ну, и хорошо.

Стремилов. Аркадий Владимирович, под манифест нужны подписи... «Классик»? (*Смотрит вопросительно.*)

Никольский. Попробую. Но...

Стремилов. Подпишет, подпишет. На Кипр пригласили, лабораторию оставили, ставок добавили. Согласится.

Андрей. *(Медленно)*. Вопрос.

Телефонный звонок. Трубку берёт Стремилов.

Стремилов. Ясно. Буду через час. *(Опускает трубку. Трогает карман. Смотрит на часы)*. Пока всё – мне в прокуратуру.

Андрей Сергеевич смотрит настороженно на Стремилова. Никольский то же начинает собираться.

Никольский. Я, пожалуй, то же. Пора. Виктор Николаевич, я сегодня без Кости – возьмёте?

Стремилов. *(Собирая дипломат)*. Поехали. *(С порога оборачивается к Андрею Сергеевичу)*. Андрей, так манифестик.

Андрей Сергеевич кивает. Стремилов и Никольский прощаются с ним и уходят. Андрей бьёт кулаком по столу, ходит по комнате, бормочет «Ви шел оверкам...» Всё преодолеем, всё преодолеем... Берёт бутылку, пьёт из горлышка. Начинает снова кашлять.

На веранде, с дипломатом в руках, появляется Тёма.

Тёма. Андрей Сергеевич, здравствуйте. *(Оглядывается)*. А где Виктор Николаевич? Мне в министерстве сказали, что он здесь.

Андрей. Уехал. Будешь? *(Наливает рюмку. Тёма пьёт, со знанием дела рассматривает бутылку, ставит её на стол)*.

Тёма. Что?

Андрей. *(Резко)*. Артём, ты мне нужен. Посмотри. *(Передаёт ему листок оставленный Никольским)*.

Тёма. *(Читает. Свистит с удивлением)*. Это же Никольский – его почерк.

Андрей. Нет, не Никольский, но почерк – да, его. Это программа спасения. Только что были Мэтр и Стремилов. Вот мы и набросали. *(Пауза)*. Плохо дело, Тёма. *(Пауза)*.

Тёма. Знаю. *(Пауза)*. Вчера в Администрацию ушла бумага. Ружеvского.

Андрей. Вот-вот. *(Резко)*. Опаздываем.

Тёма. *(Смотрит в листок)*. Но почему откат? Дальше, дальше надо.

Андрей. Деньги. Денег не будет. Задача – удержаться командой. Всё!

Тёма. *(Медленно).* Ясно. *(Пауза. Оживляясь).* Мне что делать?

Андрей. Пишем манифест под это дерьмо. *(Кивает на листок).* Как всегда: ты «рыбу» на первую часть, я – на вторую. *(Хлопает по лбу).* Женя! Женя где?

Тёма. Сейчас. *(Набирает телефонный номер).* Евгения Александровна? – Здравствуйте. Это Тёма. *(Андрей Сергеевич вырывает трубку).*

Андрей. Женя, голубушка, срочное, сверхсрочное деяние. Ты в редакции? ... Можешь выехать? ... Прямо сейчас. ... Да, да – мы у тебя. *(С облегчённым вздохом опускает трубку).* Ну что же, начинаем. *(Показывает на стол).*

Тёма и Андрей Сергеевич садятся напротив друг друга. Тёма вытаскивает из дипломата белую финскую бумагу и изящный «паркер». Андрей Сергеевич роется в своей журналистской сумке, вытаскивает какие-то черновики.

Тёма. Андрей Сергеевич, вот. *(Пододвигает чистые листы бумаги).*

Андрей. А-а, неважно. *(Но бумагу берёт).*

Тёма. Название?

Андрей. Да.

Далее каждый не только говорит, но и что-то записывая, перебрасывает листочки другому, который что-то на них чёркает и перебрасывает назад.

Тёма. Ну, например, так *(на секунду задумывается)* – «Отступление на приготовленные позиции».

Андрей. Х-м. «Отступление для наступления». *(Морщится).*

Тёма. «Шаг назад, что бы идти вперёд».

Андрей. «Укрепление».

Тёма. «Обходной манёвр».

Андрей. Нет, не годится всё это. Плохо. Нужна наступательность. И покороче.

Тёма. «Мир с государством».

Андрей. *(Мрачно).* Да, уж...

Тёма. «Реформа два».

Андрей. От реформ устали. Заболтали. Что-нибудь этакое про современный момент.

Тёма. «Модернизация».

Андрей. Модернизация? (*Пробует как бы на вкус*). Модернизация. Почти акция. Что-то в этом есть. Пусть пока так. Поехали.

Некоторое время пишут молча каждый в своём углу. Тёма складывает листочки страница к странице, Андрей Сергеевич разбрасывает по всему столу.

Тёма. (*Продолжая писать*). А как у Виктора дела?

Андрей. (*Углублённый в писание*). А что у Виктора? (*Пауза*).

Тёма. С прокуратурой.

Андрей. (*На секунду, поднимая голову*). Не-важ-но. Совсем неважно. Дело передают в суд.

Некоторое время продолжают молча писать.

Тёма. А Никольский?

Андрей. Выкрутится.

Пишут, передают листки друг другу. Редактируют, перебрасываются репликами про текст.

Тёма. Вместо «социальная справедливость» — «дать возможности». (*Смотрит вопросительно*).

Андрей. Согласен.

Пишут.

Тёма. К патриотизму нужен эпитет.

Андрей. Сейчас. (*Поднимает голову*). Российский... новый... современный. Современный.

Тёма. Годится.

Правят и перебрасываются листами.

Андрей. Я у тебя эпитеты почеркал.

Тёма. У-гу. (*Поднимает взгляд от бумаги, улыбается*). Есть шеф! (*Оба грустно смеются – вероятно, что-то вспомнили*).

Андрей. (*Складывая стопкой листы*). Пока – всё. Остальное – в гранках.

Входит Женя.

Женя. *(Бодро).* Задание, шеф? *(Андрей Сергеевич и Тёма улыбаются).*

Андрей. *(Переходя на деловой тон.)* Мы тут кое-что набросали. *(Показывает на бумаги).* Набирать, править и послезавтра в номер.

Женя. *(Берёт листы, с удивлением).* Манифест? Зачем? С предыдущего же года нет – и никаких подвижек.

Тёма. *(Хмуро).* Подвижки есть – ещё какие.

Женя. *(Просматривает текст с нарастающим удивлением).* Андрей, что это?

Андрей. Тактика.

Женя. Какая ещё нафик тактика! Манифест всю жизнь был стратегией! – Люди же читать будут...

Андрей. *(Раздражённо).* Люди всегда будут читать. Наше дело – что бы поверили. Это честно.

Женя. Андрей, во что поверили? Здесь же всё вокруг денег. *(Машет листами).* В деньги поверили?

Тёма. *(Мрачно).* Деньги – это выбор.

Женя. *(Оборачиваясь к Тёме).* Ты ещё скажи, что деньги это свобода.

Тёма. *(Напористо).* Да, скажу. Деньги – возможность свободы. Нет денег – не может быть и свободы.

Женя. *(С сарказмом).* Артём, ты что ? Счастье найдено – оно зелёного качества. Так, да?

Тёма. *(Всерьёз).* Ну, может быть ещё здоровье. Деньги, здоровье и свобода.

Женя. Но ради чего свобода, ради чего здоровье?

Тёма. *(Серьёзно).* Ради свободы и здоровья.

Андрей. Женя, ну это этап. Этап, – тактика. Всё, всё будет. И любовь. И дружелюбность. И дело. Но пока, но пока...

Женя. *(Мрачно).* Марсоходов говорит: «Будем красить синим-синим, пока не покраснеет».

Андрей. Может быть и так.

Женя. *(Резко).* Андрей, так – не покраснеет. Никогда...

Тёма. Синий – тоже неплохой цвет.

Женя. Никогда не покраснеет – физика не разрешит.

Андрей. Но есть ещё надежда...

Женя. *(Горько).* ...И за ценой не постоим.

Андрей. *(Жёстко).* Да, да, не постоим. Потому что....

Женя. (*Перебивая*). Если атланты уходят в охранники...

Тёма. Что?

Женя. ...то наступает время БОБиков.

Андрей. Как, как?

Женя. Банкиров, Охранников и Бандитов – БОБиков. (*Хмуро, сникая*). Дарька принесла.

Андрей. Да, пусть так, пусть бобики. Но желать надо всегда хорошего. Только тогда может выстоим.

Женя. (*Бормочет*). А делать как всегда...

Андрей. Что?

Тёма. (*Хмуро*). Из вчерашней «Литературки».

Андрей. (*Смотрит на часы*). На этом философский семинар считаю закрытым. Женя забирай и в редакцию. Позже приеду – вычитаю.

Женя. (*Пихая листы в пакет, зло*). Шарик улетел...

Андрей. Артём, пойдём водки выпьем.

Тёма. (*Устало*). Как скажете, шеф.

Тёма и Андрей Сергеевич собирают дипломат и сумку, прощаются с Женей, уходят. Женя выключает свет, выходит на веранду, запирает дверь. Горит неярко только фонарь на веранде.

Появляется Марсоходов. Дёргает дверь, стучится.

Марсоходов. Евгения Александровна!

Никто не отзывается. В задумчивости садится на ступеньки веранды, вытаскивает бутылку «классической» поллитровки, внимательно её разглядывает. Появляется Стремиллов: в руках дипломат, настроение нехорошее.

Марсоходов. (*Не вставая*). Здравствуйте, Виктор Николаевич. (*Вертит бутылку*).

Стремиллов. (*Садится рядом*). Здравствуйте, Марсоходов. (*Пауза*). Нет никого? (*Кивает на дом*).

Марсоходов. Нету. (*Пауза*). Жизнь плоха, Виктор Николаевич?

Стремиллов. Плоха. (*Пауза*).

Марсоходов. (*Щёлкает по бутылке*). Примем?

Стремиллов. (*Махнув рукой*). Давай. (*Марсоходов показывает пальцами, мол, стаканчики*). Стремиллов отрицательно мотает

головой. Марсоходов отрывает зубами «бескозырку» и передаёт бутылку Стремилону).

Марсоходов. (Глядя на Стремилону). За что?

Стремилон. (Решительно). Без тостов. (Пьёт из горлышка, передаёт Марсоходову. Марсоходов то же пьёт. Стремилон открывает дипломат, вынимает бутерброды с красной икрой, вырывает лист, вероятно из какого-то отчёта, и располагает лист с бутербродами на ступеньке).

Марсоходов. (Отрывается от бутылки). Правильно пошла. (Отламывает кусочек бутерброда, закусывает. Стремилон бутерброд не берёт). А помните, Виктор Николаевич, рассвет, там, на северах. И небушко белое, с красной полосой. (Пауза). А потом чёрное и белое – как в кинематографе.

Стремилон. (Эхом). Чёрное...

Марсоходов. (Разглядывая бутылку). А потом как задренькает, засвистит, завоюет и посыпались матросики по расписанию. (Играет голосом). Пост шестнадцать готов... Пост двадцать три готов. (Пауза).

Стремилон. (Глухо). Учебная тревога...

Марсоходов. Да что там учебная. А, помнишь, америкашки, юнайдит стейтс, в квадрате оказались. Что тут началось... Да ты же там и переводил.

Стремилон. Да. Я. (Пауза). За это и дали. (Хлопает по карману).

Марсоходов. (Не обращая внимания на Стремилону). А потом, когда всплыли, такое море. Такое! Тишайшее, тишайшее. Никогда такого не видел. (Пауза). За море! (Поднимает бутылку. Стремилон пытается встать, но Марсоходов его удерживает. Марсоходов пьёт водку и передаёт бутылку Стремилону. Стремилон всё-таки приподнимается, пьёт, ставит бутылку на ступеньку и снова садиться. Марсоходов отламывает кусочек бутерброда, ест. Стремилон тоже берёт бутерброд, но не откусывает – возвращает на место. Марсоходов снова поднимает бутылку. Торжественно.). За Североморск. За Ведяево! (Пьёт и передаёт Стремилону). Хорошее было время, Виктор Николаевич? (Стремилон берёт бутылку, пьёт, ставит на веранду).

Стремилон. Да.

Марсоходов. А бабы какие были. Нинку, помните, радистку на четвёрке, в штабе, рыжую? А Любашу? Да у тебя ж там своя краля

была. *(Пауза)*. Все знали. Такая... *(Показывает, смотрит вопросительно)*.

Стремилов. *(Нехотя)*. Разбежались.

Марсоходов. И... *(Стремилов молчит)*. Всё равно они наши. Память не предаёт! *(Пьёт. Ставит на ступеньку)*. А ещё адмирал был. *(Пауза)*. Беришлёпов. *(Пауза)*. Заслужил фамилию, заслужил. *(Пауза)*. Всё тащил!

(Стремилов встаёт, смотрит в сад.)

Марсоходов. А ещё гуси... Серые такие... И на юга, на юга... *(Показывает куда-то рукой. Запеваёт с чувством)*. «Летят утки и два гуся...». *Стремилов берёт бутылку, допивает остаток, отдаёт пустую Марсоходову.*

Стремилов. *(Холодно, как из другого мира.)*. Всё.

Пошатываясь, уходит вглубь сада, держа руку в правом кармане. На веранде остаётся открытым дипломат. Марсоходов, полузакрыв глаза, продолжает петь «про два гуся».

Появляется Дарька.

Дарька. Авангард Васильевич! Вот это да! Во, надринькался. Пойдёмте-ка.

Пытается его поднять. Марсоходов мотает головой. Дарька оставляет свои попытки и идёт к дому – открывать дверь.

Слышится выстрел.

Дарька вздрагивает, бросается в сад, на выстрел. Возвращается растерянная.

Дарька. *(Медленно, в никуда)*. Виктор Николаевич застрелился.

Опускается на ступеньку рядом с Марсоходовым. Стук падающих последних яблок. На веранду вбегает чёрный кот и застывает посередине сцены. За забором слышны школьный звонок и тревожный гул перемены.

Сцена темнеет.

Эпилог

Вечер. Зима. Падает медленный снег. Освещена только столовая. Веранды не видно.

В столовой Андрей Сергеевич, полулёжа в кресле, и Женя. Андрей пытается встать, но начинает кашлять. Женя подаёт ему таблетку и воду.

Женя. Доктор велел ещё три дня не вставать, а то опять в лазарет. А вы?

Андрей. *(Слабым голосом, с остановками).* Знаешь, Женя. Сегодня мне брат приснился.

Женя. Андрей Сергеевич, а разве у вас есть брат?

Андрей. Был, был... Умер. Совсем мальчиком. Заболел и умер. *(Пауза).* Вскоре после войны. *(Пауза. Женя поправляет ему подушки под головой).* Приснился и говорит что-то мне – а что не слышу. *(Пауза).* Вот так... Женя, что он хотел мне сказать – а?

Входит Татьяна с сумками.

Андрей. Таня... Что с Антошкой?

Таня. *(Вынимая из сумки продукты).* Антошка – у мамы. *(Походит, целует Андрея).*

Андрей. А в Москве?...

Таня. А в Москве, что в Москве? *(Пауза).* Виктор Николаевич поправляется, с палочкой ходит. Суда не будет.

Женя. Не будет?

Таня. Сверху дали понять.

Андрей. А Никольский?

Таня. Никольский – в ауте.

Андрей. *(С придыханием).* А вместо – кто?

Таня. Кто, кто – ты же знаешь – академик Свистунов.

Женя. У попа была собака....

Таня. ...Был поп к собаке очень расположен...

Андрей. *(Слабым голосом).* ...и надпись написал...

Таня. Да.

Андрей. А Ольга Анатольевна?

Таня. Отдала лабораторию. Со Свистуновым – ругается.

Андрей. Так.

Женя. Как? У неё же там никого нет!

(Андрей с трудом изображает кого-то).

Женя. Ах, да, этот...

Явление третье. Появляется Дарька с конвертом в руках.

Дарька. От Марсоходова, из «Водолея». *(Распечатывает, улыбается).*

Андрей. *(С напряжением).* Откуда?

Таня. Это ты ещё не знаешь.

Дарька. Авангард Васильевич, теперь у нас строит на Алтае коммуны. «Новый мир». Имени Эпохи «Водолея». Через три года построит.

Андрей. Ну и ну.

Женя. Приезжал тут как-то.

Дарька. Вид (*показывает*) заросший. Бородатый – настоящий хиппарь.

Женя. А ведь это я мечтала когда-то. Вот закончим университеты...

Дарька. (*Подхватывает иронически*). ...И все вместе соберёмся в далёком зелёном городе...

Женя. (*Смеётся*). ...Где будет маленькая школа и маленький замечательный театр...

Таня. (*Подхватывает*). ...И маленькая прекрасная больница...

Женя. ...И большая синяя река.

(*Андрей Сергеевич улыбается*).

Дарька. Так что всё – договорились. Завтра все как один, утренней лошастью к Марсоходову в «водолеи» – так ведь Андрей Сергеевич?

Андрей. Хорошие вы мои. (*Смеётся, но начинает кашлять. Таня приподнимает его на подушках и подаёт питье. Сквозь утихающий кашель*). А Артём?

Дарька. Господин Артём опять-таки на Кипре. Бизнес-проект «Европейский дидактический театр», при поддержке академика Свистунова. Две тысячи долларов с простых смертных, десять процентов скидки для своих. У вас, Андрей Сергеевич, есть лишние одна тысяча восемьсот долларов – могу похлопотать.

Андрей. Кипр – это очень жарко. (*Стучит по груди*). Не выдержу.

Дарька. (*Смутившись*). Так жарко – это летом, а сейчас – зима.

Таня. Да, сейчас зима. (*Пауза*). Женя, ты когда едешь?

Женя. Через две недели. Вот сегодня визу получила.

Таня. А там?

Женя. В Осло встретит Пётр и в тот же день на Шпицберген. (*Пауза*). Картошка там не растёт. (*Обнимает Дарьку, прижимает к себе*). Так что теперь здесь (*оглядывает дом*) за хозяйку Дарька.

Андрей. Вот как. (*Пауза. Тихо запекает*). «Антошка, Антошка, пойдём копать картошку...

Таня, Женя и Дарька. (*Подхватывают*). Тили – тили...

Андрей. Трали – вали...

Таня и Женя. Это мы не проходили, это нам не задавали.

Андрей. Турум-тюм, тюм, турум-тюм,тюм... *(Кашляет)*.

Свет в доме постепенно гаснет и на край сцены выходит с гитарой Дарька. Она как бы перебивает песню про Антошку, которая ещё слышится из темноты, но потом исчезает.

Дарька. *(Грустно, вполголоса, но напряжённо)*.

«Когда ж придёт делёжки час
Не нас калач ржаной поманит
И рай настанет не для нас,
Зато Офелия всех нас помянет.
Когда же грянула пора
В путь собираться понемногу...
Среди совсем иных миров
И слишком ненадёжных истин,
Не дожидаясь похвалы,
Мы перья белые свои почистим.
Когда же грянула пора
В путь собираться понемногу
В путь собираться понемногу
В путь со...»

Из темноты появляются все герои пьесы. Некоторые тихонечко подпевают, другие – молчат.

Занавес.

2.

ШКОЛА ВРЕМЁН ГАЙДАРА **Правдивая история в трёх частях**

Действующие лица.

Педагоги:

Иван Сергеевич Клявин – 60 лет, директор школы.

Виктор Иосифович Рейзис – 61 год, первый завуч.

Нинель Николаевна – 45 лет, второй завуч.

Вячеслав Андреевич (Славик) – 28 лет, учитель физики, организатор внеклассной работы.

Екатерина Ивановна (Катерина) – учитель английского языка, дочь директора, 27 лет.

Маргарита Фёдоровна – учитель истории, председатель профкома, 40 лет.

Татьяна Викторовна (Тиви) – 40 лет, учитель литературы.

Другие учителя.

Родительский комитет:

Батюшка.

Председатель.

Коммерсанта – экстрасенс.

Одиннадцатиклассники:

Митяй и Алекс (внештатные сотрудники молодежной газеты).

Ирка.

Сократ.

Дева.

Кришнаиты – двое.

Восьмиклассники (юные кооператоры):

Олег.

Юрок.

Радик.

Восьмиклассницы (каратистки):

Беленькая девочка.

Чёрненькая девочка.

Пятиклассник Бяша.

Другие школьники.

Сотрудники гороно:

Эдуард Тимурович Гайваронский – заведующий гороно.

Опытный.
Молодой.
Журналист из Москвы.
Юрий Львович Афанасьев.

Действие происходит в областном городе Волжске в середине девяностых годов.

Пролог

Полутёмная сцена. В центре угадывается выгородка какого-то кабинета. Тишина.

Громко и требовательно звенит телефонный звонок. Молчание.

Звонок звенит второй раз. Хлопает дверь. Б кабинет кто-то вбегает. Щёлкает выключатель. Загорается зелёная настольная лампа.. Телефон – замолкает. Вбежавший человек – женщина. Её зовут Нинель Николаевна. Она – завуч школы.

Нинель Николаевна растерянно смотрит на два аппарата на столе, не решаясь за какой братьяся. Но тут раздаётся третий звонок, и Нинель хватается трубку.

Нинель Николаевна. (*Высоким голосом*). Первая слушает... Нет, это не школа (*бросает трубку*). Сами не знают куда звонят – не могут школу от гимназии отличить (*набирает номер на другом аппарате*)... Людка?... Ты не звонила? ... Сейчас... Нет?... Ну что у тебя там?... Финтиклёши ... Прямо в магазин? ... Ни фига себе! ... А ты? ... Ух, ты – всего пять процентов! ... А он? ... Ну, даёшь! (*Звонит первый аппарат. Нинель вздрагивает, хватается трубку. Говорит, продолжая слушать «магазинную линию»*) ... Магазин слушает... Тьфу ты... Гимназия это... Гимназия, говорю, слушает... Да, номер один... Да... Я кто? ... А ты кто такой? ... (*растерянно*). Москва? (*меняет тон*). Ах, извините, извините. Ученики тут, понимаете, замучили. Хулиганят, страх! (*в «магазинную» трубку скороговоркой*). Людка, тут такое дело, из Москвы, говорю, потом договорим... Потом... (*опускает трубку, продолжает говорить с Москвой*)... Ах, простите, это я не вам... Слушаю... Да, слушаю... А как же! ... Да, да, записываю (*не пишет*). Перемена? Какая перемена? ... Ах, журнал такой... Понимаю... Ах, донимаю... А как же! ... Да, да... Поздравляете? А с чем поздравляете? ... Сорос? Понимаю... Грант? ... Да, да, записываю, записываю (*лихорадочно ищет бумагу, ручку, начинает и вправду писать*) ... Как? Как? ... По буквам, пожалуйста.

(пишет) Сеня... Оглобля... Ра-дикюль... Офеня... Сани... Почему сани? ... Ах, Саня *(растерянно)*. Да, получилось... Со-рос. Поняла, всё, всё, поняла *(торопясь)*. Скажите, а Сорос – это какая организация, как расшифровывается? *(удивлённо)* Не организация? ... Фамилия... Да, передам... Обязательно передам... И директору... И. дальше передам... А как же, всё передам... Сам Юрий Львович? К нам? ... Ах, вы ещё не знаете... Понимаю... Понимаю... Дело такое... Да... Да... Ага... У-гу... Понимаю... *(Кладёт трубку, ошарашено оглядывается и хватается трубку другого аппарата. Сцена начинает медленно вращаться, одновременно нарастает свет).*

Рекреация обычной школы большого провинциального города. Довольно чисто. Стены приятного голубого цвета. В рекреацию выходят двери с крупными, видимыми надписями «Кабинет истории», «Музей Гайдара», «Учительская», «Кабинет физики». За дверьми лёгкий шум – идут уроки. На стене между кабинетом истории и музеем Гайдара стенд. Не стенде традиционная, в профиль, фигура Ленина с протянутой вверх рукой. Заголовок стенда «Вперёд, к победе коммунизма». Стенд – не новый. Он загорожен большой пальмой в кадке, однако надпись хорошо прочитывается. Над сценой большое полотнище с надписью «Школа имени Гайдара».

На авансцене расположились напротив друг друга одиннадцатиклассники Митяй и Алекс – внештатные сотрудники городской молодёжной газеты. Они энергично строчат что-то в блокноты. На полу кассетник, из которого слышится негромко отечественный рок. Может быть это «Революция» Шевчука».

Митяй – высок, черноволос, чуть мрачен. Алекс – русский, высокий, общительный.

Алекс. ... дальше ...

Митяй. А «рыбу», между прочим, сдать сегодня...

Алекс. *(Подхватывая)* ... И до трёх! Причём самому Ашоту.

Митяй. А ещё и заголовки...

Алекс. ... Не-ото-браны *(захлопывает свой блокнот)*.

Митяй. Поехали...

Оба встают, передают друг другу блокноты, отходят на край сцены и, перебивая; друг друга, читают из блокнотов заголовки, при этом кого-то изображая, может быть самого главреда Ашота.

Реплики:

– Инсайт Егора Квакина

- Ха! Пойдёт.
- Хасбулат Гайдарович.
- Не-е...
- Директор седогривый наш.
- Годится.
- Да здравствует роковая революция.
- Повидло.
- И в ночь уходит дочь.
- Забито.

Алекс. Перемен требуют наши сердца.

Митяй. (*Глядя на часы*) Будут!

Как бы в ответ звенит требовательный школьный звонок. Врубается бодрая школьная песенка. Распахиваются двери кабинетов и в рекреацию влетают школьные люди: ученики и учителя – народ пёстрый и разный. «Народ» стремительно перемещается по школьному пространству, образуя завихрения, водовороты, рассыпающиеся и вновь объединяющиеся группки и сообщества. Кого здесь только нет! Школьницы в джинсах, лосинах, рюкзачках, школьных фартучках, футболках с иностранными надписями. Пацаны – в свитерах, рубашках-балахонах, джинсовках, школьной форме, маечках с изображением металлических групп... Учителя: молодые и пожилые, мужчины и женщины – в правильных педагогических костюмах и «неправильных», модных одеждах.

Митяй и Алекс исчезают в школьном водовороте...

На авансцене, сменяя друг друга, появляются «школьные достопримечательности». Вот две восьмиклассницы: беленькая и чёрненькая, демонстрируют друг другу приемы кёкусинкайя, выкрикивая «И-е!». Парочка кришнаитов скандируют «Харе Кришна. Харе Кришна. Кришна. Кришна. Харе Харе... Пятиклассник Бяша вытаскивает из рюкзака большой калькулятор, что-то там нажимает, шепчет, смотрит, разочарованно вздыхает, стучит калькулятором по колену, снова смотрит на машинку, машет рукой, бормочет: «Дубина!», засовывает его в рюкзак.

Сцена медленно поворачивается и перед зрителем появляется последовательно кабинет истории, учительская, кабинет директора. Мы видим почти всех действующих лиц. В кабинете истории собирается родительский комитет, в учительской толпятся учителя, в уже знакомом нам кабинете директора Нинель Николаевна продолжает говорить по телефону. Неизменна только бодрая школьная песенка.

Сцена продолжает вращаться и мы снова в рекреации. Музыка становится тише. На авансцене восьмиклассники: Юрок, Олег и Радик.

Олег. (*Обращаясь к Радик*), Ну, что, звонил деду?

Радик. (*Кивает*). Дед у меня, ого-го, с понятием. Младая – грит смена, незнакомая.

Юрок. Предкам не разболтает?

Радик. Не-е. Он с ними разругался. Коммуняками обозвал.

Юрок. Пацаны! А давайте не поедем – а? Кооператив здесь сбачаем. Бутылки от фанты соберём и загоним. Вон Федька, из десятого, за день триста рэ заколачивает.

Олег. (*Презрительно*). Фанты... Скажи уж, папочку-мамочку забоялся.

Юрок. Да я, что, я – как все...

Олег. Сговорились же. Закупаем сникерс и в деревню. Настоящую лавку откроем!

Радик. У деда, в деревне, если хочешь знать, тыща знакомых.

Юрок. Ну и врешь.

Радик. Ну не тысяча, так сто. Помножь сто на сникерс... А!?

Олег. Хватит трепаться. Слушай команду. В восемь тринадцать на вокзале под часами (*протягивает руку, Юрок и Радик тянут навстречу свои руки*).

Все вместе. (*Шёпотом*). Бороться и искать. Найти и не сдаваться. Кооператив «Синие ночи» живёт и побеждает!

**

Сцена продолжает медленно вращаться. Теперь на авансцене Дева. Около нее несколько девиц, в том числе восьмиклассницы-каратистки.

Дева. А он мне говорит: «Я на тебя упал герла».

Беленькая восьмиклассница. А на каком языке?

Дева. На каком, на каком? В Турции же – на турецком!

Чёрненькая. А ты?

Дева. А я... Не, мы девочки скромные...

Школьницы. Хи-хи.

Дева. За десять штук не меньше.

Беленькая. Штука – это тысяча рублей?

Чёрненькая. Дура! Баксов!

Дева. В общем сговорились – пять – до, пять – после. Дал он мне пять. А я шуры-муры, переоденусь, мол, а сама другим ходом и ол-ле-ле...

Школьницы. (*Разочарованно*), А-а...

Дева. Что я, идиотка? – У него может спид.

Сцена поворачивается дальше. На переднем плане Бяша и Сократ. У Сократа старенькая гитара.

Сократ. *(Перебирая струны).* Вот так, Бяша. Философы до сих пор объясняли мир. Наша задача – оставить его в покое. Верно?

Бяша. *(Энергично кивает).* Точно,

Сократ. И тогда *(тихонько напевает)*... «тебя там встретят огнегривый лев и синий волк исполненный очей; с ними золотой орёл небесный... *(увидев приближающихся, о чем-то спорящих Вячеслава Андреевича и Екатерину Ивановну, бьёт громко по струнам и выкрикивает)*... Андеграунд! *(Вячеслав Андреевич, не оборачиваясь, показывает ему на пальцах викторию и вместе с Екатериной Ивановной скрывается в учительской).*

Сцена поворачивается. Мы видим снова кабинет директора и Нинель Николаевну с телефонной трубкой.

Нинель Николаевна. *(Вероятно только что дозвонилась)* ...Викторина?... Твой на месте? ... Нету? – Ну, вот... А нам Сороса дали. Сороса, говорю ... *(тараторит)*. Прямо из Москвы, только что звонили, из «Перемены», сам Юрий Львович едет... Кто-кто, ну ты даешь! Новатор, прораб перестройки. Ну, который по телику с лампой выступает.. Про что? ... Как про что? ... Про всё! ... Вспомнила?... Ну вот так Поняла?... Точно... Точно... А как же... Точно... Во!... Жду *(опускает трубку и хватает другую)*.

Новый поворот сцены. Теперь мы в Учительской, Педагоги заняты делом: причёсываются, жуют пирожки, проверяют тетради, пьют таблетки, разглядывают кофточку. В кресле, закрывшись газетой с портретом Ельцина, попыхивает трубочкой грузный мужчина семитского вида. Вячеслав Андреевич и Екатерина Ивановна то же как бы в учительской, но всё же на шаг в стороне от всех.

Вячеслав Андреевич. *(В зал).* Знакомьтесь, Маргарита Фёдоровна. Наш Лех Валенса *(показывает на Маргариту Фёдоровну, обходящую учителей с листочком в руках – верно собирает на что-то деньги. Дойдя до Вячеслава Андреевича, машет рукой залу).*

Катерина. Марго преподаёт историю – посему у Фёдоровны, ох, тяжелые времена.

Вячеслав Андреевич. А это Татьяна Викторовна, в народе – Тиви (*показывает на учительницу, что-то энергично черкающую в новеньком голубом «Новом мире». Когда до неё доходит Маргарита Фёдоровна, Тиви, не отрываясь от журнала, вытаскивает кошелёк и Фёдоровна привычным движением вытаскивает из него энную сумму*).

Катерина. Тиви – натура романтическая, бойкая, со сложной личной жизнью. Короче говоря, (*крутит у виска*) с приветом.

Вячеслав Андреевич. (*Поворачиваясь к мужчине в кресле*). Рейзис Виктор Иосифович. Когда-то таинственный кагэбэшник, но уже лет пятнадцать наш, вполне земной завуч. Рейзис складывает газету, кивает и вынимает трубку изо рта.

Катерина. Знает всё, про всех, всегда. В молодые годы заклятый враг Ивана Клявина, вожак всей куликовской шпаны – так сказать Квакин местного разлива.

Рейзис подходит к Екатерине Ивановне и поправляет у неё шарфик на шее. В дверь заглядывает Нинель Николаевна.

Вячеслав Андреевич. А вот и Нинель. Она же Николаевна. Завуч номер два! (*Нинель Николаевна, не найдя, видно, кого ей надо, машет Славику рукой и скрывается за дверью*).

Катерина. (*Зло*). Стерва и дура.

Вячеслав Андреевич. Может да, а может – притворяется. Однако Ивана нашего охмурила в доску (*смотрит на часы*). Кстати, а где же он. Пора быть-с.

Громко хлопает дверь. В учительскую входит директор школы Иван Сергеевич Клявин. Он плотен, сед, держится с великолепным достоинством. Движения ясные и решительные.

Вячеслав Андреевич. А вот и он. Мэтр. Отец родной. Шеф. Пережил в этой школе четырёх генсеков и шесть завгороно. Выгонял меня из школы дважды; в девятом – за длинные волосы, в десятом – за короткие и анекдот про Вовочку.

Все оборачиваются к Ивану. Клявин стучит по часам, показывает на Маргариту Фёдоровну и выходит. Фёдоровна кивает, идёт за ним, на ходу чего-то доотмечая в листочке.

Катерина. Да, папаша орёл. Только в женщинах ни фи́га не сечёт. Мать – не ценил. А уж в Нинку втрескался – это вообще отпад. Кстати, директору Клявину на днях шестьдесят. Вот так. Юбилей! Ожидается гранд пати.

Вячеслав Андреевич оказывается в центре Учительской. Все учителя, кроме Рейзиса, окружают Славика и что-то ему втолковывают.

Катерина. *(Показывая на Вячеслава Андреевича).* А это Славик. Наш организатор. Несостоявшийся Гребенщиков. Хороший парнишка, только никакого финиша. Музыкальная карьера – трам-та ра-рам, в коммерции – облом, с бабами – тоже так – в подвешенном состоянии *(язвительно)* – перемен просят его сердца.

Екатерина Ивановна оказывается в учительской, в компании, которая рассматривает кофточку. Вячеслав Андреевич делает шаг в сторону.

Вячеслав Андреевич. *(Показывает)* Презентую, Екатерина Ивановна Клявина. Английский. Читает и спикает, ну, совершенно без словаря и, заметьте, с оксфордским произношением – чем сильно раздражает школьную мелкоту. Катерина – это класс: во всем.. А класс надо ценить. Увы – мелкота не ценит.

Вячеслава Андреевича перебивает звонок. Учителя хватают тетради, журналы, книги и почти бегом, договаривая друг другу что-то на ходу, покидают учительскую. Последним уходит степенный Рейзис.

Сцена медленно поворачивается. Снова кабинет директора и Нинель Николаевна на телефоне.

Нинель Николаевна. Людмила? Как нету?... Это ты Розка? Ну-ка быстро ищи, скажи – мать зовёт. Срочно!... Идёт? ... Давай... Людка, слушай и не перебивай. Готовь всё самое, самое, всю фирму. И завтра, нет, послезавтра, на колёса и к нам. Оторвут в два счета. Из Москвы приезжают сам Афанасьев. Тот самый. А ты откуда знаешь? Да, не артист он, не артист. Журналист такой кудрявый, с лампой выступает, в общем, прораб. Так что – нога здесь, нога там. И чтобы сама в соответствующем прикиде. Во-во. *(Кладёт трубку замирает. В дверь заглядывает Бяша).*

Бяша. Нинель Николаевна, а у нас урок будет. Мы вас ждём, ждём. Может быть мы домой пойдём?

Нинель хватается за голову, смотрит на часы, берёт со стола первые попавшиеся тетрадки.

Нинель Николаевна. Я тебе дам – домой. Я тебе дам – пойдём. Ну-ка живо. Пошли контрольную делать. Совсем развинтился ты, Башкатов, домой, видите ли, захотелось. Домой всем хочется.

Выходит из кабинета. Сцена начинает поворачиваться.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РЕПЕТИЦИИ

Кабинет завуча. Рейзис чертит какие-то графики. Трубка лежит на столе, в курительнице. Осторожно входит Маргарита Фёдоровна с красной папкой с надписью «Юбилей».

Рейзис. *(Не поднимая головы).* Ну что?

Маргарита Фёдоровна. *(Живо).* Одобрил... А за подробностями к вам отправил.

Рейзис. *(Отрывается от черчения).* Настроение?

Маргарита Фёдоровна. Песни поёт.

Рейзис. *(Берёт в зубы трубку).* Какую?

Маргарита Фёдоровна. «Первым делом самолёты, ну а девочки потом»

Рейзис. Вдохновляется значит. Ну, ладно. Давай смотреть.

Маргарита Фёдоровна. *(Открывает папку и торжественно читает).* План юбилея. Часть первая... Чествование.

Рейзис. Так...

Маргарита Фёдоровна. *(Торжественно).* Пункт первый. Рассказ биографии.

Рейзис. Биография готова?

Маргарита Фёдоровна. А как же! Из личного дела.

Рейзис. Давай *(берёт в руки лист, надевает очки, вслух читает и комментирует).* Иван Сергеевич Клявин, 1932. Х-м. Верно. Волжск, улица Куликова, 7. Ну-ну. Окончил школу с серебряной медалью. Серебро? А я то считал, что у Ивана золото *(помечает что-то на бумаге).* Служил в Бауцене шифровальщиком.

Маргарита Фёдоровна. (*Удивлённо смотрит и тянется за листком*).

Рейзис. (*Досадливо*). Да нет этого здесь. Это я уж так, добавляю. Окончил физмат в пятьдесят восьмом. Ну какой там физ, сплошной тебе мат...

Маргарита Фёдоровна. (*Громко*) Виктор Иосифович!

Рейзис. Чего, Виктор Иосифович. Сама что ли не знаешь. Физ же стал потом с шестидесятого, а до этого матфак (*читает дальше*). Женат (*вынимает трубку, смотрит с удивлением*). Ты что, рехнулась, милочка? Тамара-то, королевство ей небесное, уж три года как скончалась.

Маргарита Фёдоровна. Ах, что это я. Это я ж с личного дела списала. Вот уж не сообразила. Вот уж недосмотрела (*тянется к листу*).

Рейзис. (*Зачёркивает и читает дальше*). Директор школы №1 с 1963. Вот те на, оказывается и ещё один юбилей грядёт. Тридцать. Тридцать лет Иван на директорстве. Это что ж, когда меня брал, значит, уже 12 лет начальствовал. Ого-го! Пожалуй, никто столько не продержался (*читает дальше*). Заслуженный учитель, заслуженный деятель образования. Так, всё верно. С «заслуженным» та еще история была. Впрочем, ты знаешь.

Маргарита Фёдоровна. Да.

Рейзис. (*Не слушая*). Вот-вот присвоить должны, а Иван шабашникам за теплицы из пионерских денег заплатил. Ух! Чуть отовсюду не попёрли. Ну, строгач, ясно дело, схлопотал. Кто уж где, а те далече (*откладывает лист, снимает очки*). А дальше-то что?

Маргарита Фёдоровна. (*Смотрит в план*). А дальше вы, Виктор Иосифович.

Рейзис. Я?

Маргарита Фёдоровна. Как раз вы, вы ж с Иван Сергеевичем с детства знакомы, учились вместе. Вот и будут... воспоминания.

Рейзис. Да, было дело. Еще на Куликовке друг другу физиономии чистили. Я там вроде Квакина был, а он само-собой Тимуром. Ладно, соглашаюсь. Пару историй из жития славного Ивана обеспечу.

Маргарита Фёдоровна. А потом, Славик, от бывших учеников.

Рейзис. Во! Это ты верно придумала. Ох, и попортил он в своё время крови Ивану. Это надо же на открытом уроке вопрос про партию задать.

Маргарита Фёдоровна. Про какую партию?

Рейзис. Одна у нас была тогда, милочка, одна. Забываем с. Замечательная история. Славку-то этого хиппи, из комсомола велют гнать, а он-то, фигти-мигти, оказался не комсомолец. И зацепиться не за что: и отличник тебе и олимпиец, лауреат. Как уж тогда пролетело. Фигти-мигти.

Маргарита Фёдоровна. А потом от родительского комитета.

Рейзис. От родительского? Ко мне пришлешь – кто там от них. Председатель что ли? А то тот раз, когда меня юбилеили, свитер прямо на сцену потащили, голубыми девками разрисованный. Тьфу ты, подарочек. Полная порнография. То ещё позорище было.

Маргарита Фёдоровна. Я предупредила, Виктор Иосифович. Будет приветственное письмо, а остальное потом.

Рейзис. Потом, это хорошо. Это можно (*сурово*). Но всё равно пришлешь. Ну-ка, дай-ка я дальше сам гляну (*Маргарита Фёдоровна передает папку. Рейзис снова надевает очки, бормочет*). От гороно, это понятно. Хор – это хорошо. Это Иван любит. Хор-то весь будет, на все восемьдесят?

Маргарита Фёдоровна. Да.

Рейзис. А эта, пигалица, с шестого «А», Аришка что ли? Запевает?

Маргарита Фёдоровна. Будет.

Рейзис. То-то и оно (*читает дальше*). Ответное слово юбиляра (*откладывает папку*), Слушай, Маргарита, а Иван не споёт? Удочку не закидывала?

Маргарита Фёдоровна. Закидывала.

Рейзис. И что?

Маргарита Фёдоровна. Как всегда: «Потом, потом».

Рейзис. Да, это уж точно по настроению, какая вожжа под хвост попадёт, туда и потянет. Что там ещё?

Маргарита Фёдоровна. Приглашённые, список.

Рейзис. Ну, это его дело. Не лезу. Кстати, этот, как его Корнеев, такой лысый и руки дрожат, есть?

Маргарита Фёдоровна. От профкома шефов? Есть.

Рейзис. Опять ведь напьётся, сволочь.

Маргарита Фёдоровна. А мы ему водички поставим.

Рейзис. Правильно.

В кабинет влетает Нинель Николаевна.

Нинель Николаевна. (*Заведённая*). ... Из Москвы... А я им: «нет ни школа мы, гимназия... А они «Сороса дали»... А я: Какого Сороса? А они по буквам: Сени, Оглобля, Радикюль, Офеня, Сани, Финтиклёши. И сам с лампой едет. Я к Ивану. А его нет.

Рейзис и Маргарита Федоровна ошарашено слушают.

Рейзис. (*Не выдерживая*). Нинель, твою мать, ну что трещишь какой офеня? Какой радикюль? Какие ещё, господи, финтиклёши? (*на пороге появляется Клявин*)

Клявин. Здесь я. Что ещё за базар.

Нинель Николаевна. Ах, Иван Сергеевич. Это я возбудилась... Сейчас (*делает вдох и переходит на деловой стиль*). Звонили из Москвы, из журнала «Перемена». Сообщают: Волжской гимназии номер один дали грант Сороса. К нам едет Юрий Львович Афанасьев, известный журналист и прораб перестройки (*переходит на скороговорку*). В районо я сообщила, в гороно, секретарю Эдуарда Тимуровича также, в обком партии сообщила, побежала к вам, а вас нет.

Клявин слушает недоверчиво.

Рейзис. (*Ворчливо*). Какой ещё обком?

Нинель Николаевна. Ах, это я по-старому, на площади, в администрации.

Клявин. (*Морщится*). Маргарита Фёдоровна, ну-ка набери Москву, ты знаешь.

Маргарита Фёдоровна набирает номер, передает трубку Клявину.

Клявин. (*В трубку*). «Перемена»? Это я, Клявин, из Волжска, из первой гимназии. Клявин, говорю, Адамского мне... На Кипре? Тогда Русакова... Тоже нет. Барышня, а вы кто будете? Секретарь? Оля?... Мне-то вас, Оленька, и надо. Вот тут звонили от вас, сообщили, что к нам собирается Афанасьев... Не знаете,.. А почему не знаете?... Ах, новенькая... Знаете? И что же вы, Оленька, знаете... Собирался?.. Говорил? ... Да, нет – это не Приволжский, а Волжск. Клявин моя фамилия, а не Горбушкин. Тьфу ты, ничего не слышу... Ах, записано? В книжечку? – Значит всё-таки едет. Так едет или не едет. Так, так... С вами, Оленька, все ясно. Объявляю благодарность. От кого? От меня, конечно, от Клявина (*кладёт трубку, вздыхает, секунду*

молчит, соображает). Значит так. Афанасьев едет, но не раньше как через неделю. Русаков сегодня уехал – в редакции будет через два дня. Так что про Сороса, грант какой степени, пока неизвестно. Кто звонил – так и не понял. Юбилей отменяется.

Маргарита Фёдоровна. Как отменяется?

Нинель Николаевна. Отчего?

Рейзис берёт свою курительную трубку в рот и застывает.

Клявин. Нескромно. Готовим юбилей школы.

Маргарита Фёдоровна. Иван Сергеевич, но юбилей школы через год.

Клявин. Через год – не через год. Что будет через год? – сто двадцать пять лет первого класса Александрийской гимназии. Но её же еще строить надо было. Тогда строили как раз год.

Нинель Николаевна. А-а!

Клявин. Вот и считайте, други мои. С чего начинается школа? С фундамента! Так-то как раз век и четвертинка. В общем, вперёд и вверх, а там... Иосифович, пойдём рюмочкой отметим.

Рейзис с Клявиным уходят, Нинель Николаевна выбегает за ними, Маргарита Фёдоровна растерянно тербит листочки плана юбилея.

Сцена поворачивается.

Кабинет истории. На стене лозунг «Перестройке и гласности нет альтернативы». Ниже портреты: Маркс; криво повешенный Ленин и пустое место, где явно висел еще какой-то портрет. Снятый портрет, перевернутый обратной стороной, стоит ниже на парте. На переднем плане – учительский стол. Вокруг стола члены родительского комитета: Председатель, Батюшка и Коммерсантка – экстрасенша.

Председатель. Товарищи, в повестке заседания родительского комитета один вопрос... (*обращаясь к батюшке*). Ты пишешь?

Батюшка. (*Бормочет себе под нос*). Пишу, пишу... «один вопрос»

Председатель. Нашему уважаемому Ивану Сергеевичу – юбилей.

Коммерсантка. Да знают уж все, сто раз знают. У меня вот свитер тут, как в тот раз Рейзису дарили (*лезет в сумку*).

Батюшка. (*Ехидно*). Да уж.

Коммерсантка. И жене его свитер.

Председатель. (*Растерянно... Какой жене?*).

Коммерсантка. Нинель Николаевне.

Председатель. Нинка – жена? Ха! Тогда я Бурбулис.

Батюшка. (*Коммерсантше*). Не жена она ему – полюбовница.

Коммерсанта. Да разве теперь разберёшь.

Председатель. Про свитер потом. Почётную грамоту надо подготовить. «За многолетнюю добросовестную работу».

Батюшка. (*Ехидно*). По коммунистическому воспитанию молодёжи - нет теперь грамот.

Председатель. Как нет? Ах, да. Ну, пусть не грамота, а благодарность там какая. Вам бы и сочинить.

Батюшка. Слово благодарственное всегда угодно. (*В кабинет влетает Нинель Николаевна*).

Нинель Николаевна. (*Впопыхах*). Заседаете?

Коммерсантка. Вот про юбилей говорим – хотим Ивану Сергеевичу свитер дарить.

Нинель Николаевна. Не будет юбилея!

Председатель. Как не будет?

Нинель Николаевна. Заседаете, а ничего не знаете. Грант Сороса дали, и сам Афанасьев приезжает. Не будет юбилея.

Коммерсантка. Какого Сороса?

Председатель. Премию этого капиталиста что ли? Дожили!

Батюшка. Юрий Львович приезжает?

Коммерсантка. Он ведь у нас, в пед кажется, учился?

Батюшка. Да ты что, мать, забыла? – Он же за тобой целый семестр ухлёстывал.

Коммерсантка. Так это Юрка! Вот это да! Я и не знала, что он Львович.

Нинель Николаевна. Теперь – Львович.

Председатель. Трепло был – жуть.

Батюшка. Вы ведь вроде как дружили.

Председатель. Ну, как сказать. Разошлись на идейной основе.

Коммерсантка. Идейную основу звали Татьяна.

Председатель. Да при чем тут Татьяна...

Нинель Николаевна. Юбилея не будет – но юбилей будет.

Председатель. Э – э?

Нинель Николаевна. (*Торжественно*). Юбилей гимназии имени Гайдара! Сто двадцать пять лет. Во! И как раз, когда ваш «прораб» приезжает. Так что соображайте (*уходит*).

Председатель. *(Как бы очнувшись)*. Всё правильно. Юбилей школы.

Батюшка. Вот и хорошо. Вот и разъяснилось. А гимназия ведь, попервоначально не здесь была, а у площади. А туточки – часовня Михаила Архангела.

Председатель. А потом, часовню-то, того – и построили клуб имени Будённого.

Батюшка. А потом вместо клуба – следственный изолятор.

Председатель. А после войны – секретная лаборатория и райком. В шестьдесят втором райком переехал – тут-то школа и въехала вместе с Иваном Сергеевичем.

Батюшка. Освятить это место надо бы – много нечистого тут перебивало. Как раз к юбилею.

Коммерсанта. Да, карма нехорошая. Ауру бы почистить, праны добавить, и все такое.

Батюшка. Изыди. Не от Бога ваши кармы и пассы – от врага человеческого.

Коммерсантка. *(Лениво)*. Много на себя берёте, батюшка. *(Энергично)*. А может свитер этому Соросу, а?

Председатель. Во-во. Давайте-ка ближе к делу.

Сцена начинает поворачиваться.

Театральный кабинет. Небольшая сцена. На заднике сцены профили юноши и девушки тянутся к улетающему самолёту. По стенам надписи: «А ты улетающий вдаль самолёт...» «Археологи ваши отыщут...». «О хищные вещи века...», «ЛЭП-500 – непростая линия». Это оформление к предстоящему спектаклю. По кабинету и сцене разбросаны стулья. В углу – пианино.

В кабинете знакомые нам школьники. Что-то смешное рассказывает Митяю Ирка, Дева что-то втолковывает Алексу. Сократ спорит с кришнаитами, их слушают раскрыв рот юные кооператоры. Здесь же девочки-каратистки. Из знакомого нам кассетника громко звучит музыка группы «Кино» – поэтому, что говорят ребята, не слышно.

Стремительно входит Татьяна Викторовна – Тиви. За ней бормоча чего-то себе под нос плетётся Бяша. Тиви резко останавливается, поднимает руку, Бяша, чуть не налетев на Татьяну Викторовну, тоже замирает. Алекс мгновенно выключает кассетник.

Тиви. *(Обращаясь ко всем)*. Лю-ди! Всем. Привет! О, Сократик, я рада, что ты снова с нами *(Сократ низко кланяется)*. Но не будем

тратить время. Начинаем репетировать. (*Торжественно*) «Письмо в тридцатый век». (*Деловито*) Ириша, вперед.

Ирка. (*С воодушевлением, без особого понимания*). Археологи наши узнают как вы жили, как строили вы. Археологи наши отыщут всё до мелочей, всё подряд. Сладковатую ржавчину смоят, ретушь красную удалят...

Тиви. (*Перебивая*). Стоп! Стоп. Стоп. Иренок, что ты несешь! Откуда «наши»? Это же тридцатый! век. Ваши, археологи, ваши... И с ржавчиной всё перепутала.

Дева. Татьяна Викторовна, как же ваши. Это же наши их раскопают, ну тех, что тогда были, в шестидесятые.

Тиви. Моя дорогая Дева, автор пишет письмо в тридцатый век. Он обращается к людям будущего. Поэтому – ваши.

Дева. А-а! Ну, так бы и сказал.

Беленькая каратистка. Татьяна Викторовна, а ретушь, что такое

Тиви. Это когда фото подкрашивают.

Чёрненькая восьмиклассница. А зачем подкрашивать. «Кодак» закрыли, да?

Дева. Дурочки что ли. Ни фига не сечёте. Макияж знаете?

Беленькая и чёрненькая. (*Хором*). Что мы, уж совсем!

Дева. Так вот, ретушь, это то же самое, только для фото. Правда, Татьяна Викторовна;

Тиви. (*Растерянно*). Ну может и так. (*С вдохновением*). Ири-на! Учить, учить и учить! Что у нас ещё на сегодня?

Кришнаиты. (*Хором*). Песня.

Тиви. Ну что ж, давайте песню. (*Артисты строятся на сцене в стиле агитбригады шестидесятых*)

Тиви. Вперёд!

Один из кришнаитов. (*Читает по шпаргалке, бубнит нараспев*). Это было романтическое время.

Второй кришнаит. (*В темпе*). Юные романтики строили линии электрической передачи (*с энтузиазмом*). Пятьсот штук.

Тиви. Не пятьсот штук, дорогой мой Харе Кришна, а ЛЭП-500.

Юрик. Татьяна Викторовна, а что тут пятьсот, километров, да?

Олег. Сам ты километров, физику не знаешь. Амперы это. Ток такой.

Первый кришнаит. И не физика это, а география. Номер такой в списке. Понял, Олежек.

Тиви. Нет, мой Кришна Харе, это всё-таки не номер.

Олег. (*Вторит*). Я же говорю амперы, а он номер, номер.

Тиви. Стоп, стоп. Про амперы – к Вячеславу Андреевичу. А сейчас поём! Три – шестнадцать.

Хор. (*Очень стараясь, поёт*).

«Седина у виска от инея ЛЭП-500 – не простая линия. и ведём мы её с ребятами по таёжным дебрям глухим. По ночам у села покосного хороводят берёзки с соснами..». **Тиви.** (*Делает знак крест на крест руками. Хор перестает петь*). Что же. Не-пло-хо! Пока, стоп. Что там еще у нас?

Беленькая. Татьяна Викторовна, а у меня в словах совсем непонятно. «Разведчики подземных кладовых вышли в путь». Это кто?

Чёрненькая. А что тут непонятного. Про экологию это. Разведчики – это кроты, почве они вредят,

Тиви. Фи! Да будет вам известно, что разведчики кладовых – это ге-о-ло-ги!

Беленькая. А-а!

Радик. А вот ещё (*читает по листочку*). «Штурманы степных кораблей» – это тоже геологи?

Тиви. (*Удивлённо*). Почему геологи?

Радик. Ну, на верблюдах по степи едут и вперёд смотрят.

Тиви. Ну и каша, ребята, у вас в голове. Газет не читаете, радио не слушаете.

Сократ. А в газетах про корабли и штурманов теперь не пишут.

Тиви. (*Озадаченно*). Да? А ведь верно.

Юрок. Татьяна Викторовна, а вы, радио какое слушаете?
«Русское»

Тиви. Русское, «Маяк».

Бяша. Мама! Это название такое – «Русское радио». Где диджей Славик Клинич.

Тиви. Да?

Дева. Татьяна Викторовна, а когда вы учились, джинсы были?

Тиви. Джинсы? Нет. Где-то там, в Москве. А у нас – нет.

Дева. А что носили?

Тиви. Ну, ковбойки...

Чёрненькая. А я знаю – у меня у папки осталась на даче – в клеточку такая, американская.

Тиви. Да, в клеточку. Юбки такие, почти мини, ещё носили - только что тогда появились. В походах – штормовки. Но это больше ребята.

Алекс. Люди! Мысль! (*Все оборачиваются к нему*). Находим у парентов эти штуки и предстаём в том прикиде: в ковбойках, штормовках – сичь!

Ирка. Ух, клёво. А еще галстуки.

Беленькая. Какие галстуки?

Черненькая. Пионерские что ли? Да ну их...

Ирка. Нет! У мамки галстук такой есть: наполовину красный, наполовину синий. У них такая тусовка в школе была – «Бригантина» называлась. Вот оттуда и галстук.

Сократ. А что – классно. Синий – свобода, красный – страсть.

Тиви. Ну и отлично. Дома смотрим – у кого что есть. Я тоже посмотрю. И завтра – на репетицию. Тогда и решим. Договорились? О кей?

Хор. (*С энтузиазмом*). О кей, Вася!

Тиви. Ну а теперь, заключительную (*Татьяна Викторовна садится за пианино*).

ХОР (*С энтузиазмом поет*) :

«Лётчик над тайгою
Точный курс найдёт,
Прямо на поляну
Посадит самолёт.
Выйдет в незнакомый мир,
Ступая по-хозяйски,
В общем-то зелёный
Молодой народ...» .

Во время песни появляется Нинель Николаевна и делает какие-то знаки Тиви. Та мотает головой, но Нинель подходит ближе, и что-то шепчет на ухо Татьяне Викторовне. Тиви встаёт, продолжая играть, подзывает взглядом Митяя и показывает ему, чтобы продолжал аккомпанировать. Митяй кивает и подсаживается к инструменту. Тиви разводит руками и уходит с Нинель. Митяй играет, но как-то незаметно, не сразу, переходит на другую мелодию и ребята перескакивают вслед за ним на Цоя.

Хор. «Перемен!
Требуют наши сердца
Перемен!

Требуют наши глаза
В нашем смехе и в наших слезах
Имппульсация вен.
Перемен!
Мы ждём перемен...».

Кабинет Клявина. Теперь мы его рассмотрим подробно. Кабинет просторный, выложенный по стенам изящной светлой плиткой. Иван Сергеевич сидит за столом и что-то пишет. Справа от него большая известная нам настольная лампа с зелёным плафоном. Сбоку от стола изящная мебельная стенка. От стола директора под углом к зрителю стол для совещаний. По оставшемуся свободному пространству разбросано несколько стульев. У стены небольшой столик для чая и пара кресел. На стене, над столом Клявина, большой портрет Аркадия Гайдара
Тихо играет музыка – что-то из Рой Конифа.
В дверь заглядывает Нинель.

Нинель Николаевна. Иван Сергеевич, пришли.

Клявин. Пришли, говоришь. Сколько?

Нинель Николаевна. Двое.

Клявин. Запускай! *(В дверь, не дожидаясь приглашения, входят двое. Один из них высокий, толстый, пожилой. Это Опытный. Второй – худой, юный, в очках. Это Молодой).*

Опытный. Ну, Иван, к тебе теперь без проверки не войдешь. И секретарь тут как тут: «Кто? Зачем? Почему?», и Нинель Николаевна...

Клявин. *(Выходит из-за стола. В руках у него толстая книга. Слегка обнимается с Опытным).* А как же, совершенствуемся. Всё по науке. *(Бросает на стол книгу).*

Молодой. *(Берёт в руки книгу, читает шепотом).* «Раскрепощённый менеджер». Ого!

Опытный. Знакомься *(показывает на Молодого).* Это наш новый методист.

Молодой. *(Протягивает руку).* Андрей Андреевич, методист гороно.

Клявин. *(Жмет руку).* Клявин моя фамилия. Здесь *(показывает вокруг)* исполняющий обязанности директора. *(Молодой смотрит вопросительно-удивлённо).*

Опытный. Образцово исполняющий тридцать лет.

Клявин. А вот как вы заговорили! Образцово, значит. А кто три раза снимал Ивана, а? А проверками мучает кто? Видишь ли

полчеловечка бесплатно перекармлил, шторы не туды-сюды повесил, фрамугу не под тем углом открываешь, урок лишний в расписание поставил.

Опытный. Не тебе уж, Иван Сергеевич, жаловаться. Чем тебе только не способствовали.

Клявин. Ладно, пока прощаю (*идёт к стенке, открывает изящную центральную дверь, вытаскивает бутылку водки, луковницу, стаканчики. Разливает водку*). Ну, что ж, за знакомство (*оборачивается к Молодому. Тот нерешительно тянется к стакану*).

Опытный. Подожди, Иван. Успеем, отметим. Давай сначала по делу (*Молодой ставит стаканчик на стол*).

Клявин. А я выпью. (*Пьёт и закусывает луком. Молодой потрясённо смотрит*). Вот так (потирает руки). Ну, а теперь – по делу.

Молодой. (*Как бы очнувшись*). Иван Сергеевич, мы пришли помочь вам. Чтобы действительно новаторски. Такое событие. Надо же, в пятёрке школ России!

Клявин. Хм (*нажимает кнопку*). Рейзиса ко мне.

Опытный. Ты знаешь, Иван, у нас новый шеф.

Клявин. Ну, как же, как же, Аполлон Тимурович, как его Гайдаровский, что ли.

Молодой. (*Обидчиво*). Эдуард Тимурович Гайваронский.

Клявин. (*С энтузиазмом*). Ну, конечно, Эдуард Гайворонский, кто же о нём не слышал (*обращаясь к Опытному*). Это с усами такой, директор техникума?

Опытный. Ну, допустим, уже три года не директор. Он как в восемьдесят восьмом вступил в партию, так пошёл вверх – заведовал профтехобразованием.

Клявин. Технарь, значит.

Молодой. Эдуард Тимурович – создатель Демокроби.

Клявин. Какого ещё микроби?

Молодой. Демократического объединения избирателей, сокращённо – демокроби.

Клявин. А-а... Из демократов, значит. Ну-ну... (*Входит Рейзис*)

Клявин. А вот и Виктор Иосифович Рейзис. Моя правая рука, нога и не меньше чем полголовы.

Опытный. Кто не знает Рейзиса?

Клявин. А это я для молодого человека.

Молодой. Мы знакомы с Виктором Иосифовичем. Он у нас в институте выступал. Мы еще разговаривали после.

Рейзис. Да, да. Припоминаю вас. Вы тогда вроде собирались свою школу открыть. И как?

Молодой. Увы,

Клявин. Ну, раз так. Давай, Иосифович, докладывай.

Рейзис. Все готовятся, Иван Сергеевич. Но есть один срочный вопрос. Можно вас на минуту?

Клявин. *(Разводит руками).* Господа, один моумент... *(выходит с Рейзисом).*

Молодой. Он что, пьяница?

Опытный. Это ещё что! А вот на выпускном ему приносят красную рубашку с пояском. И он в таком виде вручает аттестаты, а потом танцует с самой красивой девочкой. Иван – это легенда. Первый физматкласс в городе у кого – у Клявина. Цех школьный первый опять-таки здесь. Кстати, политклуб первый, еще при Брежневе – то же у Клявина.

Молодой. В красной рубашке на выпускном!

Опытный. В красной, красной. А вот ещё... *(Входят Клявин и Рейзис)*

Клявин. *(Потирает руки).* Ну, вот и хорошо. Посмотрите, поглядите, поможете, подскажите, С вами пойдет Виктор Иосифович. А потом ко мне. Поговорим, чаю попьем *(смотрит на водку).*

Рейзис. Милости прошу *(показывает на дверь и пропускает вперед Опытного и Молодого).* Начнёмте-ка с родительского комитета. Они здесь рядышком.

Кабинет истории. Лозунг на стене тот же: «Перестройке и гласности нет альтернативы». На полу, вдоль стены, перевёрнутые «лицом» к стене портреты. Под лозунгом портреты Ельцина и Егора Гайдара, слегка смахивающие на шаржи. За партами знакомые нам члены родительского комитета. Идёт ленивый разговор.

Коммерсантка. А колготки лучше в Щечине брать. Это от границы недалеко и полиция берёт по-божески.

Председатель. А наши?

Коммерсантка. Милиция-то? Ничего. Можно сказать и не берёт. Ну, там дать какой-нибудь сувенирчик. Но вот отъедешь пару остановок и вот такие амбалы *(показывает).*

Батюшка. *(Сочувственно)*...Рэкет.

Коммерсантка. Он самый. Бога на них нету. Вот, батюшка, где дело-то для вашего *(показывает вверх)*.

Батюшка. Господь видит всё...

Председатель. Видит-то, видит, но попустительствует. *(Входят Рейзис, Опытный и Молодой. Комитетчики мгновенно меняют позу)*.

Рейзис. Продолжайте, продолжайте. Мы на пару минут.

Председатель. *(Как бы продолжая)*... Да. Ребята должны увидеть в день юбилея будущее России. Давайте организуем встречу с родителями. Среди нас есть и демократический журналист *(показывает на себя)*, и батюшка – символ возвращённой веры, и народный целитель *(жест на коммерсантку)*.

Батюшка. *(Подхватывая)*. Давайте расскажем о борцах за демократическую Россию: Андрее Дмитриевиче Сахарове, Егоре Тимуровиче Гайдаре.

Коммерсантка. ... О Юрии Львовиче Афанасьеве...

Молодой. *(Воодушевляясь)*. Может тогда и о местных демократах?

Председатель. ... Об Аполлоне Дмитриевиче *(Рейзис вытаскиваем изо рта трубку и смотрит удивлённо)*.

Опытный. *(Морщась)*. Эдуард Тимуровиче.

Председатель. Да, да. О лидере реформ в областном образовании Эдуарде Тимуровиче *(смотрит в шпаргалку, недоуменно)* Гайдаровском.

Молодой. Гайваронском.

Коммерсантка. Надо знакомить детей с народной культурой, провести с утра настрой на чистые мысли. Верно, батюшка.

Батюшка. М-м... Освятить надо.

Молодой. Что освятить?

Батюшка. Вместилище. *(Молодой смотрит недоумённо)*.

Опытный. *(Энергично)*. Ну, это само собой.

Коммерсантка. И развесить заряженные портреты. Для здоровья и достижений.

Батюшка. *(Перехватывая инициативу)*. И нельзя забывать о духе. Слово божье, чтобы звучало. Православная, демократическая мысль, что б снизошла.

Председатель. Вот это хорошо, это по-нашему. И настрой, и слово, и культура. Не то что в старые затхлые времена.

Коммерсантка. (*Спохватываясь и заглядывая в шпаргалку*). И главное, чтобы сама это, как её, антузация, как завещал нам Абрам Маслоу.

Опытный. Пойдёмте, коллеги, не будем мешать родительскому комитету. До свидания, господа. (*Рейзис, Опытный и Молодой поворачиваются к двери*).

Молодой. (*Оборачиваясь на пороге*). Не Абрам, а Абрахам Маслоу, психолог знаменитый. Знать надо. (*Уходит*)

Коммерсантка. (*Вздыхнув с облегчением*). А кофточки лучше брать в Стамбуле.

Председатель. Почём?

Коммерсантка. По тридцатке.

Батюшка. А матушке моей можешь привезти?

Сцена начинает поворачиваться. На авансцене Опытный, Рейзис и Молодой.

Рейзис. (*Обращаясь к Опытному*). Ну, что?

Молодой. Какие-то они у вас энтузиасты, странно даже...

Опытный. Да, Иосифович. Видно, стараются. Но ты их немного пригаси. И если уж говорят – пусть выучат: кто, что, кого и вообще.

Рейзис. Поняли

Опытный. Куда теперь?

Рейзис. (*Торжественно*). На уроки!

Молодой. Мешать не будем?

Рейзис. А мы так, сквозь дверь послушаем.

Опытный, Молодой и Рейзис в рекреации, куда выходят двери кабинетов. Рейзис приоткрывает дверь кабинета истории. Слышится голос Маргариты Фёдоровны.

Маргарита Фёдоровна. Диктую ещё раз, проверяйте как записали. История не может иметь смысла... Смысл истории и есть движение к концу, к завершению, к исходу... В исторической трагедии есть ряд актов...

Голос Сократа. Маргарита Фёдоровна, каких таких актов?

Голос Девы. Маленький что ли, не понимаешь.

Сократ. Дура. Это же Бердяев.

Голос Девы. Сам ты Бердяев.

Маргарита Фёдоровна. *(Не обращая внимания, возвышая голос, читает).* Но тоска усилится, радости будет еще меньше, ужас пустоты и бытия достигнет размеров небывалых.

Голос Сократа. В этом сущность пророчеств о конце истории.

Маргарита Фёдоровна. Сократ, ты что, уже учебник выучил?

Голос Сократа. Это же Бердяев, Маргарита Федоровна, я его в восьмом классе читал.

Маргарита Фёдоровна. *(Настороженно).* А-а! *(Читает дальше).* Запишите дальше. «Поразмышляйте над рассуждениями философа». Это домашнее задание. Размышление спишите на странице 38 и выучите.

Голос Алекса. Маргарита Фёдоровна, а можно я поразмышляю, списав страницу тридцать девять.

Маргарита Фёдоровна. Алексей, ты меня утомляешь.

Рейзис. Н-да.

Молодой. Содержание-то новое, а формы старые. Нужны новые формы. Вот возьмите Верховный Совет, выборы Президента и разыграйте. Чтобы погружение, чтобы переживание, чтобы методология... Чтобы новая цивилизация.

Опытный. Да, Иосифович, как-то вяло у вас. Я знаю Маргариту Фёдоровну, опытный, старательный человек, мы её путёвкой награждали, курсы оплатили. Но помощи...

Рейзис. *(Бодро).* Поможем.

Рейзис приоткрывает следующую дверь. Это кабинет физики. Слышен голос Вячеслава Андреевича.

Голос Вячеслава Андреевича. Записываем задачу. В здании Верховного Совета 200 лампочек по 1000 ватт каждая. Сколько стоит электрическая энергия, которая тратили в Верховном Совете за день. Лампочки горят в среднем по 6 часов в день, стоимость киловатт-часа – 4 рубля.

Голос Юрика. Вячеслав Андреевич, Вячеслав Андреевич, я знаю ответ.

Вячеслав Андреевич. Так быстро?

Юрик. Да.

Вячеслав Андреевич. И сколько же?

Юрик. Нисколько. У них там все бесплатно было.

Вячеслав Андреевич. Платно-бесплатно. Про это у Иван Сергеевича спросишь. Это не физика. А ты вот сосчитай сколько надо заплатить.

Юрик. *(Разочарованно).* А!

Олег. Вячеслав Андреевич, а если все лампы перегорят, поломаются, что тогда?

Вячеслав Андреевич. Как так все поломаются?

Олег. Ну бомбёжка какая, артобстрел.

Вячеслав Андреевич. Ну, что ты мелешь.

Олег. *(Недовольно).* Всяко бывает.

Юрик. Вячеслав Андреевич, а кто лампу изобрёл – Эдисон?

Вячеслав Андреевич. Эдисон.

Радик. А самолёт?

Вячеслав Андреевич. Братя Райт.

Радик. Американцы?

Вячеслав Андреевич. Американцы.

Олег. А телевизор-американец Зворыкин, а вертолёт-американец Сикорский, а радио – американец итальянского происхождения Маркони.

Вячеслав Андреевич. Стоп, стоп, стоп. Поплыли назад – к Верховному Совету.

Дверь кабинета физики закрывается, Па авансцене Молодой, Рейзис и Опытный.

Опытный. *(Скучным голосом).* Задача про Верховный Совет – это устарело. Впрочем...

Молодой. А с американцами – не то. С Бушем мы, конечно, дружим, но истина дороже. И потом Новая Россия должна гордиться своими людьми. Эдисон, Эдисон... А Яблочков! А Попов! Можайский!

Рейзис. У Можайского самолет не полетел...

Молодой. Ну и что не полетел. Но сделал же, сделал же, первый сделал. А Зворыкин и Сикорский совсем уж наши. Подумаешь, в Америке жили. У меня отец вот тоже в Англию ездил.

Опытный. Да, ты уж Иосифович с Вячеславом Андреевичем разберись. Патриотизм, оно понимаешь, пока никто не отменял.

Звенит звонок. Поворачивается сцена. Мы в учительской. Идёт заседание учителей. Здесь и Нинель Николаевна, и Екатерина Ивановна и Маргарита Федоровна. У всех в руках тетради с конспектами. Учителя о чём-то перешёптываются, листая тетради.

Вбегает Вячеслав Андреевич.

За Вячеславом Андреевичем входят Рейзис, Опытный и Молодой.

Рейзис. *(На ходу)*. А это у нас еженедельный методологический семинар «Педагогика – практика идеализма».

Молодой. Как? Как?

Нинель Николаевна. *(Вставая)*. Практика идеализма

Опытный. Ну, ну!

Молодой. Здравствуйте!

(Поднимается Маргарита Фёдоровна – она, вероятно, ведущий – и делает знак Нинель. Та начинает быстро и громко читать).

Нинель Николаевна. Педагогика есть практика философского идеализма. Когда я иду на урок, хочу я этого или не хочу, но вынуждена предполагать как основу самоосуществления - трансцендентальность, несводимую к моему феноменальному миру. А дети это чувствуют, мою вот эту скорлупу духа и консервацию существующих форм *(ошарашено смотрит на окружающих)*.

Маргарита Фёдоровна. Так утверждает наша педагогика. А что говорят зарубежные авторы?

Екатерина Ивановна. Batischev, a well-known Russian philosopher, widely used this notion in explanation of deep-felt communication

(Маргарита Фёдоровна усердно кивает головой).

Молодой. *(Шёпотом, обращаясь к Рейзису)*. Но Батищев – это же русский! Почему он говорит по-английски?

Нинель Николаевна. *(Услышала)*. А это он на конференции... в Турции.

Маргарита Фёдоровна. В заключение нашего плодотворного семинара скажем о нашей работе. Наша главная задача – развитие теоретического, диалектического, продуктивного, экстенсивного и интенсивного мышления. Я это делаю на каждом уроке. На каждом уроке мы с ребятами экстенсивно ищем в книге ответы, выбираем правильные и диалектичные записываем. Это даёт очень хорошие результаты. Количество двоек уменьшилось в шесть раз. Если за

вторую четверть было три двоечника, то теперь их стало ноль целых пять десятых. И это ещё не предел...

В класс заглядывает Алекс и делает какие-то знаки Вячеславу Андреевичу. Вячеслав Андреевич кивает и поднимает руку.

Маргарита Фёдоровна. Слово Вячеславу Андреевичу.

Вячеслав Андреевич. (*Выбрасывая руку вперед*). Уважаемых гостей ожидают в театре!

Молодой. Извините.

Опытный. Работайте, работайте. (*Уходит вместе с Вячеславом Андреевичем*).

Сцена поворачивается. На авансцене Рейзис и Маргарита Федоровна.

Маргарита Фёдоровна. Ну, что говорят?

Рейзис. Да. Это ты, мать, такие финтиклюши загнула!

Маргарита Фёдоровна. Виктор Иосифович, мозги от этой философии совсем повернулись. А давайте это дело бросим – а? Я лучше пару уроков еще открытых дам.

Рейзис. Пока делаем так. Ещё раз порепетируйте. А там, посмотрим, поглядим.

Кабинет для театральных уроков. На сцене знакомые нам артисты школьного театра. Они в ковбойках, стройотрядовках, красно-синих галстуках, с причёсками по моде шестидесятых годов. Ребата выстраиваются на сцене каким-то хитрым образом. За пианино Татьяна Викторовна.

Тиви. Начали.

Хор. (*С энтузиазмом поёт песню*).

«Трубачи, трубачи

Не хмелейте от славы

Не спешите стреножить

Усталых коней.

Вам не будет привала,

Развеселья, забавы

Вам скакать до сегодняшних

И до завтрашних дней...»

Появляются Рейзис, Опытный и Молодой. Тиви их не замечает. Рейзис пытается ей делать знаки. Ребята начинают петь чуть эпатажно, с вызовом.

Тиви. Стоп. Что случилось? (*Видит вошедших, морщится*). А-а... Здравствуйте.

Хор. (*Хором*), Здра-вствуй-те.

Опытный. Здравствуйте, здравствуйте, мы не помешали?

Тиви. Помешали.

Рейзис. (*Показывает на Тиви*). Татьяна Викторовна, учитель литературы. Серьёзный человек. А это (*показывает на хор*) - наши артисты, агитбригада, так сказать.

Молодой. Здравствуйте.

Опытный. Что репетируем?

Дева. Про матерей.

Ирка. Она хотела сказать про юность родителей.

Алекс. ЛЭП, трубачи, тридцатый век и всё такое.

Молодой. Тридцатый?

Опытный. Ага, шестидесятые, значит.

Тиви. (*С вызовом*). Да!

Опытный. А галстуки почему такие? Должны быть уж тогда красные, пионерские,

Ирка. Такие тоже были. У моей мамы есть.

Молодой. (*Вопросительно*). Гэдээровские?

Опытный. Нет. Там синие были.

Олег. Какие ещё эровские – «Бригантина» это, тусовка такая, а не эровские.

Ирка. Клуб так назывался.

Опытный. Ах, «Бригантины» – Грины. Это хорошо, но как-то это... вот – не очень современно.

Тиви. Не распалась бы связь времен!

Молодой. (*Ворчит*). С этой связью мы еще сто лет по тёмным закоулкам пропадать будем.

Опытный. Да, уж (*берёт с пианино листочек, вероятно, с программой*). Так, так. И что тут получается? «Возьмёмся за руки, друзья» «Моцарт на скрипке играет», «ЛЭП-500». Какая-то сплошь ностальгия, а Виктор Иосифович.

Алекс. Ну и что.

Рейзис. Ну почему же.

Опытный. А где самоопределение, а где индивидуальность?

Молодой. А вы знаете, Татьяна Викторовна, что ЛЭП ваши экологически вредная вещь.

Олег. Так это когда?

Опытный. Когда, когда. Вот и получилось с когда.

Тиви. Ну, как вы не понимаете! Это же – другое: образ, роли.

Опытный. Вот именно роли. Роли – это раньше. Нам теперь не нужны роли. Нам нужны личности.

Дева. (*Ирке*). Личности ему подавай.

Молодой. (*С энтузиазмом*). Татьяна Викторовна, я принесу вам современный сценарий. Это из школы Рубельского. Наши ездили, переписали. Вот там по-настоящему, новаторски. Все в цепях, в эковских робах и Пушкин, и Маяковский, и Толстой. И поют хором «Дубинушку». Вот это да!

Алекс. (*В сторону*). И припечатывают дубиной товарища Дзержинского.

Молодой. Добавим немножко из Ельцина. О вас ещё в Москве услышат.

Тиви. Но это же...

Сцена поворачивается.

В кабинете директора Опытный, Молодой, Рейзис и сам Клявин. Издалека, вероятно из театральной комнаты, слышится песня Цоя.

Опытный. Ну, Иван Сергеевич, вижу, поработали. Мы тут конечно кое-что поправили, подсказали. Вы же у нас от Сороса первые в городе. А тут ещё прораб этот. Так что марку поддержите, не подкачайте

Рейзис. Поправим, поддержим – что уж говорить.

Клявин. Не впервой.

Опытный. А помнишь, Иван, Леонид Ильич приезжал, вот где уж вертелись, так вертелись. Это тогда тебе орден дали?

Клявин. Да, шмон тот ещё был. Сейчас что – подумаешь, Юрка Афанасьев. Тьфу (*меняет голос*). Ну что, (*обращаясь к Молодому*) тяпнем?

Не дожидаясь ответа, вытаскивает рюмки и чуть не падает от удара неожиданно открывающейся двери. Митяй и Алекс с трудом втаскивают в кабинет какой-то стенд.

Голос Нинель Николаевны. (*Из-за двери*). Поворачивай, поворачивай. Не задень угол. Левее. Левее, говорю.

(Митяй и Алекс разворачивают стенд так, что он оказывается «лицом» к зрителю. На стенде портрет несколько растерянного Аркадия Гайдара и надпись большими буквами «Хорошая жизнь настала!». В дверях появляется Нинель Николаевна).

Нинель Николаевна. Вот, Иван Сергеевич. За шкафом нашли.

Клявин. *(Изумлённо).* Зачем?

Нинель Николаевна. Вы сказали – хорошо бы стенд с Гайдаром. Вот он стенд – есть. С Гайдаром – точно. Я проверяла.

Рейзис. Милочка. Это же какой Гайдар – Аркаша. А у нас теперь Егорушка. Поняла, матушка?

Нинель Николаевна. А-а! Сейчас найдем.

Алекс. Подумаешь, взять и подписать заново. Всего-то.

Клявин. Ты, Алексей у нас изобретатель. Забирай-ка стенд и действуй *(Алекс с Митяем двигают стенд за дверь, за ними, толкувая что-то под руку, уходит Нинель).*

Клявин. Ну, двинули *(выпивает рюмку, берёт в руки лук. Молодой и Опытный тянутся к своим рюмкам. Рейзис же рюмку не берёт).*

Поворачивается сцена. На авансцене сидят Алекс, Митяй, Сократ, Ирка, Дева, другие участники агитбригады. Перед ним горит свеча. У Сократа гитара. Поют Цоя: «Группу крови». Негромко, с чувством:

Хор. И есть чем платить
Но я не хочу победы любой ценой.
Я никому не хочу ставить ногу на грудь,
Я хотел бы остаться с тобой.
Просто остаться с тобой,
Но высокая в небе звезда зовёт меня в путь.
Группа крови – на рукаве,
Мой порядковый номер – на рукаве.
Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне
Не остаться в этой траве,
Не остаться в этой траве
Пожелай мне удачи, пожелай мне удачи.

Занавес

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ РАЗГОВОРЫ

Та же школьная рекреация. Только надписи на кабинетах поменялись. «Кабинет физики имени Форда», «Кабинет истории имени Бердяева», «Музей Егора Гайдара». Вместо стенда с Лениным «Стена гласности». На стене что-то красиво оформлено, но что – не видно. Загораживает та же большая пальма. Школьный звонок. Врубается музыка. Теперь это «Морячка» Газманова. Двери кабинетов распахиваются. Появляются школьники и учителя. Все движутся в разные стороны, образуя круговороты и мгновенные сообщества. На авансцене беленькая и чёрненькая восьмиклассницы демонстрируют приемы кикбоксига, парочка кришнаитов скандирует «Харе-Кришна, Харе-Кришна...». За ними, радостно подпевая, подпрыгивает Дева. Юрик, Радик и Олег выгружают из рюкзаков бутылки пепси -пересчитывают. Сократ идёт в обнимку с Бяшей. Газманов становится тише и мы слышим, что они говорят.

Сократ. Вот так Бяша. Вопрос не в том иметь или быть. Старина Фромм – не прав. Как иметь и в чём быть – вот в чем вопрос. Верно?

Бяша. Нет, не так. Правильно это – что иметь и как быть.

Сократ. Ты так думаешь? А ведь в этом что-то есть. (*Увидев Катерину и Вячеслав Андреевича, лениво*). Андеграунд...

Вячеслав Андреевич поспешно показывает в ответ викторию, что-то втолковывая Екатерине Ивановне. Екатерина отрицательно мотает головой. Вячеслав Андреевич показывает в ответ у виска и скрывается за дверью «Музей Гайдара».

Звенит звонок на урок. Газманов обрывается. Сцена пустеет. Остается один Бяша. Он подходит к «Музею Гайдара» и стучит в дверь.

Сцена поворачивается.

Музей Гайдара (он же кабинет организатора внеклассной работы) изнутри оформленный Вячеславом Андреевичем в стиле рок-культуры, В центре плакат с Гребенщиковым. Под плакатом бюст Аркадия Гайдара в будёновке со значком группы «Алиса» вместо звезды, с чёрной повязкой через глаз и с повешенной на него (бюст) старенькой гитарой. Слышатся мелодия Б.Г. Когда кто-то входит в комнату – музыка стихает. Славик стоит спиной к зрителю, лицом к Б.Г. Стук в дверь.

Голос Бяши. Можно?

Вячеслав Андреевич. (*Не оборачиваясь*). Всем можно.

Бяша. (*Входит*). Это я.

Вячеслав Андреевич. *(Оборачиваясь)*. А, Бяша. Входи друг-товарищ. С чем пришёл?

Бяша. *(Решительно)*. Вячеслав Андреевич. Давайте компьютеризируем всю школу. Я знаю как...

Вячеслав Андреевич. *(Машет рукой в сторону, стоящего сбоку дивана)*. Садись. *(Бяша и Славик устраиваются на диване)*.

Вячеслав Андреевич. И как?

Бяша. Так: закупаем 16 эпллов и 87 пентиумов – я все уже посчитал, ставим по классам, замыкаем в сеть и по паролю в Америку, в ин-тер-нет. А там...

Вячеслав Андреевич. Куда-куда! Бяша, какой еще интернат?

Бяша. Ну, Славик. Ну, кто это не знает. Сеть такая, компьютерная. Входишь и висишь... во всём мире.

Вячеслав Андреевич. Хм. Да, висишь – это сила. Бяша, но деньги

Баша. Что деньги?

Вячеслав Андреевич. Дукаты. Ведь этот интернет-интернат сколько то стоит.

Бяша. Я думал про это. У Сороса спросим.

Вячеслав Андреевич. *(С сомнением)*. У Сороса? Гениально. Бяша, я подумаю, да?

Бяша. Только ты быстрее думай, а то Витька со второй гимназии тоже хочет.

Вячеслав Андреевич. А-а, конкурент значит.

Бяша. *(Вздыхая)*. Конкурент.

Вячеслав Андреевич. Ну что ж – по рукам. Чем можем – поможем. *(Бьют по рукам, Бяша уходит. В дверях налетает на Председателя родительского комитета. Только тот собирается Бяше дать взбучку, как Бяша быстренько исчезает)*.

Вячеслав Андреевич. *(Увидев Председателя)*. Это не ко мне. К Ивану Сергеевичу.

Председатель. Нет, к вам.

Вячеслав Андреевич. Нет, не ко мне.

Председатель. Но Ивана Сергеевича нет.

Вячеслав Андреевич. Тогда к Рейзису.

Председатель. Он отправил к Маргарите Фёдоровне.

Вячеслав Андреевич. Вот и хорошо.

Председатель. *(Радостно)*. Она послала к вам!

Вячеслав Андреевич. Ко мне? Ну, хорошо, сдаюсь. Что у вас. Девчонки опять у Олега тетрадку разрисовали?

Председатель. Нет.

Вячеслав Андреевич. А, знаю – Екатерина Ивановна глаголом не той модальности объяснила исторический момент.

Председатель. Вячеслав Андреевич, вам всё шуточки, а дело-то архиважное, нравственное. От него, может быть, судьба поколения зависит.

Вячеслав Андреевич, Уф, слава богу. А я-то подумал...

Председатель. Вячеслав Андреевич! Наши восьмиклассники вышли на стезю торгашества и проходимства.

Вячеслав Андреевич. Так кто же это и что им на этой стезе нужно?

Председатель. Мой сын Олежек. Его втянули известные мне личности по кличке Юрик и Радик.

Вячеслав Андреевич. А-а! И как же они проходимствуют?

Председатель. Собирают бутылки и сдают.

Вячеслав Андреевич. Так. И дальше.

Председатель. Что дальше?

Вячеслав Андреевич. Сдают. А дальше то что? На что тратят-то? На пиво? На девочек? На консерваторию?

Председатель. Если бы. На ваучеры!

Вячеслав Андреевич. На что?

Председатель. Акции. Ну, знаете, этого рыжего бумаги.

Вячеслав Андреевич. Рыжего? Так кто им даёт.

Председатель. Не даёт, а продаёт. На рынке всякие там бабуси неподкованные, не понимающие настоящего момента. Им, понимаете, дали шанс стать собственником. А они продают, развращают нашу молодежь.

Вячеслав Андреевич. Что-то ничего не понимаю. Если стать собственником – это хорошо, то почему покупать ваучеры – плохо?

Председатель. Потому и плохо. Торгашество все это, проходимство. А школа, как всегда, нос воротит, воспитанием не занимается. Вот напишу вашему Соросу – будете знать.

Вячеслав Андреевич. Да, да.

Председатель. И хоть бы в семью принёс что, подлец. Так нет, всё в общак. Кооператив у них, видите ли, «Синие ночи». Слово дали. А мы что не давали слово.

Вячеслав Андреевич. Какой кооператив?

Председатель. А вот такой.

Вячеслав Андреевич. Да вы не переживайте так, не переживайте. Приглашу, позову, поговорю, обсудим – может чего и выгорит. Помните, когда они машины мыли – разобрались же...

Председатель машет рукой, уходит. Чуть громче звучит музыка. В дверях появляется Ирка.

Ирка. Вячеслав Андреевич, можно?

Вячеслав Андреевич. (*Устало*). Можно Ирка, можно (*музыка стихает*),

Ирка. Славик, а когда явится этот?

Вячеслав Андреевич. Кто?

Ирка. Ну, прораб, от Сороса.

Вячеслав Андреевич. А... Через неделю.

Ирка. Славик, а нафиг всё это. Все суетятся. Шею моют. Ну, прораб, так прораб. Если человек – поговорит и всё поймет. А если сволочь, то нафик.

Вячеслав Андреевич. Да, не бери Ирка, в голову. Игры всё это.

Ирка. (*Скучным голосом*). Игры?

Вячеслав Андреевич. Что ты думаешь, той же Маргарите Фёдоровне нужны эти новые прибабасы.

Ирка. Это точно. Маргарите – главное спокойствие. Ну, а Иван?

Вячеслав Андреевич. О, Иван – это главный игрок, ас! Все сыграет с шиком, лишь бы на виду быть.

Ирка. Ну, хорошо. Екатерина - понятно, Нинель Николаевна - ясно. А Тиви – то же играет?

Вячеслав Андреевич. Тиви? Она играет в старую правду.

Ирка. В старую правду? И это игра?

Вячеслав Андреевич. А почему бы нет.

Ирка. Х-м. А во что играете вы, Славик?

Вячеслав Андреевич. (*После секунды молчания*). А вот это реши сама...

Ирка. Славик играет в рокн-ролл.

Вячеслав Андреевич. (*Грустно*). Да, в рокн-ролл.

Ирка. «Аквариум» всегда на высоте?

Вячеслав Андреевич. Башлачёв – гений.

Ирка. Цой может быть ушёл вовремя?

Вячеслав Андреевич. Кинчев – река, Шевчук – море.

Ирка. А жизнь - только слово?

Вячеслав Андреевич. Есть лишь любовь, и есть смерть.

Ирка. Эй, кто будет петь, если не будут спать?

Вячеслав Андреевич и Ирка (*Хором, шёпотом*). Смерть стоит того, чтобы жить.

Ирка. А любовь стоит того, чтобы ждать? Скучно это, Славик. Ну, я пойду... Дальше играть (*уходит*).

Вячеслав Андреевич. (*Вслед, с грустной усмешкой*). Рокн-ролл отзывает борцов. У наших детей другие глаза.

Мелодия Гребенщикова звучит громче, но входит снова Бяша и музыка стихает.

Бяша. Можно, Вячеслав Андреевич?

Вячеслав Андреевич. (*Со вздохом*). Можно, есть идея?

Бяша. Да, нет. Просто так. Мамку жду.

Вячеслав Андреевич. А раз просто так, давай-ка, Боренька, выпьем чаю.

Музыка громче. Вячеслав Андреевич включает чайник, ставит стаканы и прямо из пачки засыпает в стаканы заварку, вытаскивает блюдечко с кусочками сахара. Бяша и Славик молча долго льют чай. Музыка стихает.

Бяша. (*Вставая*). Я пойду, Вячеслав Андреевич.

Вячеслав Андреевич. (*Кивает*). Спасибо, Бяша, спасибо дружище.

Дом Клявина. Кухня. Узкий луч оранжевого света сверху от абажура. На столе водка и какая-то закуска. Клявин и Рейзис сидят друг против друга.

Клявин. А... а, молодой этот, далеко пойдет, как искренен, как хочет.

Рейзис. Почка он. Все мы чего-то хотели.

Клявин. А Гайваронский. Знаю я этого Гайваронского, он с Нинель учился. Прозвище у него было «Демонстратор» – фокусы демонстрировал. Тьфу. По мне лучше старая гвардия. Сволочи, но хоть известно по какой части, чем лечить. Давай-ка, Витёк, выпьем (*разливает в стаканы, пьют*).

Рейзис. Ты, Иван, не то говоришь. И новые тоже люди. Сами мы не без греха. Вот у меня такой знакомый есть Клявин Иван Сергеевич, так водку пьёт и с дурой водится.

Клявин. Нинель не трожь.

Рейзис. Гони ее, Клява. Она так тебя подставит – заплачешься.

Клявин. Нинку не тронь. Да, стерва, знаю. Продаст точно. По не трожь. Когда Тамары не стало, знаешь, как тошно было. И где вы были все – денежку, видишь ли, собирали на веночки. А вечерком к Ивану зайти, покалякать, погладить, а? Только Нинель и пришла.

Рейзис. *(Наливает)*. Ладно, оставим Нинку в сторону. Давай за Тамару. Выпьем за её светлую душу. Как она там.

Клявин. *(Тоскливо)*. А есть ли там что?

Рейзис. Есть – нет. Как бывший честный коммунист бывшему коммунисту тебе скажу: «А кто его знает». Но выпить надо. За Тамару! *(Выпивает)*.

Клявин. *(Невпопад)*. А потом, она в гороно ходит. Если не она, то кто будет ходить, отдуваться, ты что ли?

Рейзио. Сам ходи.

Клявин. Ни в жизнь. Разбомблю сразу, ты же знаешь.

Рейзис. Славик пусть ходит.

Клявин. Ха, Славик. Этот хиппи. Да его там на порог не пустят. Трепло он твой Славик.

Рейзис. Во-первых, не мой, а твой; во-вторых...

Клявин. Его к бочке с краской подпускать нельзя, а ты в гороно.

Рейзис. Да, это он дал! Надо же так опрокинуть. Два дня скипидаром со своими битлами подвал тёр – дорепетировались.

Клявин. Полбочки коту под хвост. *(Жалобно)*. Я же её, красочку, два месяца выклянчивал, чёрт знает как продавался, подхалимничал, в ноги кланялся – а он! Вот здесь заноза *(показывает на грудь)*. Ну, ладно, что было, то уплыло. Ты мне лучше вот что скажи – какого чёрта Славик в школе делает, а?

Рейзис. Ты же его и брал. По дружбе. Талант, говорил, талантище.

Клявин. Да Катька накрутила.

Рейзис. Вот из-за Катьки и есть.

Клявин. Ха! Из-за Катьки. Прогорело и выгорело. Я ей – определись, Катерина. А она «не лезь папка в любовные дела – ни фига ты в этом не понимаешь».

Рейзис. Эгоистка она у тебя – вот что я скажу.

Клявин. Эгоистка, да. Но сам же знаешь какая болезная была. Ох, сколько Тамара с ней навозилась.

Рейзис. *(Нналивает)*. За детей. Когда всё кончится, только они с нами.

Клявин. За детей! *(Выпивает)*.

Рейзис. А что этому прорабу надо?

Клявин. Знаешь, Витька, тёмная эта история. Не нравится она мне. Откуда Сорос? Что это такое? Боком выйдет. То ли дураков таких, как мы, нету, то ли мы вправду ого-го. Чего, кстати, там ты в заявке писал?

Рейзис. Ну, как договорились. То-то и то-то. Вроде и не наврал.

Клявин. А про это?

Рейзис. Не...

Клявин. А теплица?

Рейзис. Что ты, подставляться, не дай бог.

Клявин. Ни черта не понимаю! Давай еще выпьем *(наливает)*. И, знаешь, за что. За вечное.

Рейзис. Чтоб они сдохли?

Клявин. Да, все! И эти и те. И перестройка, и бабы и Гайворонские. Жить надо и всё. Жить. А там поглядим кто кого. *(поднимают стаканы и смотрят на них)*.

Дом Вячеслава Андреевича. Книжные полки, приличный музыкальный центр. На стене, вдоль книжных полок до весь рост фотопортрет Катерины. Среди книг небольшой портрет Башлачёва. Справа окно. На переднем плане диван и журнальный столик. На столике рюмки и бутылки. Но это всё будет видно потом. Сейчас почти темнота и голоса... Отсвет из окна.

Вячеслав Андреевич. Хочешь ещё ликёра?

Катерина. Да. *(Бульканье, вспыхивает зажигалка, рука тянется к высокой свече и зажигает её. Славик сидит на диване. Голова Катерины у него на коленях, её ноги вытянуты вдоль дивана, в руке сигарета)*. А помнишь тот день. Новый год...

Вячеслав Андреевич. Да...

Катерина. Ребята...

Вячеслав Андреевич. Ты была в таком клетчатом, как-то это называлось?

Катерина. Фигарошка. А ты был... Кстати, в чём ты был?

Вячеслав Андреевич. Не знаю. Вопрос не в чём, а когда?

Катерина. Сто лет тому...

Вячеслав Андреевич. И ...

Катерина. (*Резко*). А потом эта дрянь, Светка.

Вячеслав Андреевич. Стоп, стон. Договорились же, на сегодня-стоп.

Катерина. Ладно. Пусть стоп... Славик, а где ребята?

Вячеслав Андреевич. Ну, Стас, знаешь.

Катерина. Да уж, в каждом видике прыгает.

Вячеслав Андреевич. Серёга комок на вещевом держит.

Катерина. Серый? Вот те на!

Вячеслав Андреевич. Ромка сгинул. Стас его видел как-то – совсем плох.

Катерина. На игле?

Вячеслав Андреевич. Да...

Катерина. А ты где, Славик?

Вячеслав Андреевич. На зелёном перевале.

Катерина. (*Зло*). Нет! Нет тебя на перевале (*оборачивается, смотрит ему в глаза*). Ты – в зелёном болоте, в зелёном дерьме и квакаешь как сытая жаба...

Вячеслав Андреевич. (*Вяло*). Жабы не квакают.

Катерина. Квакают. Где тот Славик, который хотел быть нашим Ленноном, где тот Слав, что обещал – миг и в Ковентри холл – где он?

Вячеслав Андреевич. Не всем быть в Ковентри, школа – то же место.

Катерина. Школа – это фигня, место для тех, кто не может. Кто не может, тот учит.

Вячеслав Андреевич. Не всегда.

Катерина. Всегда. Оглянись, Славик – кто вокруг тебя: зануда Маргарита; дура Нинель, Рейзис, выпертый из чека, несостоявшийся режиссёр Татьяна...

Вячеслав Андреевич. Но Иван.

Катерина. Что Иван? Иван отказался от аспирантуры у самого Абрам Вильгельмовича, чтобы поехать в деревню Грязнуха, чтобы там как истинный советский учитель сдавать государству масло по рубль пятьдесят, только что купленное в магазине за тройк.

Вячеслав Андреевич. Что, что?

Катерина. Было такое. Давно, еще при Хрущёве – рассказывал папаня. Дикообраз наш Иван. Как он говорит (*передразнивает*). Так выпьем за то, чтобы не было как тем дикообразам: далеко – холодно, близко – колко.

Вячеслав Андреевич. За оптимальное расстояние, значит.

Катерина. (*Грустно*). За оптимальное расстояние (*пьют*).

Вячеслав Андреевич. Но Татьяна? Она – может,

Катерина. Что Танька, ненормальные и среди нас, баб, бывают.

Вячеслав Андреевич. Дура ты, Катька. С оксфордским произношением. Ведь если порвётся цепь.

Катерина. (*Передразнивая*)... все летит к чертям. Если отцы не будут смотреть в глаза детей... Рожай своих и смотри.

Вячеслав Андреевич. Хорошая идея (*лениво, скорее знаково, тянется к Катерине, та не отвечает*).

Катерина. Что школа? – Место для несчастных баб и мужиков-алкоголиков.

Вячеслав Андреевич. Но...

Катерина. Тук-тук-тук. Войдите, Екатерина Ивановна, (*пьёт рюмку, встает, подходит к окну*). Вон, твой ходит. (*Вячеслав Андреевич то же подходит к окну, кому-то машет*). Зови уж, совсем замёрз парниша.

Вячеслав Андреевич. (*Открывает окно, кричит*). Сократ! Поднимайся.

Катерина. (*Собираясь*). Я пошла.

Вячеслав Андреевич. Э-э.

Катерина. «В ночь уходит дочь» (*целует, в дверях сталкивается с Сократом*). Хэллоу, янг грэнт философ.

Сократ. (*Растерянно*). Хэллоу, Екатерина Ивановна. Славик, можно?

Катерина. Можно, можно (*уходит*).

Вячеслав Андреевич. Чего уж там, заходи. Кофе будешь?

Сократ. Да. Андреевич (*мнётся*), тут такое дело. В общем, есть простой вопрос.

Вячеслав Андреевич. Вопрос? (*Наливает кофе*).

Сократ. Да. Зачем людям свобода?

Вячеслав Андреевич. Так...

Сократ. Людям нужна не свобода, а счастье. А счастье – это успокоенность. Каждому по успокоенности и братство со счастьем готово.

Вячеслав Андреевич. Ну, хорошо. А как же ты эту успокоенность в нашем штормовом мире получишь?

Сократ. Каждому найти свой угол, свой хлеб.

Вячеслав Андреевич. Да? ... Но вот что я тебе скажу – даже найдя свой угол, человечешко бунтует в своём углу. Галилей топает ножкой. Спиноза пишет никому ненужный трактат. Башлачёв плюёт на журналистику.

Сократ. А это неправильно поставлены якоря..

Вячеслав Андреевич. Не поставлены что?

Сократ. Якоря. У каждого есть такие фиговины, если ими правильно зацепиться за жизнь – спокойствие и счастье. Копернику надо было подсунуть редактирование Астрологического вестника, А Башлачёву дать приличную пенсию.

Вячеслав Андреевич, Пенсию?

Сократ. Да.

Вячеслав Андреевич. Итак, все приговорены к счастью?

Сократ. Увы, не все. Кому-то надо двигать мир. Мир двигают несчастные.

Вячеслав Андреевич. Уф! Немножко легче. А несчастненькие-то откуда возьмутся?

Сократ. Ну, всякое такое, любовь...

Вячеслав Андреевич. А-а... любовь... Ты уж меня прости – может счастье и в успокоенности, но несчастным нужна свобода. И не ахти какая, а как внутренняя штука, как фабрика моих возможностей. Несчастливы – гении, и они же свободны. Они говорят себе – у меня нет границ. А если и есть стены – пройдут сквозь стены.

Сократ. Во, тогда свободы – нет.

Вячеслав Андреевич. Как нет?

Сократ. Люди без границ – это абстракция, фантом. У всех – границы. Как честь у Пушкина.

Вячеслав Андреевич. Так, значит, и до Сашки добрались.

Сократ. *(Хлопает себя по лбу).* Вячеслав Андреевич, я же на задании!

Вячеслав Андреевич. Каком ещё задании?

Сократ. *(Вынимает и передаёт записку).* Вот.

Вячеслав Андреевич. *(Берёт записку).* И что? *(Читает, смотрит с недоумением на Сократа).*

Сократ. *(Подымая палец вверх).* Тайна!

Вячеслав Андреевич. Что тайна?

Сократ. *(С воодушевлением).* Пароль такой. Ответ : «Терминатор».

Вячеслав Андреевич. Пароль?

Сократ. (*Смотрит на часы*). Пора. Идти вам надо, Вячеслав Андреевич.

Дом Ирины. За два часа до предыдущей сцены. Митяй, Алекс и Ирка играют в «Монополию», на полу известный нам кассетник. Играет что-то тихое из зарубежных групп девяностых.

Алекс. (*Кидает кости*). Во, пошёл в банк, беру пятьсот.

Ирка. Бери, бери (*кидает кости, ходит*). Раз, два, три, четыре, пять. Н-да – невезуха.

Митяй. Ничего, Ирка. Следующий раз словишь. (*кидает кости, ходит*).

Алекс. Фортуна приходит, фортуна уходит. Любовь остаётся.

Ирка. Ну, это вообще! У Митяя опять башни. Несправедливо.

Алекс. Это потому, что мы треплемся, а он молчит. Удача любит молчаливых (*кидает кости*).

Ирка. Ну вот, снова. Могли бы девушку пожалеть. (*Алекс не торопится ходить*).

Алекс. Ирка, вообще-то мы по делу шли.

Митяй. Да.

Ирка. (*Вертит кости*). И что?

Алекс. Такая история.

Митяй. В общем, попались.

Ирка. Ну, не тяните кота.

Митяй. Ты говори.

Алекс. Что я? Говори ты.

Митяй. В общем. Сороса нет.

Ирка. Чего нет?

Алекс. Сороса.

Ирка. (*Расстерянно иронически*), Как нет? Куда ж он делся? (*Алекс врубает во всю громкость кассетник. Митяй и Алекс что-то говорят, энергично жестикулируя, Ирка смотрит то на одного, то на другого, хватается за голову и вскидывает руки. Алекс нажимает кнопку. Музыка стихает*).

Алекс. Что делать, Ирка? Ты у нас голова.

Ирка. (*Решительно*). Идти к Славику.

Митяй. Славику? Он же трепло.

Алекс. А что. Правильно. Не к Ивану же.

Ирка. К Славику. И прямо сейчас.

Митяй. Сейчас (*смотрит на часы*). Да уж почти одиннадцать.

Алекс. Пошли.

Ирка. Но не в дом.

Митяй. Почему?

Ирка. Не в дом.

Алекс. Правильно. В ноль-ноль у «Молодёжки».

Митяй. Но надо как-то предупредить. Телефона нет.

Ирка. Сейчас организуем (*переходит к окну, открывает и свистит. Прислушивается, зовёт в окно*). Со-кра-тик! Давай сюда. (*Митяй вздыхает, хлопает дверь. Появляется Сократ*).

Ирка. Сократ, тайна!

Сократ. (*Не понимая*). Тайна?

Алекс. (*Мрачно*). Пароль такой.

Ночь. Улица. Фонарь. В тени двое. Это Митяй и Алекс. Под фонарём появляется Вячеслав Андреевич.

Алекс. (*Из темноты*). Пароль.

Вячеслав Андреевич. (*Изображая серьезность*). Тайна.

Митяй. (*Из темноты*). Терминатор. (*Алекс и Митяй выходят под фонари*).

Вячеслав Андреевич. Всё верно, конечно, братцы-журналиги. Кто же ещё в полночь у «Молодёжки» свиданья назначает.

Алекс. Дело такое (*молчит*).

Вячеслав Андреевич. Ага. Ну, раз дело такое, то чего уж там колитесь. Что в этот раз сотворили?

Митяй. В общем, это мы все сочинили.

Вячеслав Андреевич. Что сочинили?

Алекс. Сороса.

Вячеслав Андреевич. (*Не понимая*). Какого Сороса?

Митяй. И прораба...

Вячеслав Андреевич. Подождите, подождите. Ничего не понимаю. Как сочинили?

Митяй. Так,

Вячеслав Андреевич. А-а! (*спохватывается*). Но ведь звонок был?

Алекс. Звонок – дело техники. У «Молодёжки» в Москве Эдик Амперян сидит. Вот он и звонил – договорились и всё...

Вячеслав Андреевич. Вот это да! (*хохочет, замолкает*). Так, звонок – это дело техники. Но зачем?

Митяй. (*Мрачно*). Журналистская акция.

Алекс. Скушно, Славик. Ну, вот и прикололись. Кто же знал, что так поверят.

Вячеслав Андреевич. Да уж накол, так накол. Что там школа, город на ушах!

Митяй. Вячеслав Андреевич, что-то нужно сделать?

Вячеслав Андреевич. Стоп. Подождите. Но ведь на Сороса действительно проект посылали.

Алекс. Ну и что?

Вячеслав Андреевич. Как что? Иван же звонил – ему подтвердили – грант.

Митяй. Как?

Алекс. Не может быть!

Митяй. Вот это да!

Вячеслав Андреевич. Чёрт. Ничего не понимаю. Так значит про Сороса вы сочинили.

Алекс и Митям. (*Хором*). Да!

Вячеслав Андреевич. И про Афанасьева?

Митяй. У-гу.

Вячеслав Андреевич. Но Клявин в Москву звонил и ему подтвердили! (*Алекс и Митяй растерянно молчат*).

Вячеслав Андреевич. (*Оживляясь, видно что-то решил*). В общем, братцы-кролики, слушай мою команду. Сейчас по домам. И никому ни гу-гу. Без Ивана не разберёшься. И чтобы завтра как мыши, Потребуетесь, дам сигнал.

Раннее утро. Кабинет Клявина. На часах – 7. Вячеслав Андреевич стоит перед директором. Он только что закончил свой рассказ. Клявин сидит в кресле, полузакрыв глаза.

Клявин. (*Взрываясь*). Вот подставили! Вот подставили! Ну, проходимцы!

Вячеслав Андреевич. Иван Сергеевич.

Клявин. Вон! Родителей. Немедленно. На этот раз им это так не пройдёт. Сегодня же педсовет и в приказ, в приказ, духу чтобы не было. К чёрту! Доигрались!

Вячеслав Андреевич. Иван Сергеевич, но вы же в Москву звонили!

Клявин. *(Жалобно).* Звонил. Да, не было там никого. Ни Адамского. ни Афанасьева. Какая-то финтифлюшка, секретарь. И ничего ведь вразумительного не сказала. А я, старый дурень, поверил. Сороса ему захотелось, денежку на компьютеры, крышу починить. А вот фиг вам *(показывает фиг).*

Вячеслав Андреевич. Может ещё...

Клявин. *(Не слушает).* А знаешь, Слава. А вот и хорошо. А вот и замечательно. А и к чёрту. Ну и уйду. Тридцать лет прокукарекал вот здесь *(стучит по столу).* На рыбалочку стану ездить. В Москву к Владимиру Абрамовичу – погостить. – А? Ну, там пару часиков оставлю в пятом «Б», для души. Хороши, паршивцы...

Вячеслав Андреевич. Иван Сергеевич, но вы же это не сделаете, сами знаете.

Клявин. *(Не слушая).* Как хорошо. Садик заведу... Яблоки... Книжку напишу...

Внезапно звонит телефон. Клявин лениво показывает Вячеславу Андреевичу – мол, возьми. Вячеслав Андреевич берёт трубку.

Вячеслав Андреевич. *(В трубку, с нарастающим удивлением).* «Перемена?»... Да... Здесь... Юрий Львович? ... *(медленно передаёт трубку Клявину).*

Клявин. *(Настороженно, держа трубку, как бомбу).* Да, Юрий Львович, Иван Сергеевич. Клявин слушает... Спасибо... *(несколько замямшись)* Да, уже знаем. Спасибо... Приезжаете? Да, нет, мы, конечно рады. Через неделю? Да, что вы – ничего и не готовили, и не собирались... Да... Да... Вот и договорились... Ждем... Да-да... До встречи, дорогой *(кладёт медленно трубку).*

Вячеслав Андреевич. *(Тревожно).* Что?

Клявин. *(Воодушевляясь).* Сорос. Вторая степень. Афанасьев едет. Ну, вы у меня попляшете, погудите! *(грозит пальцем куда-то в небо).* Вы у меня увидите, что Иван стоит! *(Оборачиваясь к Славику).* Вячеслав Андреевич, Рейзиса, Нинель Николаевна, Маргариту Фёдоровну – быстро. Быстро, я сказал, – что стоишь? *(Вячеслав Андреевич убегает. Иван Сергеевич ходит по кабинету, потирает руки, останавливается у портрета Гайдара).* А, Аркадий Петрович, еще держимся! *(Отдает салют по-пионерски).*

Поворачивается сцена. Па авансцене Ирка, Сократ, Митяй, Алекс, Ирка между Сократом и Митяем. Сократ с гитарой. Поют как бы для себя.

Один солдат на свете жил,
Весёлый и отважный.
Он переделать мир хотел,
Но был солдат бумажный.
Не доверяли мы ему
Своих секретов важных,
А почему, да потому,
Что был солдат бумажный...

Занавес
Конец второй части

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ЮБИЛЕЙ.

Школьная рекреация. Надписи на кабинетах крупными буквами: «Кабинет физики», «Кабинет человекознания», «Музей перестройки», в центре стенд с надписью «Вперёд, к победе капитализма». На стенде ленинская фигура в профиль с вытянутой вперёд рукой с лицом Егора Гайдара. Стенд загорожен большой пальмой.

Звонок. Врубают музыку. На этот раз – это песня группы «На-на» «Фаина». Двери кабинетов распахиваются. Появляются школьники и учителя. Учителя – в подчеркнуто строгих костюмах, школьники одеты как и раньше пёстро и поразному. Все движутся в разные стороны.

Беленькая и черненькая восьмиклассницы в кимоно раскланиваются друг с другом по восточным правилам. Дева дирижирует кришнаитами. Кришнаиты скандируют «Харе Кришна, Харе Кришна...», Юрок, Радик и Олег вытаскивают из рюкзаков коробки «Сникерс» и что-то, пихая коробки друг к другу, энергично обсуждают. Музыка становится тише.

Сократ. *(Перебирая струны, речитативом напевает Цоя).*
«Сколько миров мы сжигаем в час...

Рядом с ним Бяша, что-то считает на большом калькуляторе.

Сократ. Бяша, что делаешь?

Бяша. Миры считаю.

Проходят, что-то обсуждая, Вячеслав Андреевич и Рейзис. Сократ показывает им вдогонку «викторию». Вячеслав Андреевич, не оборачиваясь, машет своей

викторией. Пробегают, озабоченные, Нинель Николаевна и Маргарита Фёдоровна.

В этой толпе появляется высокий, черноволосый кудрявый человек лет сорока пяти, в элегантном тёмном костюме, в итальянской рубашке, без галстука, с журналистской сумкой через плечо. Это Юрий Львович Афанасьев. С ним среднего роста мужчина, усатый, ёжиком волосы, в строгом костюме с галстуком и круглым значком с изображением Ельцина. Это Эдуард Тимурович Гайворонский – заведующий горно.

Афанасьев вертит во все стороны головой, ему всё интересно и любопытно; проходя мимо восьмиклассниц-каратисток, отвешивает восточный поклон; останавливается у юных кооператоров, берёт из коробки сникерс и что-то нагнувшись, спрашивает; пересекаясь с Сократом и Бяшей, прислушивается к их песни и начинает бормотать свою: «Уви шелл оверкам»...

Гайворонский всё время что-то говорит и объясняет Афанасьеву. Тот, хотя и кивает, но слушает совершенно вполуха.

К Афанасьеву подсакивают Алекс и Митяй.

Алекс. Юрий Львович, два слова для «Молодёжки». *(Афанасьев что-то толковывает Митяю и Алексу. Что – не слышно).*

Сцена поворачивается, Кабинет Клявина. Стоят как бы по ранжиру Рейзис, Вячеслав Андреевич, Маргарита Фёдоровна, Тиви. Иван Сергеевич ходит вдоль «строя», напевая «Первым делом, первым делом самолёты...». Внезапно останавливается напротив Рейзиса.

Клявин. Журналы?

Рейзис. Всё исправлено. Комар носа не подточит. Количество двоек и пятёрок соответствует стандарту.

Клявин. Планы? *(Вбегают Нинель Николаевна и с ходу начинает тараторить).*

Нинель. Всю ночь писали. Три задачи, восемь направлений, шестнадцать посещений *(переводит дух)* на дому.

Клявин. Всего?

Нинель. У каждого.

Клявин. Так. Занавески?

Вячеслав Андреевич. Подняты на недостижимую высоту, как велит СЭС.

Клявин. X-м. Форма?

Маргарита Фёдоровна. *(Не смущаясь).* Харе Кришна почищены и отглажены.

Клявин. *(Морщится).* Ах, да, форму же отменили. Уроки?

Рейзис. Новаторские.

Клявин. Верю. Театр?

Тиви. Классика.

Клявин. Классика – это хорошо. По позициям! Виктор Иосифович, Нинель Николаевна, останьтесь. (*Все уходят, кроме Рейзиса и Нинель*).

Клявин. (*Нагибаясь к Рейзису и Нинель*). Где?

Нинель Николаевна. С Эдуардом Тимуровичем в рекреации.

Клявин. Настроение?

Рейзис. Поёт.

Клявин. Поёт? Хм. Что поёт?

Рейзис. Ви шел оверкам сам дей.

Нинель Николаевна. (*Шёпотом, оглядываясь на дверь*). По-английски.

Клявин. Поёт – это хорошо.

Дверь открывается. Появляются Афанасьев и Гайворонский.

Гайворонский. (*Афанасьеву, продолжая какой-то разговор*). А сын Геннадия Эдуардовича Бурбулис, он, где сейчас?

Афанасьев. (*Раскрыв руки движется мимо Клявина к Рейзису*). Так вот вы какой. Я так и знал. Я так и думал. (*Рейзис растерян, вынимает трубку изо рта, приготовился вроде, бы обниматься.*)

Клявин. К-х. Разрешите представиться – Иван Сергеевич. Здесь – директор.

Афанасьев. (*Разворачиваясь*). Ах, простите. Это же Иван Сергеевич, А я вас, Иван Сергеевич, знаете ли знаю вот с таких лет (*показывает вниз*). Я ведь соседнюю школу кончал и с вашими пацанами на баскетбол бегал. Так они всё: Иван, да Иван. Вот какое дело. А свиделись – вот только сейчас.

Клявин. (*Показывая на Рейзиса*). Виктор Иосифович Рейзис – мой заместитель, правая рука, можно сказать. (*Афанасьев жмёт руку Рейзису*).

Клявин. А это Нинель Николаевна – второй зам, моя левая рука.

Нинель Николаевна. Ну, вы уж скажете, Иван Сергеевич (*Афанасьев целует руку Нинель*).

Афанасьев. Как у вас хорошо. Вот кооператив ребятки организовали (*Клявин беспокойно смотрит на Вячеслава Андреевича. Тот пожимает плечами*). С молодёжной газетой сотрудничаете.

Рейзис. (*В сторону*). И здесь пострелы успели.

Афанасьев. Это, знаете ли, не у всех. Молодцы! (*обращаясь к Гайворонскому*). Верно, Тимур Эдуардович?

Гайворонский. (*Бормочет*). Эдуард Тимурович.

Афанасьев. (*Продолжая*). Цветочки продают у забора.

Клявин. (*Настороженно*). Какие цветочки?

Афанасьев. Ну, как же. Вот мы подъезжаем, и прямо у входа в гимназию девушка такая энергичная, кудрявая так и сказала: «От гимназии киоск – цветочки продаём». Молодцы, правильно.

Нинель Николаевна. (*В сторону*). Ну, Людка, мать под монастырь подводишь.

Клявин. Ах, да...

Рейзис, глядя на Нинель, крутит у виска.

Клявин. Уважаемый Юрий Львович! Уважаемый Эдуард Тимурович. Мы сделаем так (*Нинель кивает*). Сначала в школу, в жизнь, на поприще, так сказать. Позже школьный праздник, школьный театр и, конечно, педсовет. У нас, знаете ли, Юрий Львович, юбилей.

Афанасьев. (*Настороженно*). Ваш?

Гайворонский. Ну, что вы (*торжественно*). Сто с четвертью её императорского высочества Александры, первой в городе женской гимназии.

Афанасьев. (*Удивлённо*). Женской?

Клявин. Когда-то, когда-то была. Хотя, думаем, подумываем не вернуть бы, а? (*Смотрит вопросительно на Афанасьева*).

Гайворонский. Да, мы тут это дело прорабатываем. Вот группа передовых учителей на гувернантов учится. Вот Нинель Николаевна тоже.

Нинель Николаевна. (*Изображая смущение*). Ну, что вы, Эдуард Тимурович.

Афанасьев. Да? Это хорошо (*как бы очнувшись*). Ну что ж, форвард, вперёд – как говорят братья-варяги.

Клявин. Виктор Иосифович, возглавьте.

Афанасьев жмёт руку Клявину, Нинель, Рейзису, Гайворонскому, снова Клявину.

Афанасьев. ... Ах, да...

Рейзис. Форвард. (*Рейзис и Афанасьев уходят*).

Гайворонский. Ну, Иван Сергеевич, ты понял, что за птица? У Егора Тимуровича главный советник по образованию. Вот! Так что пан или пропал (*уходит*).

Клявин. (*Нинель Николаевне*). Проследи и будь умницей. (*Нинель кивает и уходит*).

На авансцене Афанасьев, Гайворонский, Рейзис. Сцена поворачивается так, что перед нами ненадолго появляются выгородки различных кабинетов, слышатся фрагменты уроков. Афанасьев, Рейзис и Гайворонский, оставаясь на авансцене, участвуют в действии.

Голоса из кабинета физики:

– Ньютон предлагал в парламенте открыть форточку – демократическим путём защищал здоровый образ жизни.

– Белл изобрёл самое демократическое в мире устройство – телефон – что хочешь говори – ничего не будет.

– Эдисон начинал мелким предпринимателем...

Афанасьев. А кончил крупным.

Голос из класса. ... а кончил крупным.

Афанасьев одобрительно кивает.

Голос Бяши. (*Из другого кабинета*) Ай лав Циолковский. Ю лав Гайворонский.

Гайворонский. Ну, это лишнее.

Голос Бяши. Ши лав Афанасьев.

Афанасьев. (*Подсказывает в дверь*). Ви лав май тиче.

Бяша. (*Не обращая внимания на подсказку*) Ви лав Гайдар.

Афанасьев. Ну, вот, не послушал.

Афанасьев, Гайворонский, Рейзис входят в кабинет истории. За столом – Маргарита Фёдоровна. За партами ребята: Радик с беленькой восьмиклассницей, Юрик с чёрненькой, отдельно сидит Олег. Все замерли в позе первоклассников.

Рейзис. (*Взмахнув рукой*). КЛЮО – Клуб Любителей Исторических открытий. Прошу любить и жаловать. Руководитель - учитель-методист Маргарита Фёдоровна. (*Рейзис машет рукой, шепчет что-то Гайворонокому*).

Сцена оживает.

Маргарита Фёдоровна. *(Торжественно).* Историко-космогоническая группа Чижевского.

Беленькая девочка. Есть!

Афанасьев. Ага, понятно,

Гайворонский. Да, да. Чижевский, наш великий астроном.
(Видно, что ему ничего не понятно).

Радик. Мы открыли Закон Власти.

Беленькая. В России.

Радик. Да, в России.

Маргарита Фёдоровна. Закон?

Радик. Точно, закон. Точка отсчета – 1979 год.

Маргарита Фёдоровна. Э-э?

Беленькая. Максимум солнечных пятен.

Маргарита Фёдоровна. *(Облегчённо).* Ах, да.

Гайворонский. *(Что-то высчитав на бумаге).* Верно.

Радик. Числовая последовательность – три- три-пять.

Маргарита Фёдоровна. Три?

Беленькая. 1982 год.

Радик. *(Торжественно).* Леонид Ильич Брежнев.

Гайворонский. *(Афанасьеву).* Умер *(Афанасьев – не слышит – увлечён происходящим).*

Беленькая. Три!

Радик. 1985 год. Михаил Сергеевич Горбачев.

Гайворонский. Избрали.

Беленькая. Пять! – 1990. Максимум солнечной активности.

Радик. Ельцин!

Маргарита Фёдоровна. *(Увлекаясь).* Здорово!

Беленькая. Я вообще-то считаю, что можно и дальше считать.

Маргарита Фёдоровна. *(Настороженно).* Дальше? *(По мере называния цифр все как будто замирают).*

Беленькая. Три – 1993, три – 1996, пять – 2001. Но Радик со мной не согласен.

Радик. Я вообще-то согласен. Но только максимум Солнца это одиннадцать плюс-минус один. Так что может чего и в 2000 случится.

Гайворонский. Уф, наваждение.

Маргарита Фёдоровна. Дети, дети, не увлекайтесь, не увлекайтесь. Мы же на занятии. Как руки у вас, руки как надо

держат. (*Восьмиклассники складывают руки*). Слово группе имени электората.

Чёрненькая девочка. Мы открыли Закон имён (*замолкает, ждёт реакции Маргариты Фёдоровны*).

Афанасьев. Продолжай, девочка, продолжай.

Чёрненькая. Руководитель страны, когда мы родились, был на букву Б – вторая буква алфавита.

Маргарита Фёдоровна. Да, верно.

Юрик. Следующий руководитель на букву Гэ – четвёртая буква. Сейчас на Е (*радостно*) - шестая буква!

Афанасьев. (*Шёпотом*). Следующий на восьмую букву – Жэ! Не дай бог! (*Хатается за голову*).

Черненькая. Юрик считает, что следующая буква – Жэ, но это не диалектично. Надо учитывать солнечный цикл. Поэтому следующая буква одиннадцатая от Е. Это Пэ.

Гайворонский. (*С интересом*). А нельзя, гм, высчитать вторую букву?

Юрик. Это трудно. Но у меня гипотеза есть: надо считать с конца и чтобы на втором месте в числе была двойка. Тогда получается «У», Но это надо еще проверить.

Маргарита Фёдоровна. Да, недоработали, недоработали.

Гайворонский. (*Бормочет*) Пу-Пу-Пу. Нет, не знаю такого. Уф. Ерунда (*облегчённо*). Чушь.

Афанасьев. (*Маргарите Фёдоровне, показывая на Олега, который тянет руку*). Есть ещё группа?

Маргарита Фёдоровна. Да. Экономическая группа имени Чубайса.

Афанасьев. Чубайса?

Олег. Я никакая ни группа, я сам по себе.

Маргарита Фёдоровна. Ага, значит ты пришел за товарищей поболеть.

Олег. Нет, почему же. У меня тоже открытие

Гайворонокий. И какое?

Олег. Как всех сделать миллионерами.

Афанасьев. (*Улыбаясь*). Миллионерами? Никак не меньше.

Олег. Можно меньше. Каждому по десять тысяч.

Афанасьев. Тоже неплохо.

Маргарита Фёдоровна. (*С подозрением*). И как?

Олег. Сто долларов.

Маргарита Фёдоровна. Что, сто долларов?

Олег. Стоит секрет.

Маргарита Фёдоровна. *(Разочарованно).* А-а!

Гайворонский. Подождите, подождите *(вынимает сто долларов и кладет на стол).* Вот.

Олег. *(Смотрит на свет).* Годится. Секрет прост *(встаёт, подходит к доске, говорит и пишет).* Продаём ста человекам ваучеры по сто рублей, обещая отдать по десять тысяч.

Афанасьев. Ну, ну...

Олег. Потом продаём ваучеры десяти тысячам по сто рублей. Получится миллион. Вот его и отдаем первым ста. Каждому по десять штук.

Афанасьев. А эти десять тысяч остаются, значит, с носом?

Олег. Ну, почему же. Мы продаем ваучеры следующим – миллиону, выручаем сто миллионов и раздаём по десять тысяч.

Гайворонский. Потрясающе. Мировое открытие. Сегодня же Егору Тимуровичу...

Афанасьев. Значит с носом теперь миллион.

Олег. *(Восторженно).* Нет! Продаем ваучеры ста миллионам.

Афанасьев. Ну, хорошо, хорошо. И каждому из первого миллиона по десять тысяч.

Олег. *(Радостно).* Да!

Гайворонский. *(Восторженно).* Гениально.

Маргарита Фёдоровна. *(В ужасе).* А чтобы расплатиться со ста миллионами нужно продать ваучеры десяти миллиардам, в два раза больше населения земного шара!

Олег. *(Чешет затылок).* Да, это я недосчитал.

Афанасьев. Вот то-то и оно! Людей, Олежек, не обманешь. Люди – не дураки. Не дураки. Не купят у тебя эти ваучеры.

Гайворонский. Но как же, как же, здесь всё равно что-то есть, не может быть, чтобы ничего не было. Ведь так получается!

Афанасьев. *(Гладит Олега по головке).* Не горюй мой замечательный финансист. Всё будет *(смотрит вдаль)* и богатые будут, и счастливые будут. Дай время. Дай срок.

Вбегает Нинель Николаевна.

Нинель Николаевна. Ах, вот вы где. Все уже заждались. Быстрее. Быстрее. Начинаем. В музыкальную гостиницу. Там маленький перекус и в зал. Все уже ждут. Всё готово. Ю-би-лей.

Афанасьев подаёт руки по очереди ребятам и Маргарите Федоровне, уходит вслед за Гайворонским и Нинель Николаевной, за ними спешат и «историки».

Актный зал. В центре, чуть в глубине место для выступающих. Слева и справа места для зрителей. В зале все действующие лица. Афанасьев на протяжении всей сцены что-то пишет в блокнот. В центре Екатерина Ивановна. Она открывает торжество.

Екатерина Ивановна. Уважаемые дамы, господа и товарищи. Открываем нам юбилейный вечер. Диэ ледис, дкентельменс энд камрадс. Ауэ парти из стартинг. К гимну гимназии встать. *(Все встают, звучит музыка, может быть это «Happy birthday»)*

Юрок. *(Олегу).* Где, где леди? *(вертит головой).*

Олег. Ну, это так, фигурально.

Радик. Фиг чего? *(Олег машет в ответ рукой).*

Опытный. *(Молодому).* Что она сказала – какую партию?

Молодой. Пати – это вечеринка.

Опытный. Вечеринка – это свежо. *(Музыка обрывается, все садятся).*

Екатерина Ивановна. Слово для приветствия отцу Марлену, ох, извините, батюшке Пимену и нашей народной целительнице Авроре Николаевне.

Афанасьев отрывается от блокнота и вопросительно смотрит на сцену.

Юрок. Чьему батюшке? *(Видит поднимающегося на сцену отца Пимена).* А-а, знаю. Это Таньки с восьмого бэ папаня. *(С другой стороны на сцену поднимается коммерсантка-экстрасенс).*

Председатель. *(Бормочет).* Когда это в Авроры переделалась, вчера еще на Анечку откликалась.

Батюшка. Я благославляю нашу гимназию. Путь её тернист и долог. Было время разбрасывать камни, будет время собирать...

Рейзис. *(Шёпотом).* Сам и разбрасывал...

Коммерсантка-экстрасенша. Всякое набралось в карме нашей гимназии, но её духовный владетель, наш Иван Сергеевич...

Батюшка. (*Перебивая*). Будет время собирать камни и как сказал отец наш небесный...

Коммерсантка-экстрасенша. (*Перебивает*) ...ауру за аурой, очищая астральное тело.

Радик. Чьё тело?

Олег. Это по астрономии.

Батюшка. (*Сердито*). Отец наш сказал «Камень отвергнутый строителями да делается главою угла».

Коммерсантка-экстрасенша. И я говорю – откроется нам Шамбала.

Беленькая девочка. (*Чёрненькой*.) Никак не пойму – они вместе или ругаются?

Батюшка. И я говорю словами отца нашего; блаженны очи, видящие то, что вы видите сегодня.

Дева. (*С восторгом*). Тебя видим, батюшка.

Председатель. (*В сторону*). Эх, научился. Но про комсомол у него чувствительней получалось.

Батюшка и экстрасенша раскланиваются и под аплодисменты уходят в «зал».

Екатерина Ивановна. А теперь слово гранд увоче го-ро-но (*выходит Опытный*).

Радик. Гранд? Испанец, значит?

Юрок. Не похоже.

Екатерина Ивановна. ... старейшему ученику нашей школы...

Чёрненькая девочка. Ух, ты!

Опытный. Дорогие друзья. Я счастлив присутствовать на замечательном юбилее двадцатипятилетия родной школы, Я счастлив приветствовать глубокоуважаемого Ивана Сергеевича Клявина, с которым мы шаг в шаг, душа в душу прошли все эти годы.

Беленькая. Сколько же ему лет? Не может быть, чтобы сто двадцать пять!

Чёрненькая. Может он йог?

Опытный. Сегодня я счастлив работать под руководством лидера преобразований образования Эдуарда Тимуровича Гайворонского.

Рейзис. (*В сторону*). А значит не ты на Гайворонского телегу в обком катал?

Опытный. Я счастлив знакомству с выдающимся прорабом перестройки Юрием Львовичем Афанасьевым. Юрий Львович, я всегда верил в вашу звезду, с того самого часа, как мы в комиссии проверяли ваше школьное сочинение.

Афанасьев. *(В сторону).* Ах, вот из-за кого мне медаль не дали.

Опытный. Я счастлив. И посему, от имени гороно разрешите сделать первой гимназии небольшой подарок. *(Молодой с трудом втаскивает на сцену большой картонный ящик с изображением на коробке большого глаза).*

Опытный. *(Торжественно).* Полуавтоматическое селекторное устройство «Око»! Подключается во все классы и в кабинете директора слышно, что творится на каждом уроке. Вот такое сотрудничество. Первый в нашем городе образец.

Нинель Николаевна. *(В сторону, в ужасе).* Это, чтобы Иван слышал что у меня в классе делается. Нет уж, не бывать такому... *(Все аплодируют. Клявин встаёт и кланяется. Молодой двигает с натугой ящик дальше, за сцену. Опытный спускается в зал).*

Екатерина Ивановна. Наша гимназия не отстаёт от времени. По инициативе учащихся восьмого класса у нас создан кооператив «Чёрные ночи» *(на сцене, подталкивая друг друга, под аплодисменты появляются Олег, Юрок и Радик с листочками в руках. За ними идет почему-то Нинель Николаевна).*

Олег. *(Мрачно).* Не чёрные, а синие.

Екатерина Ивановна. Что синие?

Юрок. Ночи.

Екатерина Ивановна. *(Торжественно).* «Синие ночи». Клятва юного кооператора. Исполняют ученики восьмого класса и завуч школы Нинель Николаевна.

Нинель Николаевна. *(Вдохновенно).* Я юный кооператор...

Восьмиклассники. *(Хором, по листочкам).* Юный кооператор.

Нинель Николаевна... Российской Федерации.

Восьмиклассники. ... Российской Федерации.

Нинель Николаевна. Перед лицом своих товарищей торжественно клянусь!

Восьмиклассники. *(Нестройно).* Клянусь!

Нинель Николаевна. ... горячо любить свою Родину.

Восьмиклассники ... Клянусь...

Нинель Николаевна. ... как учит демократическое движение, как завещал Пьер Жозеф Прудон.

Восьмиклассники... клянусь...

Радик. *(По бумажке).* Мы обещаем лидеру экономических реформ Егору Гайдару и лично прорабу перестройки Юрию Афанасьеву держать знамя юного кооператора и никогда его не опускать.

Афанасьев. Так-так-так...

Нинель Николаевна. Общее собрание кооператива *(заглядывает в бумажку)* «Синие ночи» решило единогласно принять в почетные члены Юрия Львовича Афанасьева и вручить ему удостоверение юного кооператора *(поднимает вверх корочки).*

Юрок. *(Олегу).* Что она несёт – когда это было? *(Олег хмуро пожимает плечами. Зал аплодирует. Музыка. Нинель Николаевна спускается в зал и пытается вручить удостоверение Афанасьеву. Тот прячет руки, мотает отрицательно головой и пытается что-то говорить Нинель. Нинель запикивает удостоверение ему в карман, целует Афанасьева и торжественно шагает на свое место. Юрий Львович хватается за щеку).*

Екатерина Ивановна. А теперь слово одиннадцатиклассникам. Сонг из программы группы «Дай-дай».

Выходит Дева. Она поёт песню, спускаясь в зал и останавливаясь по очереди перед Клявиным, Гайворонским и Афанасьевым. Афанасьев пытается уклониться от Девы.

Дева. *(Поёт)* Я тебя не приручала, Я тебя не обучала. Если всё будет после. Я не звонила бы и не скучала. Если всё будет после, то для начала бы я промолчала. Если всё будет после, мы с тобой не едим в гости. Не спеши – ты же способный. Не спеши – ты же особый. Если всё будет после, я не звонила бы и не скучала. Если всё будет после, то для начала бы я промолчала. Если всё будет после, мы с тобой не едим в гости. *(Зал, сначала школьники, а потом и педагоги подпевают припев, аплодируют. Песня заканчивается. Дева вскидывает руки вверх и идет на свое место).*

На сцене снова Катерина.

Екатерина Ивановна. А теперь слово нашему родительскому комитету. *(На сцену выходит коммерсантка-экстрасеншиа с большим пакетом в руках)*

Коммерсантка. В честь юбилея гимназии мы дарим нашему уважаемому гостю...

Председатель. *(С места).* Не гостю. Клявину, Клявину...

Коммерсантка. *(Отмахиваясь).* Мы дарим нашему дорогому гостю Юрию Львовичу от чистого сердца *(открывает пакет)* Небольшой подарок *(вытаскивает из пакета и разворачивает фиолетовый свитер с розовыми голыми девицами).*

Екатерина Ивановна. *(Пытаясь закрыть собой свитер).* А теперь – антракт. После антракта все в школьный театр *(показывает вверх рукой).*

Врубается музыка, почему-то снова «Хэппи бёф дей» . Все встают и оживлённо переговариваясь, не спеша группами расходятся. На переднем плане Коммерсантка и Афанасьев перепихивают друг другу свитер.

Театральная комната. На сцене Беленькая и Черненькая в красно-синих галстуках.

Беленькая. Школьный театр «Тусовка-Бригантина» показывает.

Чёрненькая. Николай Васильевич Гоголь «Ревизор».

Хором. Фрагменты.

Ребята, исполняющие гоголевские роли, загримированы под педагогов. Исполняющий городничего – под Клявина, зрителя училищ – под Гайворонского, попечителя богоугодных заведений – под Вячеслава Андреевича, судьи – под Рейзиса, Бобчинского и Добчинского – под Опытного и Молодого, Анну Андреевну – под Маргариту Фёдоровну, Марию Антоновну – под Нинель Николаевну. Кто из ребят играет какую роль - по воле режиссёра.

Открывается занавес. Приглашённые к Городничему чиновники выстраиваются во фронт. Перед ними выхаживает Городничий. Он резко останавливается и оборачивается к «господам».

Городничий. Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. К нам едет ревизор.

Судья. Как ревизор?

Попечитель. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Москвы, инкогнито. И ещё с секретным предписанием.

Судья. Вот те на.

Смотритель. И ещё с секретным предписанием!

Городничий. Я вас, господа, предупредил. По своей части я распоряжение сделал, советую и вам. Вот у вас, Артемий Филиппович (*обращается к попечителю*), чтобы на каждой парте'с, на каждом приборе, чтобы надпись была – на латыни... или там еще на каком языке

Попечитель. Ну, это ещё и ничего. Надпись-то можно сделать.

Городничий. А вам, Лука Лукич (*обращается к смотрителю*) нужно позаботиться насчёт учителей. Они люди конечно, учёные и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки.

Смотритель. Да я уж и сам, право, не знаю, что с ними делать,

Городничий. Особо замечу об учителе по литературной части. Она – учёная голова, только объясняет с таким жаром, что не помнив себя особо как до Льва Николаевича Толстого доберётся. Пожар! Оно, конечно, Лев Николаевич – великий человек, но зачем же стулья ломать. (*Вбегают Добчинский и Бобчинский, Все поворачиваются я к ним*).

Первый. Чрезвычайное происшествие.

Все. Что? Что такое?

Второй. Только мы в гостиницу с Петром Ивановичем...

Первый. Э-э, позвольте же, Пётр Иванович, я расскажу...

Городничий. Да, говорите же, сердце не на месте.

Первый. Только мы в гостиницу, а тут и он.

Все. Кто?

Второй. Ревизор!

Городничий. Ревизор?

Первый. Тот самый, о котором вы, Антон Семёнович, изволили письмо получить.

Все. Ах! (*Вбегают Мария Антоновна и Анна Андреевна. На переднем плане так же Бобчинский и Добчинский. Остальные – на втором плане – прислушиваются к разговору*).

Мария Антоновка. Где? Где? Ну, рассказывайте, рассказывайте. Что он?

Анна Андреевна. Генерал?

Бобчинский. Нет, не генерал, а не уступит и генералу. Такое образование и поступки'с важные.

Анна Андреевна. Настоящий ревизор?

Добчинский. Настоящий. Настоящий. Я это первый открыл... вместе с Петром Ивановичем.

Мария Антоновна. Ах, все это вздор, маменька. Скажите лучше, как он, стар или молод?

Бобчинский. Молод, молод и говорит так славно.

Добчинский. И глаза такие быстрые... Как зверьки... в смущение приводят.

Мария Антоновна. А-ах!

Попечитель. (*Выступая из второго ряда*). Да кто же он, имя каково?

Бобчинский. (*Торжественно*). Журналист из Москвы!

Добчинский. Афанасьев!

Все хором. Юрий Львович! Ах!

Все «артисты» оборачиваются к залу и показывают на Афанасьева. Немая сцена. Афанасьев неожиданно встаёт и начинает кланяться. Первый приходит в себя Рейзис, начинает аплодировать, остальные поддерживают.

Рейзис. (*Обрывая аплодисменты, озабоченно смотрит на часы*). Так-так, значит... на педсовет, господа! На педсовет, товарищи. Время!

Сцена поворачивается. На ней два ряда столов под углом друг к другу. На них шампанское, водка, закуски. У столов хлопочут члены родительского комитета во главе с Маргаритой Фёдоровной. Входят Афанасьев, представители гороно, Клявин, Рейзис, другие педагоги, родительский комитет.

Молодой. (*Опытному, растерянно оглядывая бутылки*). А педсовет? Я вот тут выступление подготовил о Штайнере и Макаренко, не успел только переписать... (*теребит листочки*).

Опытный. (*Потирая руки*). А вот сейчас и будет педсовет.

Маргарита Фёдоровна. Прошу, прошу. Вот ваше предназначение (*показывает Опытному на край*). Юрий Львович, у вас кресло номер один. (*показывает на другой край*).

Афанасьев благодарит, проходит на указанное место, вытаскивает из портфеля стопку книг, кладет на стол, отодвигая в сторону бутылки. Педагоги и родители с шумом рассаживаются. Клявин уверенно идет к центру – к месту пересечения столов. Рядом с ним устраиваются Рейзис и Нинель Николаевна.

Рейзис. (*Стучит по графину с соком*). Уважаемые дамы, уважаемые господа, уважаемое начальство (*кивает в сторону*

Гайворонского), дорогой Юрий Львович. Начинаем наш, так сказать, педсовет. Я думаю, такие формальности как секретари и президиум нам не обязательны. Поэтому – сразу за дело. Слово по делу предоставляется директору школы Ивану Сергеевичу Клявину.

Все более-менее дружно хлопают – кроме Афанасьева. Нинель замечает это и перестаёт хлопать.

Кдявин. *(В руках у него стакан с водкой).* Я хочу рассказать сказку. Жили-были два дикообраза. Когда дикообразы оказывались далеко друг от друга, они ёжились и зябли. А когда устремлялись навстречу – царапали друг друга и болели. Так мой тост – за оптимальное расстояние между начальством, прессой и школой. За расстояние, на котором тепло и не колко *(поднимает стакан).*

Гайворонский. А у вас-то как, Иван Сергеевич, с расстоянием?

Клявин. *(Поперхнувшись).* Только так! За юбилей! *(выпивает, все поднимаю бокалы и рюмки).* Афанасьев не поднимает рюмку. *(Нинель замечает и это. Гайворонский делает знак Рейзису).*

Нинель Николаевна. Слово нашему демократично уважаемому руководителю Эдуарду Тимуровичу Гайворонскому *(сама начинает хлопать, все недружно хлопают).*

Гайворонский. В эпоху когда мы отрываемся от старого мира и напрочь отказываемся от изживших форм тоталитарного образования, в эпоху инициативы, всеобщих порывов к демократии, педагогики сотрудничества, страховой медицины и свободы печати *(кивает Афанасьеву),* нам нужны свои маяки, свой огонь, своя атомная бомба – с программным управлением. И такое светило в нашем городе есть *(торжественно).* Это гимназия номер один во главе с педагогом-новатором Иваном Сергеевичем Клявиным! *(Все хлопают).* Как мы убедились сегодня в гимназии номер один царит нет, ни педагогика сотрудничества *(все насторожились).* Демократические перемены в нашем обществе, возглавляемые Борисом Николаевичем Ельциным и такими перестройщиками как Юрий Афанасьев, позволили команде Клявина подняться на новую высоту, высоту сотворчества, сомышления и солюбия! Мы гордимся, что наш город дал российской и, заметьте мировой педагогике, и Сорос нас заметил, новое звучное имя – Клявин.

Аплодисменты, Гайворонский идёт к Клявину и пьёт с ним на брудершафт.

Рейзис. А теперь слово нашему уважаемому гостю, нашему земляку Афанасьеву Юрию Львовичу.

Афанасьев. *(Встаёт с бокалом в руке. Говорит сначала медленно, потом быстрее и громче).* Я хочу сказать честное слово *(задумывается)*. Да, честное. В каждом человеке борются две силы, два существа: Рабство и Свобода. Свобода говорит – понимай, что достойно, и честно работай. Рабство подсказывает – подлаживайся и изображай, что необходимо. Побеждает то одно, то второе. Увидеть что же в действительности происходит порою, трудно и трудно. Глаза, завешанные пеленой необходимости, оказываются кривым зеркалом. Снять пелену больно и не хочется *(решительно)*. Я не стану поднимать этот бокал *(ставит его на стол)*, потому что сейчас и здесь достоинство проиграло. Все, у кого открыты глаза, все, у кого сердце жаждет правды - это видят. Но бывает и видящие притворяются. Я не могу поддержать эту школу. Я не могу поддержать Иван Сергеевича Клявина, потому что поддержать его – встать на сторону несвободы, оказаться в королевстве кривых зеркал, отказаться от мечты о достойной жизни *(замолкает)*. Это не честно. *(Афанасьев начинает переключать книги со стола в сумку. Книги с шумом падают. Все вздрагивают. Он их собирает и уходит. На спинке стула остаётся свитер с розовыми девушками)*

Немая сцена.

Коммерсантка. *(Вскакивая).* А свитер? *(С другой стороны стола встают и уходят Гайворонский, Опытный и, чуть замешкавшись, Молодой).*

Клявин. *(Со стаканом в руке).* Уважаемые коллеги и коллегины. Педсовет продолжается!

В пустой рекреации Гайворонский и Опытный пишет. Молодой, заламывая руки, ходит из угла в угол.

Гайворонский. Пункт первый. За неоднократное моральное разложение и необеспеченность инновационного мероприятия государственной важности Клявина Ивана Сергеевича, директора гимназии номер один от занимаемой должности освободить. Точка.

Пункт второй. Назначить временным исполняющим директора (*замолкает, обращается к Опытному*). Кого?

Опытный. Виктора Иосифовича Рейзиса.

Гайворонский. (*Диктует*). Виктора Иосифовича Рейзиса. Точка. Заведующий городским отделом образования Гайворонский. (*Опытному*). Оформить (*уходит*).

Молодой. (*Останавливаясь, с ужасом*). Что же теперь будет?

Опытный. Ни-че-го.

Театральный кабинет. Татьяна Викторовна и Афанасьев.

Афанасьев. ... я и не знал...

Тиви. Вот видишь.

Афанасьев. Как живёшь, Таня?

Тиви. Спасибо, Юра, неплохо.

Афанасьев. Тогда...

Тиви. Да, я помню...

Афанасьев. ... я не понял...

Тиви. ... Быльём поросло...

Афанасьев. ... Двадцать один год..

Тиви. Очко... А ты такой же, наступатель.

Афанасьев. И-да... А Сергей где?

Тиви. Мы расстались... Давно...

Афанасьев. Ты одна?

Тиви. Нет, не одна.

Афанасьев. Кто он?

Тиви. Ты его верно знаешь. Гречин Артём.

Афанасьев. Артём Гречин, твой муж? (*Тиви кивает*). Но он же в Москве, в Думе.

Тиви. Да.

Афанасьев. А почему же ты здесь?

Тиви. А где же мне быть? Мама очень старенькая, квартира, ребята (*обводит руками*). Бяша.

Афанасьев. Бяша твой сын?

Тиви. Да, младшенький.

Афанасьев. А старший?

Тиви. Тёма в Абхазии, служит.

Афанасьев. В Абхазии...

Тиви. (*Кивает*). Да.

Афанасьев. *(После некоторого молчания).* Ты знаешь, в Гречина в субботу стреляли.

Тиви. Промахнулись...

Афанасьев. Да. *(Молчание)*

Тиви. *(Резко).* Юра, ты зачем так говорил?

Афанасьев. Что говорил?

Тиви. Ты зачем так говорил, несправедливо. Иван, он же днюет и ночует в школе. Это его дом, его мир, его кокон. Он его по лоскуткам собирал, склеивал, поштучно людей просеивал, прилаживал. Ты знаешь кто такой Рейзис? Он над каждым учителем, над каждым уроком дрожит как крестьянин над телёночком. Два инфаркта на школе схлопотал – не ушёл. А Славик! А Маргарита. У неё Родька с восьмого два месяца жил – от пьяных родителей-убийц спасался, пока тётка переехала и хоть какую-то жизнь наладила. Даже Нинель, пусть полная дура, попробуй кто при ней плохое о школе сказать – глаза выцарапает. Да ты знаешь, что из-за ваших идиотских конкурсов за одну ночь учителя столько бумаг накатали, сколько за год не писали. И не из-за страха, из любви к этому проклятому делу и этому месту, школе.

Афанасьев. Но ложь, Таня!

Тиви. Ложь – не ложь. Пена все это, паводок. «Весной бывают реки мутные, чтоб стать прозрачными под осень». Жизнь, дело – здесь, где дети. Есть единственная в мире задача – тянуть их вверх. Революции, начальство приходят и уходят, как пена на живой воде.

Афанасьев. Незаменимых – нет. Новое дело делают новые люди.

Тиви. Чушь! Незаменимые – есть. Уйдет Иван и всё кончится.

Афанасьев. Ну, это ты...

Тиви. *(Перебивая).* Юра, ты сделал дурное дело. *(В кабинет заглядывает Гайворонский).*

Гайворонский. Ага, нашел. Юрий Львович, мы опаздываем. Нас ждет глава администрации,

Афанасьев. *(Растерянно).* Да... Да... *(целует руку Тиви, уходит).*

Татьяна Викторовна медленно садится на стул и закрывает лицо руками. Появляется Бяша. Он подходит к Тиви и устраивается на полу у её ног, прислонившись к коленям. Молчание.

Бяша. Мам, а мы к Гречину в Москву полетим?

Тиви. Полетим...

Бяша. Мы возьмем Гречина и поедем к Тёме, да?

Тиви. Да, Боренька.

Бяша. А Тёма тогда уже выздоровеет?

Тиви. Выздоровеет (*гладит Бяшу по голове*).

Бяша. И его выпишут из госпиталя?

Тиви. Выпишут.

Бяша. И мы все споём тогда нашу песню?

Тиви. Споём.

Бяша. Мам, спой сейчас.

Тиви. А? (*Тиви тихо запекает, Бяша тоненьким голосом подхватывает*).

Горы высокие, горы далёкие, горы

И убегающий и умирающий снег.

Если вы знаете, где-то есть город, город

Если вы помните, он не для всех, не для всех

Странные люди заполнили весь этот город,

Мысли у них поперёк и слова поперек.

Из разговоров они признают только споры

И никуда не уходит отсюда дорог.

Если им горько, не плачут они, а смеются,

Если им весело, вина хорошие пьют,

Женские волосы, женские волосы вьются...

И неуютность им заменяет уют...

(Песня становится тише, свет гаснет).

Следующий день. Кабинет завуча. Никого, кроме Нинель Николаевны. Перед ней телефоны. Нинель набирает номер.

Нинель Николаевна. Викторина... Твой на месте? ... У губернатора? А Афанасьев? Уехал? Да, знаю, знаю... А потом они куда? С этими значит... Пили?.. Кофе... Н-да. А что слышно – кого будут ставить? (*Звенит второй телефон. Нинель берёт трубку и говорит попеременно сразу по обоим аппаратам*),

Нинель Николаевна. ... Да... Да... По оптовым? Шарфики? Рейзиса нет? ... Себе на уме?.. Розовые? Маргариту? Зеличковский двигает... С ума сошла, кто же их возьмёт за такую цену! ... Меня – то же? Миронов? ... Да... да, Людка, отстань от меня. Здесь – такое. Не

до Турции (*положила одну трубку*)... А он? А ему? (*разочарованно*). Да... У нас-то как? А никак. Тихо и мрачно. Нет, никого. Заперся и никого не зовёт. Даже не пьёт... Такие дела... Ну ладно, ты звони, если что. Пока...

Учительская. Учителя вяло и незаинтересованно делают свои дела и что-то говорят друг другу. Катерина закуривает у Рейзиса. Тиви жуёт пирожок, одновременно проверяя тетради. Рейзис чего-то пишет на листе ватмана. Маргарита обходит всех с листочком – как всегда собирает деньги. Тиви, не отрываясь от тетрадей, вытаскивает кошелёк. Маргарита Фёдоровна вынимает из кошелька деньги и ставит галочку на своём листочке.

Рейзис. (*Маргарите Фёдоровне, показывая что-то на листе ватмана*). Ты чего, кума, удумала – как же ты ему тройк ставишь, когда у него средний балл три и пятьдесят пять?

Маргарита Фёдоровна. (*Вяло*). А контрольные?

Рейзис. Не знаю какие там контрольные. У него мать – в больнице, а отец – в загуле. Поддержи парнишку.

Маргарита Фёдоровна. Ладно. Так и быть уж – хор.

Екатерина Ивановна. (*Слегка оживляясь*). А к Нинелиной Людке, в магазин шарфики завезли. Из Гондураса (*на её слова никто не реагирует*.) *Входит Вячеслав Андреевич.*

Вячеслав Андреевич. (*Размахивая каким-то листком*). Путёвки в Болдино. Не дорого. На пятнадцать школьников – один бесплатный учитель (*слабо реагирует только Татьяна Викторовна*).

Тиви. Сколько?

(*Вячеслав Андреевич листает блокнот*).

Рейзис. (*Сурово*) Болдино? А кто за четверть не отчитался, Татьяна Викторовна, а? (*Татьяна Викторовна разводит руками. Входит Нинель Николаевна*).

Маргарита Фёдоровна. Ну что? Кого?

Нинель Николаевна. Гайворонского.

Екатерина Ивановна. (*В ужасе*). Гайворонского? (*Рейзис вынимает трубку изо рта, Тиви поднимает голову от тетрадок, Вячеслав Андреевич захлопывает громко блокнот*).

Нинель Николаевна. (*Мрачно*). Шутка.

Театральный кабинет. Надпись над сценой «Тусовка «Бригантина». Здесь все ребята, кроме Алекса: Митяй, Ирина, Сократ с гитарой, Дева оба «Рама

Кришны, Юрок, Олег, Радик, Беленькая и Черненькая, Бяша. Кто сидит на полу, кто на стульях. Некоторые в красно-синих галстуках.

Дева. Что теперь будет...

Ирина. (*Мрачно*). Ничего.

Рама первый. Не надо было ставить.

Митяй. Да уж зарвались.

Рама второй. Иван, хоть и парент, но въезжает.

Чёрненькая. Мы когда девчонкам с других школ, ну, на карате, рассказываем – не верят.

Беленькая. Не бывает – говорят.

Рама первый. Не надо было.

Ирина. (*Взрываясь*). Надо. Либо честно – либо всё фигня.

Митяй. Вот и сделали честно. И что? – Та же фигня.

Сократ. (*Меланхолично*). Нет свободы и чести – нет хомосапиенс.

Дева. Что толку от твоих сапиенс – если Ивана выперли.

Рама второй. Накорми и возрадуй...

Сократ. (*Как бы переводит*). Хлеба и зрелищ.

Митяй. А хотя бы хлеба и зрелищ. Что-то о достатке того и другого не слышно.

Рама второй. Но Будда говорит- путь – просветление.

Дева. Ах ты мой, светленький, прозрачным скоро станешь. (*Обнимает Раму, тот отстраняется*).

Рама первый. Не надо было ставить.

Ирина. (*Шёпотом*). Надо. (*Молчание. Сократ перебирает струны гитары*).

Чёрненькая. А этот Афанасьев ничего.

Юрок. А тот с усами?

Беленькая. Да, уж,

Радик. (*Презрительно*). Де Артаньян.

Олег. А давайте заступимся. А? За Ивана. Митинг организуем, забастовку.

Дева. Организуешь, а потом аттестат не дадут и тю-ю...

Радик. (*Оживляясь*). Плакаты напишем.

Митяй. С тридцатью ошибками.

Беленькая. Тиви проверит. Верно, Бяша?

Бяша. Я не знаю.

Ирина. *(Вяло).* А что, может и вправду попробовать... *(Никто не реагирует).*

Вбегает Алекс, размахивая газетой.

Алекс. Победа!

Беленькая и Черненькая. Что, что?

Алекс. Наша взяла... Афанасьев... В «Перемене». О нас. Слушайте. *(Алекс грохается на пол, все сбиваются вокруг него).*

Алекс. *(Читает по газете).* «Я на днях побывал в городе Волжске, в гимназии номер один, где директор Иван Сергеевич Клявин. Запомните это имя. Как и всем нам гимназии живется нелегко, но ростки настоящего, нового» здесь бьют ключом. Инициативные восьмиклассники создали кооператив с замечательным названием «Синие ночи» *(Олег, Радик и Юрок хлопают друг друга по плечам и обнимаются).* И педагоги поддержали ребят. В гимназии работает настоящий клуб исторических открытий, во главе с учительницей истории Маргаритой Фёдоровной. Может быть именно здесь рождаются идеи, востребуемые в будущем двадцать первом веке. А школьный театр не побоялся в замечательно срежиссированных талантливом педагогом Татьяной Викторовной фрагментах гоголевского «Ревизора» протащить и некоего заезжего столичного журналиста...

Все. Урр-а-а!

Учительская. Учителя уныло занимаются бумажными делами.

Маргарита Фёдоровна. Ну, хоть кто анекдот бы рассказал.

Вячеслав Андреевич. Вбегает Маргарита Фёдоровна к Виктору Иосифовичу и говорит: «В восьмом «А» – полный кошмар. Я их спрашиваю «Кто взял Бастилию? А они – не знают». А Виктор Иосифович ей отвечает: «Не переживай, матушка, - взяли, поиграют, отдадут» *(все кисло улыбаются).*

Рейзис. Н-да. 1972 год. Ничего, Славик, переживём.

Вбегает Молодой с газетой в руках.

Молодой. Ура! Наша взяла!

Реплики

– Что?

– Что?

– Кто взял?

Молодой. Афанасьев! (*Общее недоумение*). Слушайте, слушайте. (*Читает громко газету*). «Трудная борьба идет в нашей школе: старое борется с новым. И не всегда новое побеждает. Я на днях побывал в городе Волжске в гимназии номер один, где директор Иван Сергеевич Клявин. Запомните это имя». Ну дальше о кооперативе, о театре – ну это потом. Вот, вот... Вы бы только посмотрели как замечательно, демократично держит себя на уроке молодой замдиретора, поклонник Цоя и Гребенщикова, Вячеслав Андреевич. Как умело, на равных, с чистым оксфордским произношением говорит с пятиклассниками юная учительница английского языка Екатерина Ивановна, кстати, дочь директора Клявина». Вот ещё... «Поддерживает гимназию в преодолении трудностей вместе со своими опытными и молодые сотрудниками заведующий горно, человек демократической формация по-настоящему чувствующий новое, Эдуард Тимурович Гайворонский.

Маргарита Фёдоровна. Наша взяла!

Нинель Николаевна. Ура!

Все, кроме Рейзиса. Ура!

Рейзис. А Иван знает?

Молодой. Да! Я ему отнёс экземплярчик только что.

Кабинет Клявина. Клявин за столом, дочитывает газету и отбрасывает ее в сторону. Молчание. Раздается телефонный звонок.

Клявин. (*В телефон*). Да, это я, Клявин... Слушаю, Эдуард Тимурович... Погорячились значит... Прочёл... Ещё поработаем, говорите... Вы полагаета, заявление надо забрать... А как же приказ? Отмените.. Нет уж, Эдуард Тимурович. Я человек старый и приказы привык уважать. Заявление не заберу. А вот так, не заберу и всё... Нет, этого не будет. И этого то же... Нет.

Кладёт трубку, звенит повторный звонок, но Клявин трубку не берёт. Телефон продолжает трезвонить. Клявин под эти звонки собирает со стола в большой старый портфель какие-то книги, бумаги, вынимает из стола стакан, недопитую рюмку водки, луковицу. Наливает, выпивает. Морщится – то ли на телефон, то

ли на водку. Закусывает луковицей. Бутылку, луковицу и стакан прячет в портфель. Видит на стене портрет Аркадия Гайдара. Залезает, кряхтя, на стол и снимает портрет. Отдувается с портретом в руках. Берёт портфель в правую руку, Гайдара – в левую, оглядывается назад и выходит из кабинета, бормоча:

«Первым делом, первым делом самолёты...».

ЭПИЛОГ

На сцене слева и справа, в полутьме появляются учителя и школьники. Начинает тихо играть музыка, но мелодия пока непонятна.

Клявин с портфелем и портретом Аркадия Гайдара сходит со сцены и долго, долго, слегка прихрамывая, не оборачиваясь, идёт по центральному проходу, до самых дверей из зала. Двери хлопают.

Мелодия становится чуть громче.

На авансцене на полу устраиваются ребята, с ними Тиви и Славик. Кто-то ставит на пол и зажигает свечи. Посередине Сократ с гитарой. Ребята негромко поют песню. С каждым куплетом световое пятно расширяется. Позади появляются учителя, потом Афанасьев, потом Молодой, Опытный, Гайворонский. Последним выходит Иван Сергеевич Клявин.

Песня становится громче – охватывает всех:

Каждый, выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку
Каждый выбирает для себя.
Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы,
Шпагу для дуэли, меч для битвы
Каждый выбирает по себе.
Каждый выбирает по себе
Щит и латы, посох и заплаты,
Меру окончательной расплаты
Каждый выбирает по себе...
Каждый выбирает для себя...

3.

1974 год
(Пьеса в трёх временах)

Действующие лица.

Основные:

Макс (Социолог).

Рыжик (Журналист).

Марго (Психолог).

Эрнст (Человек из ЦК).

Ксансаныч (Директор интерната в Якутии).

Юрка (Космонавт).

Улька (Детский врач).

Леся (Просто Леся).

(В 1964 году основным героям – 20–22 года, Ксансанычу – 25. В 1974-ом – 30–35 лет).

А также:

Девушка.

Юноша.

Благодарности:

Джорджу Оруэллу, за число 1984,

Антону Павловичу Чехову, за слова из «Дяди Вани»,

Михаилу Афанасьевичу Булгакову, за образ дома в «Днях
Турбиных»,

Алексею Юрчак, за незаконченное исследование
поздней советской повседневности,

Интернету, за помощь.

...в этих дорогах теряем...

А.Г.Асмолов

1974

Пролог

Медленно открывается занавес.

Вероятно ранее утро.

Из темноты выступают, пока не отчётливо, контуры какой-то квартиры. Мы её рассмотрим позже.

По сцене неторопливо перемещается неяркое светлое пятно.

На переднем плане широкий разложенный диван. Светлое пятно останавливается на нём.

Где-то здесь смартфон, наверно айфон 6. В нём срабатывает будильник и включается негромкая музыка. Мелодия – одна из многих популярных среди продвинутой молодёжи второго десятилетия двадцать первого века.

Музыка становится чуть громче.

На диване под покрывалом спит девушка. Свет и музыка её будят.

Девушка просыпается, потягивается, скидывает покрывало, встаёт. Она обнажена. Мы видим её со спины. Девушка тянется к рубашке, что брошена здесь же на диване, и накидывает её. Делает под музыку несколько движений в стиле go-go.

Девушка. *(Окликает кого-то).* Аве!

На сцене справа появляется второе светлое пятно. Это кухня. На кухне Юноша. В спортивных трусах и фартуке. На голове наушники, но один наушник сдвинут. Он, напевая, что-то готовит, по-видимому, завтрак.

Девушка. *(Увидела свет из кухни).* Аве!

Юноша. Аве, аве. *(Выходит в зал с подносом. На подносе – дымящийся кофе, бутерброды, яблоки, два бокала красного вина.)*

Девушка. *(Хлопает в ладоши).* О'йез! Брэкфа! Класс! *(Обращается к Юноше)* Ты знаешь, я так проголодалась. Ничего, что я твою шит надела? *(Показывает рубашку).*

Юноша. *(Ставит поднос на диван).* О кей! *(Смотрит нежно на девушку).* А давай ты будешь всегда в этой рубашке. Каждое утро.

Девушка. А ты будешь каждое утро вот так. *(показывает на поднос).* Только чалму ещё надо. *(Снимает с юноши фартук и превращает его в чалму. Хлопает в ладоши.)*

Юноша. *(Встаёт на колени).* О, моя дарлинг принцесса эльфов, не хотите ли отведать волшебного напитка? *(Берет с подноса бокалы и один из них передаёт девушке).*

Девушка. О, мой хозяин ридеров и планшетов. Это такой бафф, да? Хочу!

(Пьют вино, смотрят друг на друга. Смеются. Целуются. Закусывают яблоками. Переглядываются. Касаются друг друга и замирают. Берут чашки кофе.)

Юноша. А эльфы пьют кофе?

Девушка. Только с дарлингами.

Юноша. Я твой дарлинг-бой, ты моя дарлинг-гёл, да?

Девушка. На три тысячи дней.

Юноша. На четыре тысячи и сто парсеков.

Девушка. Ух, ты! А что такое «сто парсеков»?

Юноша. Это космическое расстояние до первой обитаемой звезды.

Девушка. А там у тебя, у обитаемой звезды, другая дарлинг?

Юноша. Там тоже ты.

Девушка. Вау. А четыре тысячи дней – это сколько?

Юноша. Десять лет и ещё немножко.

Девушка. И всего?

Юноша. А потом мы перезаключим договор.

Девушка. А давай сейчас перезаключим.

Юноша. Ага. Только вот посуду помою. И у меня там голландский суп на плите.

Девушка. Ух, ты! *(Целуются. Юноша уходит).*

Утреннее солнце проникает сквозь балкон в комнату. Девушка поднимается и идёт по комнате. За ней перемещается свет. Девушка идёт по комнате, рассматривая и трогая попадающиеся на глаза вещи.

Открывает пианино, прикасается к клавишам – получается какая-то мелодия. Подходит к книжным полкам снимает какую-то книгу, шёпотом читает «Нас много, нас может быть четверо...», ставит книгу на место. Рассматривает на письменном столе фотографии в рамках и на стене – портреты. Музыка затихает.

Девушка. А что это за флэт? Это твоего френда?

Юноша. *(Из кухни).* Нет. Это моего грандпа, деда, квартира.

Девушка. А он кто?

Юноша. Социолог.

Девушка. Кто, кто?

Юноша. Социолог. Изучает социум.

Девушка. Это как?

Юноша. Кто что думает о событиях, реформах там всяких, о Путине.

Девушка. А-а. Поняла. А он где сейчас?

Юноша. В избе.

Девушка. В избе?

Юноша. На курьих ножках.

Девушка. И что он там делает, зелье варит?

Юноша. *(Мрачно)*. Дринькает.

Девушка. Пьёт?

Юноша. Вообще-то там нормально. Интернет и всё-такое. Дед туда на лето уезжает.

Девушка. А-а. А бабушка с ним?

Юноша. Грендма в юэсэй. Расстались они. Давно.

Девушка. А родичи твои?

Юноша. Спроси у Яшки и Гугла.

Девушка. А я у тебя спросить хочу.

Юноша. То же в юэсэй, в Миннеаполисе.

Девушка. А ты что же? *(Оборачивается к кухне)*

Юноша. *(Появляется из кухни)*. Мне пока и тут хорошо.

Девушка. Ну и клёво – а то бы я не стала твоей дарлинг-гёл.
(Подходит к видеомаягнитофону). О видак! Только какой-то странный.

Юноша. *(Тоже подходит к видеомаягнитофону)*. Это катушечный видик – старинный. Вот, здесь записано *(показывает на катушки)*, а здесь *(показывает на телеприставку)* - показывать.

Девушка. Давай включим?

Юноша. А как ты включишь? *(Оглядывается)*. Здесь даже пульта нет. *(Оба наклоняются к видеомаягнитофону, сталкиваются лбами, трут лбы, хохочут)*.

Девушка. Смотри, тут кнопки. Start. *(Нажимает кнопку, загорается сигнальный огонёк, катушки начинают вращаться, на телеэкране появляется изображение)*.

Юноша. Вот это да! А я то считал, что он совсем уже сдох.

Девушка. Эх, ты, алёша.

Затемнение.

Сверху спускается большой экран.

На экране титры «Август 1964».

Девушка и юноша на диване, обнявшись, смотрят «картинку». «Картинка» – что-то вроде любительского цветного фильма, сделанного в довидеомаягнитофонную эпоху и переписанного на видео.

В кадре Рыжик. У него причёска под битлов, светло-коричневая, в стиле миллитари, рубашка и необычный галстук – вроде пионерский, но красно-синий. Ему двадцать лет.

Рыжик. *(Изображает журналиста)*. Веду репортаж. Вчера закончилась смена. А сегодня *(говорит с вдохновением)* последний автобус, разбрызгивая по сторонам гравием, рванул на станцию. Пацаны и девчонки, махали нам из окошек автобуса и кричали: «Родник»! «Родник»!

В кадре Улька. Невысокого роста, со светлыми волосами. Одета так же как и Рыжик.

Улька. А мы остались. На пик Михайловский набежала туча, море потемнело и пошёл мелкий дождь.

На экране Леся, девушка с большими синими глазами.

Леся. Шёл дождь и я плакала. И пик Михайловский вместе со мной плакал. Потому что уехали самые лучшие в мире мальчишки и девчонки. А мы ...

В кадре Ксансаныч, полноватый, в синей с красной звездой пилотке и в такой же, как и все форме. Ему – 25 лет.

Ксансаныч. А вчера были солнце, уходящее в море, красногалстучный строй ребят и мы, мы – вожатский отряд «Родник».

На экране отряд «Родник». Все восемь. Вместе, обнявшись, негромко поют. Им подпеваает невидимый детский хор.

Звездопад, звездопад

Это к счастью, друзья, говорят

Мы оставим на память в палатках

Эту песню для новых ребят.

Что пожелать вам, мальчишкам, девчатам

Встретиться снова нашим отрядом.

Будет и небо, и звёздный прибой

Только не будет смены такой.

Прав лишь горящий, презревший покой,
К людям летящий яркой звездой.
Звездопад, звездопад,
Это к счастью, друзья, говорят....

Юрка. (*Высокий спортивный*). Прощайте ребята. Нет, не прощайте – до встречи! Земшар – круглая штука. И дорог на нём много. Но всякое путешествие, и даже космическое, заканчивается дорогой домой. Дом – это мир. А мир – это дом.

Ксансаныч. Мы с вами ребята. Рыжик и Макс, Леся и Марго, Эрнст и Юрка, Улька и я, Ксансаныч. Вожатский отряд «Родник» не прощается.

По мере того как Ксансаныч называет героев, камера останавливается на каждом из них. Заходит солнце. Звучит мелодия «Звездопада».
На экране снова Рыжик.

Рыжик. А позже мы собрались у Леси и Марго, пили купленное в Новомихайловке красное вино, ели яблоки и говорили.

Марго. (*Ворчливо*) Много говорили.

Комната Марго и Леси. На полу – зажжённые свечи.
Леся между Эрнстом и Рыжиком, Марго рядом с Максом, Улька между Ксансанычем и Юркой.

Макс. Так за тех, кто не спит. (*Чокаются*)

Эрнст. И за наших ребят. Какие! А! Цены нет.

Выпивают.

Марго. Ребята как ребята. Разные и всякие.

Рыжик. Нормальные. И девчата, и пацаны нормальные. Юность, она же всегда рай. Хоть в борделе.

Эрнст. Что ты говоришь, Рыж! Мы им мир показали. Другой. Настоящий. Вернутся к себе в класс, в школу и всё перевернут. Новая жизнь.

Ксансаныч. Ну, да. Новая жизнь. А как же. У меня в школе пионерская гвардия была, человек тридцать. Они всё и делали: на диспутах вещали, на линейках командовали, металлоломы всякие таскали. А в школе про них говорили: «Хозяйчики», и записки подбрасывали «Смерть гвардии». Я же, дурачок, и пестовал эту

гвардию. Знаешь какой у нас девиз был? «Наша цель – счастье людей. Путь – борьба». Вот они и раскомандовались: счастье устраивать.

Марго. Саня, это не про то. Человек имеет право на свою сказку. Вот мы её и устраиваем. Но надо знать, что у сказки бывает конец.

Улька. И хорошо бы хороший.

Леся. Сказка – не сказка, какая разница. Человек живёт собранными мгновениями. Жизнь состоит из жизни и мгновений. Вот каждый здесь эти мгновения и собирал. А мы помогали.

Эрнст. Это всё тёти-моси Лесь. Главное вот что – мы здесь на стремнине времени. Почему в стране такой бардак? Потому что людей правильных нет. Вот мы и делаем здесь таких людей. наших! Да, не все выстоят. Но десять! Сто! А потом тысяча. Ещё лет десять и до партсъезда дойдём.

Рыжик. Эрнст, что ты городишь! Какой ещё на фиг партсъезд!

Макс. Дайте договорить человеку.

Эрнст. Нас здесь мало. Телемский монастырь. И по стране – мало. Братство доминиканцев в век основания. Но мы разведчики. Десант из будущего.

Рыжик. Кэптен! Выступаем завтра. Родина или смерть. Во имя грядущего – шаг вперёд. Кто там шагает правой – в катакомбы.

Эрнст. Я ребятам в отряде так и говорю: «Вы побывали на светлой Земле, а теперь возвращайтесь в Арканар». Румат Эсторских надо готовить.

Юрка (*Мрачно*). Румата плохо кончил.

Улька. Кошмар. Эрнст, мы же с детьми дело имеем. Какой ещё, к чёрту, Румата Эсторский.

Марго. Правильно Улька. И я скажу ещё похлеще: вредители мы. Какое у нас право влиять на другого человека? Никакого. Уайлд сказал: «Влиять на другого человека – безнравственно».

Макс. (*Ехидно*). Чем ты Маргоша сейчас, безнравственная наша, и занимаешься.

Марго. Да убержёт меня бог от друзей и толкователей, а с остальными я как-нибудь сама справлюсь.

Макс. Ну, ну.

Юрка. Я про влияние. Знание – вот гарантия нравственности влияния. Знание, ведущее к звёздам.

Леся. Ну, нет уж. Знание – это так, подпорки, костыли. Идут за верующими, за мессией.

Рыжик. Ага. Эй, кто тут мессия, сознавайся. И да воспримем мы его слова как истинные и понесём слово божье, простите, педагогическое, по миру.

Ксансаныч. Всё не так. Вот вопрос: нужны умные и честные люди обществу?

Улька. Нужны.

Ксансаныч. Мир спасут честные педагоги.

Рыжик. И честные журналисты.

Марго. А как они эти ваши умные и честные будут чувствовать себя в пока что неспасённом мире?

Ксансаныч. Не очень хорошо.

Марго. То-то и оно.

Ксансаныч. Не очень хорошо. Но покажи мне человека, который хочет что-то изменить, чтобы чувствовал себя замечательно. Неудовольствие – двигатель души, духа и дела.

Леся. И тела.

Ксансаныч. (*Посмотрев на Лесю*). И тела.

Рыжик. Вот тут, пожалуйста, подробнее.

Эрнст. А тут и не надо подробнее. Душа, дух, тело – всё это метафизические штучки. Конкретный человек либо опережает общество, либо отстаёт от него, вплоть до варварского состояния.

Юрка. Это уже интереснее. Так, а мы, Эрнстюша, кто же: варвары или не очень.

Эрнст. Да, как сказать.

Макс. Люди, он же нас сортирует. Кто тут примазался к десанту из будущего? Вылазь – машина времени не резиновая.

Юрка. Ребята, ну что вы раскучерявились! Мы же «Родник». Чистая вода. И должны держаться вместе. Ведь каждый из нас – родник, и поэтому мы целое.

Марго. Целое? А может...

Макс. (*Мрачно*). Коллективы не только рождаются, но и умирают.

Леся. Как так – умирают?

Макс. Закон социологии.

Ксансаныч. Законы можно и отменить.

Марго. Да?

Леся. Братцы, а помните, как мы шли на пик «Михайловский» и был дождь, было трудно. Но мы же выдержали.

Улька. А потом стояли на вершине: и над нами было солнце, а под нами облака и в разрывах наш лагерь.

Марго. (*Чуть мрачно*) А на обратном пути кое-кто подвернул ногу (*посмотрела на Лесю*) и мы её несли по очереди.

Улька. И даже не бросили.

Леся. (*Торжественно*). И не бросили.

Марго. Ладно уж. (*Тихо*). Рыжик, Моцарта...

(*Рыжик берёт гитару, запекает. «Родник» негромко подпекает. Горят свечи*).

Моцарт на старенькой скрипке играет.

Моцарт играет, а скрипка поёт.

Моцарт отечества не выбирает –

просто играет всю жизнь напролёт.

Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба – то гульба, то пальба...

Не оставляйте стараний, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Где-нибудь на остановке конечной
скажем спасибо и этой судьбе,

но из грехов своей родины вечной
не сотворить бы кумира себе.

Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба – то гульба, то пальба...

Не расставайтесь с надеждой, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Макс. (*На фоне песни*). А потом мы разъехались. Ксансаных в свою Якутию, Эрнст и Улька в Питер, Юрка в Новосибирск. Я, Марго и Рыжик в столицу нашей родины. А Леся, – Леся никак не могла выбрать: то ли с Эрнстом в Питер, то ли с Рыжем в Москву.

Затемнение.

Часть первая.

Высвечивается та же квартира, что и в Прологе.

Та же, да другая. Вещи более свежие. Приоткрыто новое пианино, заполнены на половину книжные полки. Рядом шкаф и сервант. Диван сложен, приставлен к стене. В глубине комнаты большой овальный стол, покрытый скатертью в шотландскую клетку.

У задней стены широкая дверь на балкон. За ней обычный московский пейзаж: высотка, зелень, августовская дымка. Слышан шум проезжающих где-то внизу машин.

На стене над дверью балкона три портрета. В центре Карл Маркс, слева Антон Макаренко, справа – какой-то седой, весёлый человек – судя по всему не русский.

Слева – дверь в прихожую.

Справа, на затемнённой кухне, позвякивает посуда – там кто-то что-то готовит.

Приближается вечер.

**

Спускается экран. На нём надпись:

1974 год

Поверх сцены, над экраном, бегущая строка.

Население Земли достигло 4-х миллиардов человек.

Успешно завершился XVIII съезд ВЛКСМ.

Из СССР выдворен писатель Солженицын.

Светлана Савицкая установила мировой рекорд на самолёте

Е 33.

Открылась выставка Святослава Рериха.

Мир слушает группу Abba.

В Москве «состоялась» бульдозерная выставка.

Открывается дверь балкона и в комнату входит хозяин квартиры. Это Макс. Ему за тридцать. Небольшая шкиперская борода. Во рту – трубка. Немного седины.

Макс. *(Вынимает изо рта трубку, напевает для себя, помахивая трубкой).*

Наш паровоз вперёд лети –

В коммуне остановке.

Иного нет у нас пути...

(прекращает петь). Н-да. Так сказать. «В коммуне»... Тю-тю, приехали. *(Громко).* Марго, а где мой галстук?

Голос Марго *(из кухни).* А зачем тебе галстук?

Макс. Да, нет. Галстук.

Марго. *(Выходит из кухни с крышкой от кастрюли и ножом. Одета в юбку под шотландку и зелёную кофту. Стильный фартук. Со вкусом подобранные бусы. Взгляд пристальный, умный. Голос чуть хриповатый).* А-а, галстук. Я его вчера погладила. В шкафу висит. Ты хочешь сейчас его надеть?

Макс. Ну, не знаю.

Марго. И не надевай.

Макс. Да?

Марго. Да. *(Уходит на кухню).*

Макс. Нет, я всё-таки надену. *(Напевает)* «Наш паровоз вперёд лети»...*(открывает шкаф, вынимает красно-синий галстук «Родника»).* В коммуне остановка... *(останавливается перед зеркалом. Завязывает галстук. Салютует. Размахивая трубкой марширует)*... «В руках у нас винтовка» *(изображает).*

Марго. *(Из кухни)* Макс! Картошку!

Макс. *(Уходит на балкон, возвращается с коробкой картошки и без трубки. Торжественно несёт коробку на кухню. Напевает).* Звездапад, звездапад, это к счастью друзья говорят...

Освещается кухня.

Марго. *(Вошедшему Макс)*. И почистить.

Макс. А давай ей запечём.

Марго. А давай ты её почистишь.

Макс со вздохом надевает фартук, берёт ножик, начинает чистить. И в этот момент звенит дверной звонок.

Марго. Открой, а. *(Макс облегчённо оставляет ножик и картошку).*

Сцена поворачивается. Перед нами прихожая.

Вешалка. Тумбочка с дисковым телефоном. Пара табуреток. Справа дверь в зал.

Слева дверь входная. Прямо – в ванную.

Звенит повторно дверной звонок. Входит Макс. Он уже с трубкой.

Макс. Сейчас, сейчас, друже мои.

Открывает дверь. За ней Рыжик и Леся. Рыжик в кожанке под крутого журналиста и по-прежнему с битловской причёской. В руках у него гитара и пакет с иностранной надписью. Леся в светлом с красными цветами платье и широкополой шляпке. В руке необычный трёхголовый цветок. Рыжик раскидывает занятые руки для объятий.

Леся. *(Подпрыгивая)* Максик! Максим! *(Опережает Рыжика обнимается и целуется с Максом. Макс тянется к цветку.)*

Макс. Ух, ты.

Леся. *(По-деловому).* Это не тебе. *(Кричит).* Маргоша!

На ходу снимая фартук, в прихожей появляется Марго. Она явно рада Лесе. Целуются, обнимаются.

Леся. *(Марго).* Смотри. *(показывает цветок).* У него три головки. Цветок – папа, цветок – мама, а дальше сама сообразишь. *(Цветок наконец-то перекочевывает к Марго).*

Одновременно Макс и Рыжик, не выпуская гитары – Рыжик и трубки – Макс крепко обнимаются.

Марго тоже пытается обнять Рыжика.

Рыжик. Да, погодьте, погодьте *(Освобождается, оборачивается к двери. Леся тоже оборачивается к двери).*

Леся. А вот и главный сюрприз.

Из-за дверного косяка появляется весёлая, кругленькая, нагруженная какими-то сумками, Улька.

Марго и Макс. *(Хором, восторженно).* Улька! *(Марго обнимается с Улькой. Макс забирает у неё сумки. Рыжик и Леся радостно улыбаются.)*

Улька. *(Марго).* Представляешь, мчусь как ошалелая, только что с «Невской стрелы» – хотела всех опередить. А эти сволочи *(показывает на Рыжика и Лесю)* уже здесь. А этот, Рыж у бедной тёти Ули даже сумки не забрал.

Рыжик. Да? А кто кричал «Не тронь!»

Улька. Мало ли чего девушка кричит.

Все проходят в зал.

Марго *(Тянет Ульку за руку).* Мальчики! Стол на центр, стулья расставить и вы на свободе. Бабоньки – на кухню. С вещами.

Леся и Улька, отобрав у Макса сумки, отправляются за Марго на кухню. Рыжик смотрит куда бы приспособить гитару и свой пакет.

Макс. Гитару – на диван. А там у тебя что? *(Показывает на пакет).*

Рыжик. (*Вытаскивая из пакета коробки*). Немного, на зубок, миноги. Конфеты для женщин и прочих любителей: «Вечерний звон».

Макс. Ого! Откуда такая роскошь?

Рыжик. Исключительно из редакционного буфета.

Макс. Хорошо там живёте. Почти спецпаёк.

Рыжик. А как же. Мы всесоюзноуважаемое Центральным комитетом издание.

Макс. Идеологически уважаемая.

Рыжик. Только так.

Макс. Ну, ну.

Рыжик (*Вытаскивает из пакета бутылку*). И для мужчин.

Макс (*Берёт в руки. Читает*). «Посольская»! Отлично. Так, конфетки на стол. Пошли друже. (*Размахивая бутылкой движется в сторону балкона, выхватывая по дороге из серванта рюмки*). За мной!

Рыжик. Макс, Марго велела стол двигать.

Макс. Ах, да. (*Ставит рюмки и бутылку на диван*). Давай.

Рыжик и Макс передвигают стол на центр комнаты, собирают по всей комнате стулья, приставляя их к столу.

Макс. (*Считает стулья*). Так. Рыжику, Лесе, Ульке, Эрнсту – он скоро появится. (*С сомнением*) Юрке?

Рыжик. Может да, может нет – военно-научный человек.

Макс. (*Решительно*) Ставим. (*Продолжает*). Теперь Марго.

Рыжик. И так и быть уж Максусу. А то неудобно, что хозяин на полу будет сидеть.

Макс. Да, да.

Рыжик. Вроде все.

Макс. Уф. Сосчитали. (*Берёт бутылку и коробку с миногами*).

Рыжик (*Задумчиво*). Ксансаных далече.

Макс. Да, уж.

Рыжик. (*Громко*). Марго! Дежурный отряд по передвижке стола задание выполнил. Рапорт сдан.

Голос Марго. (*Из кухни*). Рапорт принят. Отряд свободен.

Макс. (*Нетерпеливо*). Пошли.

Рыжик берёт рюмки, идёт вслед за Максом в сторону балкона. Останавливается напротив портретов. Салютует.

Рыжик. Здравствуйте товарищ Макаренко. Здравствуйте камрад Маркс. Гутентаг герр Маркузе.

Балкон. Теперь мы видим дверь в комнату со стороны балкона. На балконе столик и какие-то обветшалые плетёные кресла.

Появляется Макс с бутылкой и коробкой. За ним Рыжик с рюмками.

Макс. Садись. *(Показывает на кресло. Ставит бутылку, отбирает рыжика рюмки и ставит на столик. Рыжик достаёт из коробки рыбу. Макс открывает, бутылку, наливает приговаривая).* Хорошо живут советские работники печати. Правильно. Пора раскулачивать. *(Подвигает рюмку Рыжику).* За народ! *(Пьют понемножку, закусывают рыбой).*

Макс. Что там в ваших, так сказать, масс-медиа. И вообще в Москве.

Рыжик. В масс-медиа всё спокойно. А в Москве...Ты знаешь историю с Поповым?

Макс. Это в Нижневолжске?

Рыжик. Да. Попов Лев Маркович, кажется, преподаватель научного коммунизма создал кружок из студентов – для изучения марксизма. Студенты начитались Маркса и стали издавать подпольный журнал.

Макс. Их и взяли.

Рыжик. Да. Потом, правда, выпустили, но с универа повыгоняли – в армию. И Попова тоже выгнали.

Макс. Ну и что?

Рыжик. Как что. Так ты вот, учёный человек, скажи, Попов правильно сделал, что кружок собрал?

Макс. А он знал про подпольные дела?

Рыжик. Знал. Вроде этот журнал и редактировал.

Макс. То есть, подставил ребят.

Рыжик. Но они же марксизмом занимались.

Макс. Но, дети.

Рыжик. Ха, дети! Третьекурсники. Им по двадцать – двадцать один. Вспомни, где мы были в такие годы? В «Роднике». Такое куролесили. Кстати *(обратил внимание на галстук)*, а мой где?

Макс. Не знаю. Мы же должны были их сдать, а я не сдал.

Рыжик. По-моему, тогда кто-то собирался умыкнуть.
(Смотрит с подозрением).

Макс. А вот и не я. Леся?

Рыжик. Не-е. Она бы проговорилась. Но вернёмся к теме. Всё-таки про волжских ребят что скажешь?

Макс. А что про ребят. Дальше всё по науке. Большинство всю жизнь будут бояться – ни, ни. Один-два в диссидентару подадутся. Остальные будут вспоминать сие событие как свою светлую, глупую молодость.

Рыжик. Это про нас?

Макс. Может быть и про нас.

Рыжик. Есть и четвертые. Они – другие. Знаешь чего нам пишут: «Я не хочу быть как все», «Я – урла, а центровых будем катить и бить», «Наш вождь – хиппи Солнце – мы ему верим».

Макс. Погоди, погоди. Урла – это кто?

Рыжик. А это ребяташки с пролетарских районов. В кепочках.

Макс. Шпана, что ли?

Рыжик. Не совсем. Шпана в центр не лезет – своё пространство делит. У них свои разборки. А эти стаей и вперёд.

Макс. Подожди. А центровые?

Рыжик. Центровые, это центровые. Такие ребята из спецшкол, в джинсах. Пинк Флойд и всё такое.

Макс. Стиляги?

Рыжик. Не-е. Центровые тихие, без выпендрёжа. Собираются на той же Пушкинской, меняются дисками, что-то себе доказывают. Но на ментов не нарываються.

Макс. Фарцуют.

Рыжик. Не без этого. Но это крайние какие-то.

Макс. И что они хотят?

Рыжик. А ничего особенного.

Макс. А урла значит их бьют.

Рыжик. Так считается. Но настоящего случая ни одного не знаю.

Макс. Городская легенда?

Рыжик. Может и так.

Макс. И что тут нового. Слова новые. А так, вечная тема «Монтекки и Капулетти». Безбашенного Тибальда только не хватает. Вот появится. И заметелится.

Рыжик. Нет, здесь, что то есть. Как-то всё не так. Мы чего хотели: коммунизма, сейчас и здесь, в крайнем случае в Сибири, в Братске, а эти

Макс. С коммунизмом пока проехали. Слушай, и всё это из писем.

Рыжик. Да, нет. Я стал отвечать. А потом сами ребятаки подтянулись. Был я у них там, на Пушки.

Макс. Ух, ты! Уайт «Общество на углу».

Рыжик. Что-что?

Макс. Понимаешь, есть такая знаменитая история. Один американский социолог, Уайт, поселился в Гарлеме в доме на углу. А по вечерам у этого дома все сливки Гарлема собирались. Ну, и он, так сказать, с ними. А потом книжку написал, очень знаменитую «Общество на углу». Слушай, а возьми меня с собой – такое включённое наблюдение устроим.

Рыжик. Тебя? С бородой? С трубкой? С этой канадкой (*показывает на причёску*).

Макс. А я сбрею, парик надену и трубку выкину.

Рыжик. Не...

Макс. Ну вот, а ещё друже зовёшься. Ну, в общем, понял.

Рыжик. Ты лучше скажи, что там в твоей буржуазной лженауке делается?

Макс. Всё нормально. Советская социология – это большой, а может маленький, бублик.

Рыжик. Почему бублик?

Макс. В центре дырка – Институт социологии, а вокруг социологи.

Рыжик. А, слышал – разогнали?

Макс. Не разогнали, а укрепили идеологическую направленность. В общем, шеф ушёл, и я ушёл.

Рыжик. Так ты не в институте! А где?

Макс. Пока в одной лаборатории при профсоюзах.

Рыжик. А там в институте?

Макс. А там, нравственные люди, академики – дырка от бублика.

Рыжик. А ты и твой шеф значит безнравственные?

Макс. Ну, как сказать. Дело тёмное. В общем, давай выпьем (*наливает*). За тех, кто не в дырке.

Рыжик. Годится. (*Выпивают*)

Макс. (*Мрачно*). Впрочем, все мы в дырке.

Рыжик. А может некоторым там хорошо, и вылезать не хочется.

Макс. Это обо мне что ли?

Кухня. Марго, Уля и Леся в шесть рук готовят стол и говорят кто, где, с кем, почему.

Марго. А что Ксансаныч?

Улька. Прошлый год заглядывал. Детей в Питер из Средневилуойска своего привёз. Пока дети по Эрмитажам бегали – встречались. Дай-ка вот ту свёклу! Ага. (*Марго передаёт свёклу*)

Марго. У него что там, прямо чумы. Только самолетом можно долететь.

Улька. Да, нет. Это новый посёлок, зашибенный. ГЭС строят. А самолётом это да.

Леся. Он по-прежнему в интернате?

Улька. В интернате, директором. Толстый такой стал, прямо сеньор-помидор – настоящий директор. А ребяташки такие угкоглазенькие. В синих пилотках. Отряд «Родник». Во!

Леся. (*задумчиво*) Да, видела.

Улька. Как видела?

Леся. Да это так. Марго, а колбасу как резать?

Марго. А как хочешь.

Леся. Тогда я её овальчиком, ладно.

Улька. А про Юрку что знаете.

Леся. Юрка в ящике. Секретит.

Марго. Знаю я это секреты. На космонавтах датчики испытывает.

Улька. Какие такие датчики?

Марго. На психофизическое состояние. Прошлый год на Камчатку, в июле, с Ломовым наши летали – там Юрку видели с его космонавтами.

Леся. Ух ты!

Марго. Девоньки, как мясо подаём – куском или режем?

Леся. Режем.

Марго. На нож – режь.

Улька. А что Рыжик?

Леся. Рыжик есть – Рыжика нет. Три дня не было. И не звонил. Где Рыж? В Карелии в Святозере у реставратора. Это реставратор там

в Святозере живёт и для Мосфильма мебель реставрирует. Вот приспичило Рыжику к нему срочно ехать.

Улька. И как он сам объясняет, такие фокусы.

Леся. Как, как. «Сидели с ребятами, пили пиво. Они и рассказали про Святозеро – ну и двинули туда, к реставратору, все вместе. А телефонная связь в Святозере появится по плану в следующей пятилетке».

Марго. А ты?

Леся. Что я – теперь вот книжку про это озеро нашла – читаю. И в окошко посматриваю, где, там Рыж.

Улька. Марго маслом поливать?

Марго. Поливай, только не сильно.

Улька. Леся, а Эрнст?

Леся. *(Резко).* Это к Марго.

Марго. Наш Эрнстик окончательно чокнулся на Кубе. Про Че Гевару и сундука Фиделя только и говорит. Вот придёт, сама услышишь.

Улька. А почему Фидель сундук?

Марго. Это Эрнсту один кубинский камрад рассказал. У них, на Кубе, сундук – это такое устройство, в котором под замком всё есть. Вот и Фидель такой сундук.

Улька. Ничего не поняла, debilка я, девки.

Марго. Откроет однажды Фидель сундук, вытащит из него чего-то. Все скажут «Ах!» и революционное счастье наступит.

Леся. Марго, а Макс, что – безработный?

Марго. Ну почему безработный? Работает. Изучает положительное отношение пролетариата к профсоюзам.

Улька. Почему положительное?

Марго. Потому что должно быть положительным, а каким ещё?

Улька. Хм. А ты скоро на защиту свою выходишь?

Марго. Это как шеф скажет. Он никак не решит Абрахам Маслоу – буржуазный учёный или прогрессивный?

Леся. Он же сам тебе эту тему дал.

Марго. В то время наш Абрам Маслов был прогрессивный, а теперь не знаем какой. А давайте, девушки эту тему замнём для ясности. Это всё ля-ля. Улька, ты всё расспрашиваешь, расспрашиваешь, а про себя.

Улька. Что про меня. Растут. Петюне – восемь, Мишке – шесть, а Бобке – четыре.

Леся. И как ты с ними управляешься? Ну, один, ну, два, а тут трое.

Улька. Они у меня друг друга воспитывают. И заодно меня с Ильёй. «Мамка – говорит Петюня, – Ты почему папке с работы не позвонила».

Марго. А Илья?

Улька. Помнишь у Симы – воспитывает полоска света у дверей кабинета – «папа работает». Вот так и у нас. Но если вырвется из кабинета, такая кутерьма, такая радость начинается.

Марго. Да ... *(Замолкают. Напряжённно что-то шинкуют)*.

Леся. Марго, а откуда это: ветчина датская, сыр швейцарский – давно не видела.

Марго. Это тесть имеет право на спецпаёк на Грановского. Оттуда.

Леся. А ...

Улька. Номенклатура, значит. С кем мы дружим!

Марго. Да, ладно. *(Оглядывается)*. Ну, вроде всё. Понесли девки на стол.

Сцена поворачивается. В зал входят Марго, Леся, Улька с тарелками, салатницами и столовыми приборами. Расставляют всё на столе.

Сцена не останавливается на зале, прокручивается дальше к балкону.

На балконе те же: Макс и Рыжик. Стоят лицом к зрителям, опираясь на периллы балкона. Оба курят. Макс – трубку. Рыжик – сигарету.

Рыжик. А что Эрнст? Каковы его успехи в ЦК.

Макс. Повысили. Старший референт латиноамериканской группы.

Рыжик. Наш Че Гевара на посту?

Макс. Н-да, как бы .

Рыжик. И что дальше?

Макс. Ничего дальше. *(Молча курят)*. А про Юрку что-нибудь знаешь?

Рыжик. По-моему, его включили в группу подготовки.

Макс. Сам сказал?

Рыжик. Ага, как-бы не так. От него услышишь.

Макс. *(Пародирует Юру)*. Какие у нас классные ребята! Какие девочки!

Рыжик. *(Подхватывает)*. Какие датчики! Давай нарисуют.

Макс. И что, вправду рисует?

Рыжик. Да. Схему детекторного приёмника из школьной физики. *(Оба смеются).*

Макс. Так откуда знаешь?

Рыжик. Есть один генерал.

Макс. Понятно. Значит в наших рядах будет космонавт. Растём. Летим на шаттле?

Рыжик. На советском шаттле. Наши прорабатывают одноместный.

Макс. Генерал?

Рыжик. Да, нет. Есть ещё один источник.

Макс. А как у нашего космонавта с личной жизнью.

Рыжик. Однообразно.

Макс. Ясенько.

Рыжик. А про Ксансаныча что-нибудь новенькое знаешь?

Макс. Про нашего Ксансаныча газеты печатают. Как он детишек из вечной мерзлоты извлёк и воспитал.

Рыжик. Ну это я знаю. Прошлогоднее. Это к нему Леся прошлый год летала и написала.

Макс. Леся? Там другая фамилия.

Рыжик. Лучше искренне писать под псевдонимом, чем врать под своей фамилией.

Макс. А почему под псевдонимом?

Рыжик. Так надо.

Макс. *(Ехидно).* Ах вот как. *(Молчание. Заглядывает в зал).* А как она вообще?

Рыжик. Пишет...

Макс. И ...

Рыжик. Пока меня терпит.

Макс. И надолго?

Рыжик. Так кто ж её знает.

Макс. Н-да. *(Молча курят)*

Рыжик. А что там с Марго и, кстати, где Антошка?

Макс. Тошка у деда с бабой на всё лето – дышит свободой. А у Марго ... Понимаешь, друже, у психологов свои заморочки. Ленинградская школа. Ах, Рубинштейн, Московская школа. Ах, Леонтьев. А шеф у неё из питерских, а сейчас в Москве и хочет быть москвичом, а леонтьевцы его, видишь ли, на дух не принимают.

Рыжик. Я что-то не понимаю, ну питерцы, ну москвичи – они что, не из СССР.

Макс. То-то и оно – из СССР, но каждый хочет быть настоящим советским психологом. Да к тому же Марго диплом у Щедровицкого писала.

Рыжик. А он кто – питерский? Московский?

Макс. Ничей. Он – Щедровицкий? Кошка, что гуляет сама по себе.

Рыжик. Ну, тогда...

(Слышится звонок в дверь)

Прихожая.

Голос Марго. Сейчас, сейчас.

В прихожей появляется Марго. За ней Леся и Улька. Чуть позже Макс и Рыжик. Марго открывает дверь. В дверях Эрнст. Высок, худ, темноглаз. В свеженьких джинсах и белой рубашке. С цветами и бутылкой с иностранной надписью. Улыбается.

Эрнст. А где мне взять такую песню ...

Леся *(Радостно).* Эрнст, Эрнстюшка! *(Пытается обнять, но Эрнст освобождается, делает шаг к Марго. Целует Марго ручку, вручает цветы и радостно обнимает Улька).*

Эрнст. *(Обращаясь к Макс и Рыжику).* Салюдо камарада *(Обнимается, хлопая по плечам. Одновременно отдаёт бутылку Макс. Рыжик отбирает у Макса бутылку, рассматривает, бормочет: «Гаванский ром»).*

Эрнст. *(Оборачиваясь к Лесе).* Привет *(слегка обнимает и отходит в сторону).*

Леся. Привет *(смотрит в глаза).*

Марго. Мальчики – в зал. Эрнст, за тобой рюмки расставить.

Макс. А я?

Марго. Обойдёшься. Что-нибудь перепутаешь. А в ЦК учат правильно рюмки расставлять, без международных последствий, да, Эрнстюша?

Эрнст. Есть, товарищ генеральный секретарь. А где мне взять такую песню... *(пытается обнять Марго).*

Марго. *(Освобождаясь).* У вас в ЦК что – все такие бабники.

Эрнст. У нас в ЦК всё есть.

Марго. Мужики – за работу. Девоньки – пошли доделывать.

Зал. Макс и Эрнст расставляют тарелки и рюмки. Рыжик в кресле с бутылкой рома. Время от времени заходят Леся и Улька – что-нибудь приносят из кухни.

Рыжик. Ну и что там в верхах?

Эрнст. (*С воодушевлением*). Вчера делали болванку для одного спичера, так удалось такое вставить. И, представляете, до самого верха дошло.

Макс. (*Довольно безразлично*). И что такое?

Эрнст. Свободное развитие каждого – условие свободного развития всех.

Рыжик. Ничего себе.

Макс. (*Констатирует*). Карл Генрих Мария Маркс.

Эрнст. Да, Маркс. Хотели выкинуть, но мы ткнули: том такой-то, страница этакая. Поворчали и оставили.

Макс. (*Вдумчиво*). Много чего наши старинные немецкие друзья наговорили.

Эрнст. Вот так и надо влиять. Ихним оружием.

Рыжик. Всё это слова, пустышки. На днях сидели мы в бригаде – делали полосы про съезд.

Макс. Комсомола?

Рыжик. Ну, да. И слова вроде русские, и печатные, и, Эрнст, кстати, правильные слова, а все вместе трактор и жур-жур.

Эрнст. Трактор?

Рыжик. Тыр-тыр-тыр, жур-жур-жур. Сплошное жужжанье.

Эрнст. Да... Но где-то, кто-то что-то должен делать. Ты сам говоришь: мир спасут честные журналисты.

Рыжик. Так это про другое. Мир – это люди. Вот их и надо спасать. Спасать, поднимать. А всё что кругом – надо ли?

Эрнст. Просто мы идём, братцы, в нужную сторону не той дорогой. Вот Фидель ...

Макс. Ну, поехали. Фиделе кубано текило. Патриа о муэрто. Ноу пасаран.

Эрнст. Да, ноу пасаран.

Макс. Сам же говорил, когда с Кубы вернулся: революционный вакуум. Все пылают жаром, а про что не знают.

Эрнст. Вот поэтому наша миссия – присоединить кубинскую народную культуру к русской культуре – наша же всемирная.

Поэтому и десантируем туда учителей – уже восемьсот наших девочек учат кубинцев русскому языку.

Макс. Ну, да. Потом они замуж за кубинцев повыйдут и...

Рыжик. Рашен лэнгвич интервейшн.

Эрнст. Да. Только не интервейшн, а революшен.

Макс. Революшен, ты сколько наборов поставил? Восемь? Один лишний. Убирай в шкаф.

Эрнст. А вот раз, и кто-то придёт (*убирает набор*).

Рыжик. (*Ставя бутылку на стол*). Ребята, все мы консерваторы. Потому что сохраняем, консервируем этот мир (*изображает ленинский жест и его картавую речь*). «Вы, товарищи, и есть главные консерваторы нашей революции».

Эрнст. А что ты хочешь? Марсельезу? Приказ Марсельскому полку?

Рыжик. (*Берёт с дивана гитару, подхватывает строчки из песни*). И мне, я комиссар Конвента, с тяжёлой шпагой на боку. У стен мятежного аббатства на стол походный я сажусь. Во имя равенства и братства (*откладывает гитару*). Ну и так далее ...

Пауза.

Макс. Я вчера был на дне рождения у ребят – математиков из института Канторовича.

Макс. Так они говорили, что наша экономика никогда не будет эффективной. И это математика.

Эрнст. И при этом математики были тверёзые?

Макс. Нет, в подпитии.

Рыжик. А-а.

Макс. Да, нет, послушай. Оказывается, чтобы плановая экономика работала как надо, нужно такое количество связей просчитать, что никакая ЭВМ не сможет.

Эрнст. Сейчас не сможет – потом сможет.

Макс. Они говорят – никогда не сможет.

Рыжик. Консерватор, ты всё-таки Эрнстюша.

Эрнст. А ты со своими центровыми хиппарями уж такой революсьон.

Рыжик. Они пытаются не лгать, не врать – что бы всё было по-честному.

Макс. Это по молодости.

Рыжик. (*Нападая на Макса*). А ваша марксистская социология, и вы уважаемый социолог врёте.

Макс. Стараемся не очень врать. Как и ты, уважаемый работник уважаемой масс-медиа.

Эрнст. А где мне взять такую песню.

Звонок в дверь.

Марго (*пересекая зал по дороге из кухни в прихожую*). Решаете мировые проблемы пикейные жилеты. Кто бы это мог быть? Юрке – рано. Тётя Настя?

Прихожая. Марго открывает дверь. В дверях Ксансаныч. В синей пилотке с красной звездой. С рюкзаком за плечами, увешанный сумочками и пакетами. Толстый, усатый, смеющийся.

Марго. (*Радостно кричит*). Ребята! Санька!

Появляются Эрнст, Леся, Рыжик. За ними Макс и Улька. Все наперебой лезут обниматься и целоваться с Ксансанычем.

Ксансаныч. (*Ставит на пол сумки*). Ребятки, сомнёте Ксансаныча. Максик, оторви и заberi (*показывает плечами на рюкзак. Макс снимает с Ксансаныча рюкзак. Улька его подхватывает и ставит на пол*).

Возгласы. Санька! Ксансаныч! Ну, как же так – и не позвонил. Молодчага. Ура! Санька приехал!

Марго. Санька, ты откуда?

Ксансаныч. Из Средневиллюйска в Рио де Жанейро с передышкой у тебя и Макса.

Марго. О! Рио! А где белые штаны?

Ксансаныч. В рюкзаке, только постирать надо.

Улька. Дайте человеку пройти. Марго, пусть хоть умоется. Видишь с дороги чел.

Макс. Саня. Вот туда (*наказывает на дверь из прихожей в ванную комнату*).

Марго. Сейчас дам полотенце. Леся, возьми – ты знаешь где. (*Леся уходит*)

Ксансаныч. Не возражаем.

Марго. А потом бегом за стол.

Леся приносит полотенце.

Ксансаныч. *(Забирает полотенце).* Леська, вот это *(отдаёт пакет)* к столу. Там то, сё. А это *(показывает на сумку)* пока не открывать. Ни-ни.

Леся уносит торжественно пакет и сумку в зал.

Зал. Рассаживаются шумно за стол. С одного края Макс, Рыжик, Леся. С другого – Эрнст, Марго, Улька. Появляется умытый, причёсанный, пилотка в руке Ксансаныч. Садится на оставшееся посередине место. Пилотку устраивает на столе.

Марго. Ну, Саня, рассказывай.

Ксансаныч. Не-не. Сначала выпьем. *(Рассматривает бутылки. Берёт ром).* Так, Куба – любовь моя. *(Ставит на стол, поднимает «Посольскую»).* Ай-ёй-ёй. Уже четвертак выдули. Макс, небось. Нехорошо без товарищей.

Леся. С Рыжиком.

Ксансаныч. Предательница. Эрнст, что сидишь. Красное – женщинам. Разноцветное – остальным. Так нас учит партия и комсомол?

Эрнст. *(Держа в руках бутылку вина).* Товарищи, дамы, сеньоры! А может быть разноцветненького.

Леся. Мне – ром. *(Рыжик смотрит с интересом на Лесю).*

Эрнст. А что выберет медицина?

Улька. Медицина выберет Каберне.

Эрнст. *(Наливая).* Правильная у нас медицина, советская. Марго?

Марго. Пировать, так пировать. Макс, «Посольскую».

Макс. *(Весело).* Годится.

Макс наливает водку себе, Рыжику и Марго. Эрнст разливает ром себе и Ксансанычу.

Эрнст. Дорогие камрады ...

Ксансаныч. Стоп. Ещё рано. Леська развязывай мешок *(показывает на пакет Леся извлекает из пакета свертки и коробочки).*

Ксансаныч. *(Развёртывает свёртки, приговаривая).* А вот и закусь. А вот строганинка из нельмы. А вот и олежка копчённый. А вот тут и морошка. *(Марго раскладывает вкусности по тарелкам).* Вот теперь начали! За тех, кто в отряде. Стоя.

Улька. Забыла. Не начали! (Мчится в прихожую, возвращается с красно-синими галстуками, раздаёт всем кроме Макса).

Рыжик. Ага, вот кто украл общественную собственность, а я-то думал во всесоюзный розыск ...

Улька. (Помогая завязывать галстуки). И не крала я вовсе, а договорилась.

Эрнст. (Надевая галстук). Сговор отягощает преступную деятельность.

Все в галстуках. Завязаны галстуки у кого-то по-пионерски, у кого-то необыкновенным образом. По ходу вечера остаются в галстуках Макс, Эрнст, Улька, Ксансаныч. Остальные в разные моменты снимают.

Улька. Уф! Вот тепереча, Ксансаныч, давай.

Ксансаныч. Сюрпризы закончены? Ну, тогда, всё-таки: наш первый: «За тех, кто в отряде».

Встают. Выпивают. Рыжик салютует. Садятся.

Леся. Помните, Рыжик ушёл в отряд на оч-чень серьёзный разговор. И мы за него выпили, а он, негодяй, спал там.

Рыжик. Ничего подобного. Я же оч-чень серьёзно поговорил с Гошкой – про смысл жизни и любовь. Два часа разговаривали. Ну, и заработал право чуть притулиться.

Эрнст. Поэтому следующий традиционный тост. Ксансаныч, Марго (оглядывает рюмки), проверить готовность к старту. «За тех, кто не спит!»

Выпивают.

Леся. Вот, вот. Помните, Рыж на рекорд шёл. Первую ночь «День Архимеда» сочинял, вторую – сценарий закрытия смены, а на третью – помогал газету делать.

Улька. Здесь надо уточнить – Вместо кого Рыж газету делал. (Выразительно смотрит на Лесю).

Макс. Ах, вот где ваши шуры-муры начались.

Леся. И ничего то вы не знаете. Я может за Рыжем и к «Роднику» прибилась – к ужасу мамочки.

Макс. Причём тут мамочка?

Леся. Она меня в санаторий профсоюзов отправляла.

Макс. Тогда это серьёзно – почти революция.

Марго. А потом Рыжик вырубился на 24 часа.

Рыжик. На 26 часов 17 минут. Секунданты (*показывает на Макса и Ксансаныча*) здесь присутствуют.

Макс. Друже, третий тост: «За тех, кто спит».

Выпивают, закусывают.

Марго. Саня, а теперь всё-таки про тебя – колись.

Ксансаныч. А что про меня. Директорствую помаленьку. Вон Леся и Улька видели моих огольцов. Оранжерею построили – огурцы продаём. Радио населению чиним.

Леся. Саня. Скромный. Он обсерваторию там построил.

Макс. Обсерваторию?

Ксансаныч. Надо же детишек к звёздам тянуть.

Макс. (*Наступательно*) А откуда, директор ты наш, денежка на обсерваторию взялась?

Ксансаныч. Что-то дают, что-то зарабатываем.

Леся. У него там крыша – начальник строительства ГЭС. Настоящий. Саня, скажи.

Ксансаныч. Мужик – во! Два раза из партии выгоняли, два раза восстанавливали. Герой труда. Так что всё ему нипочём.

Эрнст. А как же?

Рыжик. Сибирь!

Эрнст. Ах, да, (*задумчиво*) Сибирь...

Улька. А ещё у Саньки социократия.

Эрнст. Что, что?

Улька. Социалистическая социократия. Ксансаныч объясни.

Ксансаныч. Это мы так зовём. Есть Совет интерната и в нём столько мест – сколько отрядов. Отряд же каждый раз решает, кого сегодня послать в Совет – смотря про что решаем.

Макс. (*С удивлением*). Погоди, погоди. Но это же схема ревизиониста Эндинберга – когда все по очереди осуществляют власть.

Ксансаныч. Не знаю я твоего Эндинберга. Я по Макаренко.

Эрнст. Ты, Саня, что-то путаешь. У Макаренко были дежурные команды и всё такое.

Рыжик. Какая разница: Макаренко – не Макаренко. Получается – власть есть, а властителей нет. Мечта анархистов. Блеск!

Макс. *(С нажимом).* А пионерская организация, у тебя хоть есть?

Ксансаныч. Есть, есть.

Макс. Уф! А то я уж подумал – куды донос писать.

Ксансаныч. Писали.

Марго. *(С интересом).* И что?

Ксансаныч. Кое-что поправил. Советчиков мы оформили как временное пионерское поручение.

Эрнст. Ну, жук.

Макс. Люди! Посему теоретический вывод: выпьем за дикобразов.

Улька. Каких ещё дикобразов?

Марго. Однажды два дикобраза полюбили друг друга. Но, когда они приближались друг к другу, им было колко, а когда отдалялись – холодно.

Макс. Да. Так выпьем за оптимальное расстояние между человеком и властью, чтобы не было холодно и колко.

Марго. Вообще-то это не про власть, а про людей *(смотрит на Макса).*

Леся. *(Поднимает рюмку).* За людей и дикобразов.

Рыжик. За людей.

Ксансаныч. Да. *(Берёт гитару. Запевает. Остальные громко, почти скандируя, подпевают,).*

Человеку важно знать людей,
Чтоб от них хорошего набраться,
Чтоб из всех идей идею братства
Ненароком он не проглядел.

А еще полезно знать, что он -
Не песчинка на бархане века,
Человек не меньше человека,

Эрнст. Вот здесь внимание.

Хором скандируют. В этой теме важен верный тон....

Эрнст. Вот так-то. Мы ещё пошумим, старик Яков, пошумим...

Затемнение.

Занавес.

Часть вторая.

Занавес открывается.

Та же квартира. Стол сдвинут в дальний угол, к самовару.

Высоко над сценой бегущая строка.

Революция звездик в Португалии.

Американская станция Skylab сгорела в атмосфере.

В «Комсомолке» – письма о любви из 1945 года.

Царь Фёдор Иоаннович Смоктуновского.

Преподаватель философии из Таганрога призывает к творчеству в преподавании марксизма.

Выставка Нади Рушевой.

Семинар Щедровицкого продолжается.

Все разбрелись кто куда. Макс и Леся на кухне, Эрнст и Рыжик на балконе. Ксансаныч, Улька и Марго у пианино. Ксансаныч что-то наигрывает.

Сцена поворачивается. Кухня. Макс и Леся неторопливо моют посуду. Макс слегка в подпитии.

Макс. Вот я изучаю общество. Генеральная выборка. Квантили. Закон Барлета. Рандомизация и всё такое. Спрашивается: «Зачем?»

Леся. Зачем?

Макс. Что-то понять. Что-то поправить. Объяснить. Просветить.

Леся. И получается?

Макс. Ни фига, Леська, не получается. Ничего поправить нельзя. Ничего понять нельзя. А что поняли – никому (*показывает вверх*) не нужно.

Леся. Это так шеф считает?

Макс. Что шеф. Он верит, что объяснять можно и нужно – мы просто не умеем это делать. Не учитываем их психологию, не знаем их языка.

Леся. Их языка?

Макс. Ну, да (*изображает кого-то*). Болванка. Текстуха. Резолюшн. Наши люди – не наши люди. Владимир Ильич сказал – Владимир Ильич не сказал. У Лёни это есть. У Лёни этого нет. Присядьте. Рыба.

Леся. Рыба?

Макс. Рыба – это такой текст, из которого будет болванка. А потом черновичок. А ещё потом чистовичок. К тому же в рыбе есть чешуя и внутренности.

Леся. Откуда ты всё это знаешь?

Макс. Мой друг Эрнст научил.

Пауза. Моют посуду.

Макс. Леся, а может Марго права. Смысл не в пользе, а в том, что есть я, эго, так сказать. Есть в тебе что-то – не скрывай, не бойся себя, не бойся выказать. А дальше трын-трава. Польза – кому она нужна.

Леся. Странные вы мужики люди. Понять, по полочкам разложить. А вот есть человек и ты его любишь или не любишь. И не важно почему. Любишь – идёшь за ним. Не любишь – не идёшь. И в этом смысл. Или рассвет такой, спокойный, правильный, чуть в дымке. И строчки. Например: «Каждый пишет как он дышит, не стараясь превозмочь. Так природа захотела ...»

Макс. Почему – не наше дело. Отчего – не нам судить.

Леся. А про Я. Ты – не Марго. Она дышит по-другому.

Макс. (*Грустно*). Да, я не Марго – в этом всё дело.

Балкон. Эрнст и Рыжик. На столике «Посольская» и недопитые рюмки.

Эрнст. Рыж, вот есть ребята в Калуге, студенты, классные. Отряд КоРНИ – Коммуна революционно настроенной интеллигенции. На Кубу посылки шлют, в детдом ездят, на селе агитбригадой выступают. Масс-медиа, вот про что надо писать, а вы чёрти о чём. Напиши, а?

Рыжик. Не напишу.

Эрнст. Почему?

Рыжик. Все это комсомольчики-добровольчики. Мой адрес – Советский Союз. Не буду я про них писать. Скучно.

Эрнст. А зря. Хорошие ребята.

Рыжик. Может и хорошие. Пока. А если что случится первые друг друга сдадут. Конечно, во имя высоких идеалов.

Эрнст. Почему так сразу – сдадут.

Рыжик. Может и не сдадут. Дело не в этом. Понимаешь, это всё на виду, рядом, понятно. А есть непонятное, только что

нарождающееся. То ли это будущее к нам заглядывает, то ли так, зигзаг, вывих. Про Макаревича слышал?

Эрнст. «Машина времени». «Вот хозяин гасит свечи – кончен бал и кончен вечер...»

Рыжик. Да, Он же про другое поёт. Это уже иные, другие. Или вот у хиппи был такой парень – Солнце звали. Почему к нему так тянулись?

Эрнст. Почему был? А сейчас?

Рыжик. В армии, говорят. Менты зачистку провели и всех кто непонятно кто и не успели откосить – в вооружённые силы.

Эрнст. Дела у твоих хиппарей нет. Вот они и непонятные. Человек понятен, если у него есть дело. По делам судить их. А дело на нашей стороне.

Рыжик. А где наша сторона? Сам рассказываешь про этих пней (*показывает наверх*) – они, что ли, – наша сторона?

Эрнст. Вот и надо отыскивать и подтягивать тех, кто придёт. Пни уйдут, а кто вместо?

Рыжик. Пока тянешь, потянешь, такими же древовидными сооружениями станут.

Эрнст. Рыж, надо не мостить путь в тупик, а выводить на дальнюю дорогу, что к светлому миру тянется.

Рыжик. Может надо. Только знать бы в какой стороне дальняя дорога.

Эрнст. А сторона такая: Свободное развитие каждого – свободное развитие всех. В переводе – коммунизм.

Рыжик. Это абстракция, лозунг. Но абстракции надо чем-то конкретным пополнять.

Эрнст. Романтическим идеалом.

Рыжик. Что, что? Романтика, Эрнстюша, – это плёнка на глаза, которая всё застилает.

Эрнст. Но что-то должно быть?

Рыжик. Не знаю что. Пойдём-ка в люди. (*Забирает бутылку, идёт в зал*).

Зал. За пианино Ксансаныч наигрывает не очень ясную мелодию. Рядом Улька, Леся и Марго, Макс.

Улька. Десять лет уже прошло. Ой-ёй-ёй. А Ксансаныч?

Ксансаныч. И мы, и девушки наши не юны ...

Марго. И вслед нам махают ...

Макс. Меланхолия – это всё, братцы. Саня, давай-ка что-нибудь прозрачное.

Ксансаных начинает песню. Улька и Леся, потом Марго, Макс и появившийся Рыжик подпевают на голоса.

Хор.

Сумерки. Природа. Флейты голос нервный. Позднее катанье.

На передней лошади едет император в голубом кафтане.

Белая кобыла с карими глазами, с чёлкой вороною.

Красная попона. Крылья за спиною, как перед войною.

Вслед за императором едут генералы, генералы свиты,

Славою увиты, шрамами покрыты, только не убиты.

Следом – дуэлянты, флигель-адъютанты. Блещут эполеты.

Все они красавцы, все они таланты, все они поэты.

Всё слабее звуки прежних клавесинов, голоса былые.

Только топот мерный, флейты голос нервный да надежды злые.

Всё слабее запах очага и дыма, молока и хлеба.

Где-то под ногами и над головами – лишь земля и небо.

Макс посреди песни уходит на балкон.

Балкон. Эрнст один. В руках бутылка «Посольской». Говорит в пустоту.

Эрнст. А почему так. Потому что куража нет. Пассионарности.

(Входит Макс). Выпьем. *(Наливает себе и Макс).* За пассионарность.

Макс. *(С некоторым удивлением).* Ты знаешь, что такое пассионарность?

Эрнст. Знаю. Гумилёв младший. Почитывал. Для служебного пользования.

Макс. Ну, тогда, прозит, друже *(поднимает рюмку, выпивают).*

Эрнст. Комиссары.

Макс. Какие ещё комиссары?

Эрнст. В пыльных шлемах. Вот они пассионары и есть – мир перевернули.

Макс. *(Мрачно)* В Архангельске комиссар Кедров вывез в море баржу с кадетами и затопил. Комиссары, мать твою.

Эрнст. Во всяком лесу найдётся свой шакал. Звери не виноваты.

Макс. Не понял.

Эрнст. Сказочка такая есть. Жили-были в лесу нормальные звери. Медведи, тигры, львы, носороги, ёжики, зайцы. Разные звери. И каждый был справедлив и строг – настоящие комиссары. Но появился в этом лесу шакал. Он то ночью ёжиков, зайчиков задрал, съел, а косточки к тиграм, львам, медведям и носорогам подбросил. С тех пор и слывут комиссары хищниками.

Макс. А продолжение таково. Шакал постарел, растолстел, зубы попортил и стал травоядным. Неудобных зверей не съедает, а из леса выгоняет.

Эрнст. Это ты про Александра Исаевича?

Макс. И про него тоже. Выставили.

Эрнст. Глуп шакал. «Август четырнадцатого» надо было печатать и Лакшина с Натаном Эйдельманом на него напустить. Они нашли бы что сказать.

Макс. Может и так.

Эрнст. Машину можно будет поправить и колесо закрутятся в нужную сторону.

Макс. У вас все там, в отделе, такие наивные? Веруете, что машину можно подкрутить и исправить.

Эрнст. Веруем. И ты веруешь. Все мы комми.

Макс. *(Медленно)*. Иногда, да. А иногда мне кажется – не чинится машинка. Менять надо.

Зал. Ксансаныч доигрывает какую-то мелодию. Захлопывает крышку пианино.

Ксансаныч. Такие песни *(смотрит на Ульку)*.

Марго. Леся, пойдём, поможешь, к чаю приготовить.

Леся с Марго и за ними Рыжик уходят. Остаются Улька и Ксансаныч.

Ксансаныч. А как твоя мелкота поживает?

Улька. Петюня – школьник. Первый класс закончил. Илья ему карту мира купили. А он и говорит: «А в Австралии другая карта». «Почему? – я его спрашиваю. «А вот смотри у нас в центре красное – Советский Союз, а у них в центре должно быть зелёное – Австралия». Пытаюсь спорить: «Как же Австралия – Советский Союз – большой,

а она – маленькая». А в ответ: «Нет, неправильно ты говоришь». Отправила к папе. Папа пока у нас авторитет.

Ксансаныч. Умный он у тебя – вот. Кстати, про Австралию. У нас в посёлке есть художник рыжий, бывший питерец. Гениальный, только пьяница. Он у меня полиинтерната разрисовал розовыми белочками и синими оленями в алых галстуках. И все по небу летают. Так вот вышел однажды рыжий художник из запоя и потопал в местный комитет безопасности писать заявление на эмиграцию в Австралию.

Улька. В Австралию?

Ксансаныч. Да.

Улька. И что там с ним сделали?

Ксансаныч. Отправили похмеляться. Но тут какое дело – он теперь после каждого запоя идёт в КГБ и заявление на Австралию пишет.

Улька. Ха-ха.

Ксансаныч. Пока терпят. И я терплю – ещё забор он у меня должен нарисовать. А что младшенькие?

Улька. Бобка в этом году болел и в детсад водить плохо получалось. Так он со мной на работу ходит. Так и говорит: «Мам мне пола лаботать – пойдём» – рэ – ещё не выговаривает. А дома со средним в маму – врача играют. «А вот тут у нас посудочка. А мамочки с деточками на укольчик пришли. Инфлюэнцик, миокалдик, плисыпочка», дула-мамочка... Наслушались от матери-врача.

Ксансаныч. Ба. Это у меня врач в интернате так разговаривает: засыпочка, инфлюэнцик. Вас что всех учат, что ли, этак говорить? *(Молчание)*

Улька. Санька, расскажи про себя что-нибудь.

Ксансаныч. Приводят из тундры пацана. Как твой старший – лет восемь. Помыли, одели, документы выпроводили, спать уложили. Наутро – где Иван. – У них в тундре каждый второй Иван – нет Вани. Нигде нету. Уж в тундру собрались за папкой–мамкой. Нашёлся! Спит себе тихонечно под кроватью и сны смотрит. Не спал он никогда на кровати и тарелок не видел. По-русски только пять слов и знает.

Улька. И как?

Ксансаныч. Здорово повозились. Ничего, огражданили – так мы это называем. На Новый год олежку в сказке изображал. Приз получил.

Улька. А может не надо их трогать? Живут себе люди в тундре, и живут – тоже цивилизация.

Ксансаныч. Может не надо, а может надо (*молчание*). Улька.

Улька. А-а?

Ксансаныч. Помнишь, когда уже разъезжались – мечтали.

Улька, (*Подхватывает*). Соберёмся мы вместе в маленьком городе, посреди леса, на берегу реки.

Ксансаныч. Рыж с Лесей будут издавать городскую газету, Марго и Макс преподавать в техникуме, Эрнст – заведовать в горкоме идеологией, а Улька, лечить детей.

Улька. Саня же директорствовать в школе.

Ксансаныч. А ведь у нас в посёлке всё есть: и газета, и техникум, и больничка. Поехали. (*Пауза*) Нам детский врач знаешь как нужен.

Улька. Саня, ты меня зовёшь с собой.

Ксансаныч. Зову.

Улька. Дети? Илья? Поезд идёт по другим рельсам, Саня.

Ксансаныч. Ты для меня...

Улька. Знаю. Но есть вещи главнее.

Ксансаныч. Главнее, чем я и ты?

Улька. Да, да! Дом. Дети. Семья. Судьба. Это больше. Прости меня, Саня. (*Целует в голову. Уходит*)

Прихожая. На табуретке у телефона Рыжик – что-то записывает в блокнот. Входит задумчивая Улька.

Рыжик. (*Захлопывая блокнот*). Звал с собой?

Улька. (*Садится на свободную табуретку*). Ага. (*Достаёт сигарету*). Дай. (*Рыжик вынимает спички. Даёт прикурить и сам закуривает*).

Рыжик. Не уговорил?

Улька. Ну что ты Рыж?

Рыжик. Илья?

Улька. Почему только Илья. Мишка, Петюня, Бобка. Дом. (*Затягивается*). Дом – это мир.

Рыжик. (*Задумчиво*). Дом... Может дом нас и держит – не даёт стать другим.

Улька. Другим?

Рыжик. Улька, есть большой, разный мир. В нём много людей и случайностей. И когда ты в него попадаешь – становишься другим, разным. С рыбаками – рыбаком. С пилотами – пилотом. С хиппи – хиппарём. и если не давать себе право быть другим, можно застрять в коробочке и только в окошечко на соседний дом глядеть.

Улька. Дети.

Рыжик. Что дети? Нам неизвестно, что из них станет. Есть такие строчки: «...и несутся вместе вскачь, с будущим героем, будущий палач».

Улька. Рыж, я не хочу быть другим.

Рыжик. Пока не хочешь.

Балкон. На балконе Марго. Смотрит в сторону улицы. Входит Ксансаныч.

Марго. *(Не оборачиваясь)*. Не уговорил.

Ксансаныч. Да я и не уговаривал.

Марго. *(С иронией)* Ну, да. *(Молчание)*. Скажи, Саня, ну с какой стати Улька должна идти за тобой?

Ксансаныч. Так я не её зову. У нас врачей не хватает.

Марго. *(С ехидством)*. Ах, да, врачей.

Ксансаныч. Без врачей не спасём.

Марго. Кого это наш Саня на этот раз спасти собрался?

Ксансаныч. *(Тихо)*. Тундровиков.

Марго. А их спасти надо?

Ксансаныч. Ага. Спиваются. И дети спиваются.

Марго. И тут приходит Ксансаныч *(передразнивает Макса)* и иже друже, и тундра спасена.

Ксансаныч. *(Вяло)*. Спасена.

Марго. Мир, может быть, и спасён. А ты?

Ксансаныч. Что я?

Марго. А ты? Твой мир, твоё Я погребены под спасённым миром.

Ксансаныч. Ну, что ты Марго на меня нападаешь?

Марго. Потому что на вас тошно смотреть. Макс обслуживает профсоюзы и считает это делом, ты заботишься о каких-то тунгусах, Рыж бежит от себя.

Ксансаныч. Это он не от себя, а от Леси бежит.

Марго. Да, от Леси, а значит и от себя – ко всяким хиппарям. Эрнст как прилепился к тени своего Че Гевары, так и отлепиться не может. С Лесей, вообще, диагноз – впрочем, она всегда таковой было.

Ксансаныч. Марго, ты плохо говоришь. Неправильно.

Марго. Нет, правильно. Смысл – не угробить себя, а дать себе, своему Я, волю.

Ксансаныч. Чтобы оно по нечаянности угробило другие Я.

Марго. Вот так у вас и получается или-или. Никаких или. Если человек не боится одиночества, не жаждет признаний, одобрений, наград, то душа его спокойна, и его Я никому не навредит. И он спасён.

Ксансаныч. Марго, а, может быть, всё наоборот. Помогая другим – помогаешь себе.

Марго. Да какая разница.

Ксансаныч. А это, смотря, с чего начать. С себя – так и застрянешь в себе. С другого – и себя быстрее увидишь.

Марго. Что-то мы с тобой совсем заумничали. А, может, мне к тебе уехать, Сань, а?

Ксансаныч. Зачем?

Марго. Спасать мир.

Ксансаныч. *(мрачно).* Ах, да. *(На балкон заглядывает Макс).*

Макс. Я вам не помешаю.

Марго. Макс! Он не берёт меня к тунгусам.

Макс. Ты почему, Ксансаныч, не берёшь женщину к тунгусам?

Ксансаныч *(машет рукой).* А-а ...*(уходит).*

Макс. Там Леся про пирог что-то спрашивает.

Марго. *(С недоумением).* Пирог? *(Хлопает себя по лбу. Убегает.).*

Кухня. Леся заглядывает в духовку. Входит Марго.

Леся. Марго, как узнать – готов?

Марго. Вот, спичечку берёшь, протыкаешь и пробуешь *(показывает на коробку спичек).*

Леся. *(Берёт спичку, тыкает в пирог).* Не, не готово. Как в жизни *(закрывает духовку).*

Марго. Что в жизни?

Леся. Как понять: твой человек – не твой человек. Надо попробовать.

Марго. Попробовала. Не готово. Дальше что?

Леся. Дальше пробовать. Может, повезёт.

Марго. А если не он не готов, а ты?

Леся. Почему. Вот есть он, вот к нему тянет, вот его жизнь, его интересы – надо в это погрузиться, и всё сложится.

Марго. Погрузиться? А не растворишься? Где граница: ты – он?

Леся. Если он – он, нет границ.

Марго. Как замечательно. Она дышит как он, она мыслит как он. И мужчина рад. Но потом ему надоедает жить в этом облаке. Или он устремляется в иную даль, куда она не успевает. И тогда мир надломился.

Леся. Да?

Марго. Да.

Леся. Это ты про Рыжика и меня?

Марго. Про Рыжика и тебя. Про Эрнста и тебя, про Саню и тебя. Но в последнем случае он оказался умнее – не дал приблизиться облаку.

Леся. Да. Верно. И про Рыжика верно. Он убегает, а я бегу за ним и не могу догнать.

Марго. Не надо бежать

Леся. Но я же женщина.

Марго. В том-то и то. Ты женщина, такой у тебя архетипчик, а будь человеком (*открывает духовку, пробует пирог*). Готово.

Леся. Нет, не так. Это потому, что ты, Марго – не женщина. Ты выстроила забор и за забором строишь никому не нужный замок. Ни Макс, ни Антошке.

Марго. Им от этого хорошо.

Леся. Им плохо. Я не вижу, что ли, как Макс всё время стучит в твои ворота, а ворота закрыты.

Марго. Когда надо, открываются.

Леся. Это про секс, а я про любовь.

Марго. Любовь – временное сумасшествие человечества. И ты Леся – временно сумасшедшая. А у тебя это даже не временное. Эрнст, Рыжик, Саня... Кто там следующий – Юрка?

Леся. Лучше быть сумасшедшей, чем холодильником.

Марго. Много ты понимаешь про холодильники.

Леся. Много ты понимаешь про сумасшествие.

Марго. Да кое-то слышала. Блюма Вульфовна объяснила.

Леся. А иди ты со своей Зейгарник в большие степи. Я его вижу, я его слышу, мне всё понятно, и я всё умею. И над нами шар. Вот и всё.

Марго. *(С недоумением).* Какой шар?

Леся. Большой и светлый.

Марго. *(С тревогой).* Леся, я боюсь за тебя. Давай, я тебя покажу специалисту. Вот есть Володька Столин.

Леся. Да иди ты со своим специалистом и своими границами. Деревянная ты – баобаб. *(Плачет и убегает).*

Зал. Все кроме Леси и Марго. Макс с Эрнстом передвигают стол на первоначальное место, в центр. Расставляют стулья. Приносят на стол самовар и чайник. Саня за пианино. Напевает.

Исторический роман
Сочинял я понемногу,
Пробиваясь, как в туман,
От пролога к эпилогу.

Входят Улька и Рыжик. Садятся рядом с Ксансанычем. Тихо подпевают.

Каждый пишет, что он слышит,
Каждый слышит, как он дышит,
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить.
Так природа захотела,
Почему, не наше дело,
Для чего, не нам судить.
Макс. *(Бормочет).* Отчего – не нам судить.

Входит Марго с пирогом на подносе, разрезанном на десять кусков. Ставит его на стол.

Марго. Мальчики, девочки, вперёд, трансфер.

Улька. А Леся?

Марго. Придёт.

Улька. *(Прислушиваясь).* Плачет?

Марго. Пройдёт.

(Улька вскакивает и идёт на кухню).

Эрнст *(Рыжику).* А ты что сидишь?

Рыжик (*морщится*). Бывает.

Эрнст встаёт было, смотрит на Рыжика и Саню, садится.

Входят, обнявшись, Улька и Леся. Садятся рядом. Марго пристально смотрит на Лесю.

Макс вынимает из серванта коробку со свечами, открывает, расставляет свечи на пироге. Рыжик спичками свечи зажигает. Марго выключает свет.

Макс. (*Почти торжественно*) Вот такие дела. Нам, «Роднику» – десять лет. Десять свечей. Как-никак юбилей. Пусть каждый возьмёт кусочек пирога со свечой и вкусит сей хлеб.

Марго. Но, прежде чем вкусить хлеба, настройтесь. В каждом кусочке спрятано слово. Для каждого. Кому что попадёт – знак судьбы.

Ксансаныч. Но нас семь. Кому три?

Марго. Один – Юрке, если придёт. Остальные – по востребованности. Начали.

Улька. А что делать со свечами?

Макс. Со свечами так: нашёл свой знак, обнародовал, на и туши свечку. Дело сделано.

Рыжик. Нужен контролёр, чтобы метки судьбы не искажал.

Марго. Я буду контролёр.

Эрнст. (*Разливая вино*). Тост. Сам напрашивается. За знаки.

Марго. Выготского почитываем.

Эрнст. (*Посмотрев на Марго*). Почитываем. За знаки судьбы.

Выпивают. Кто залпом, кто чуть прикоснувшись. Закусывают осторожно пирогом.

Макс. (*Вытаскивает из пирога записку*). Так, так. Читаю! (*Читает про себя*). Х-м. Что-то всемирное.

Улька. Читай.

Макс. (*С выражением*). Твой мир погибнет не от пожаров, а от раздражений и мелких дрызг.

Эрнст. Как-то пессимистично.

Ксансаныч. Почему же, вполне конструктивное – не раздражайся, не дрызгай, и мир спасён.

Рыжик. Дрызгать. Замечательный неологизм. Записываю. (*Изображает, что записывает*).

Марго. *(Обнаруживает записку в своём пироге, читает, немножко разочаровано).* У меня тут философия.

Эрнст. Давай философию.

Марго. Человек разрушает, а одарён созидать. Это про меня, что ли? Не хочу я разрушать.

Макс. Почему про тебя, про человека. А про тебя конец: созидать!

Марго. Хорошо, пусть будет так.

Рыжик. *(Обнаруживая записку).* Тут такое дело.

Макс. Давай, давай.

Рыжик. Точно про меня. «Когда ты напиваешься, смело берёшься за самое трудное дело. Нагл и нахален».

Улька. Последнее не твоё.

Рыжик. Почему же?

Эрнст. *(Бормочет)* Мне кажется, я такие слова где-то слышал. Ага, вот и у меня *(разворачивает записку).* «Кто изменяет жене и мужу, может изменить и отечеству». Всё хорошо. Жены нет, мужа тоже. Изменять некому. Спи спокойно, дорогое отечество. Аминь!

Рыжик. Замечательно и трогательно..

Ксансаныч. *(Находит записку).* А у меня такое мирное, мирное, прямо порадоваться хочется *(читает)* «Тепло, спокойно, и сверчок где-то кричит». Мечта!

Макс. Улька, а у тебя?

Улька. *(Торжественным голосом).* А у меня замечательная фигня.

Рыжик. Читай, читай.

Улька. И дача в Финляндии!

Марго. Вот это да, вот это судьба – обзавидуешься.

Улька. Здесь ещё не всё.

Рыжик. Давай до конца.

Улька. *(Торжественно).* Финита!

Эрнст. Что финита?

Улька. Вот здесь так написано *(показывает всем).* «Финита» и всё.

Записочку находит Леся.

Ксансаныч. Леся, а у тебя что?

Леся вскакивает, закрывает лицо руками, бежит к двери. Хлопает выходная дверь.

Макс. (*Заглядывает в Лесин листочек*). Н-да.
Улька. Рыжик, что сидишь?

Рыжик суетливо поднимается и, несколько медля, уходит. Хлопает выходная дверь.

*Затемнение.
Занавес.*

Часть третья

Над сценой бегущая строка.

Начало энергетического кризиса.

Юморина в Одессе: коллекционируйте улыбки.

Книга Натана Эйдельмана о декабристах.

Выставка Игоря Сокола в Новосибирске.

Новый секретарь ЦК Компартии Азербайджана – Гейдар Алиев.

Программа «Союз-Апполо»: советские космонавты в Хьюстоне.

Новый секретарь ЦК Компартии Грузии – Эдуард Шеварднадзе...

Зал. Действующие лица в разных местах зала. На диване. За столом. На принесённом с балкона кресле. Марго с Улькой что-то убирают со стола и приносят на стол.

Хлопок двери. Появляется Рыжик.

Рыжик. (*Сумрачно*). Не нашёл...

Ксансаныч. Рыж, телефон подружек. Быстро.

Рыжик достаёт блокнот. Листает.

Рыжик. Чёрт, не в этом.

Ксансаныч. Мамы.

Рыжик. (*Спотыкаясь*). 231597.

Ксансаныч идёт в прихожую. Дверь в прихожую остаётся открытой. Крутит диск телефона. Слышны длинные гудки.

Ксансаныч. (*Растерянно*). Не берёт.

Марго. Да, подождите. С ней такое бывает.

Ксансаныч. Но...

Рыжик. (*Сумрачно*). Бывает.

Звонок в дверь.

Прихожая. Марго открывает дверь. Из зала выглядывает Ксансаныч и Рыжик. В дверях Юрка. За ним прячется Леся.

Марго. Юрка! (*Рыжик и Ксансаныч раскрывают объятия. Вбегают Макс, Улька и Эрнст*). **Юрка.** Принимайте. (*Подталкивает вперёд Лесю*). Нехорошо девушку обижать. Кто тут главный обидчик? (*встаёт в мушкетёрскую позу*). Ты? (*Делает выпад в сторону Макса*).

Макс. Товарищ д'Артаньян, сдаюсь, сдаюсь (*поднимает руки*).

Леся. (*Смотрит на Рыжика*). Я им прощаю. (*Рыжик обнимается с Юркой, берёт за руку Лесю – ведёт в зал*).

Юрка обнимается с Ксансанычем, хлопает по рукам с Эрнстом, обнимает Ульку, кланяется, шаркая ножкой, Марго.

Зал. На столе три куска пирога с зажжёнными свечами. Вино. Недопитая водка. Бутерброды. По залу: на полу, на диване, на пианино, – «рассыпаны» тарелки с недоеденными бутербродами, кусками пирога, погашенными свечами. Из прихожей входит «вся компания».

Макс. Вот теперь порядок.

Улька. Все к столу.

Марго. Юрка, во-первых ты – сюда (*показывает на свободные стул*), во-вторых, выбираешь пирог, съедаешь пирог. В пироге записка с судьбоносным решением. Его, решение, не ешь.

Юрка. Ничего себе.

Эрнст. И говоришь тост.

Марго. Да, и говоришь тост.

Юрка. Алгоритм понял. Пью водку. Свечкою закусываю. Судьбу определяю. И, если силы останутся, говорю тост.

Рыжик. Замечательно. Какие у вас там умные в ящике.

Юрка. Цвет нации, звёзды. Но подождите. (*Вынимает из сумки пакет, извлекает из него алюминиевые квадратики с красными и чёрными цифрами. Раздаёт всем*). Настоящие. Сам отвинчивал.

Улька. Что это?

Юрка. Объявляю конкурс. Победителя в консервную банку.

Улька. Куда, куда?

Юрка. В консервную банку – это у нас так, станцию «Салют кличат.

Марго. А!

Юрка. Итак, начали. Поехали.

Эрнст. *(Изображает энтузиазм).* Номера невзлетевших ракет.

Юрка. Ответ не верен. Штрафую. *(Наливает Эрнсту первое, что попадает по руку).*

Ксансаныч. Порядок горшочков в детском саду.

Юрка. Однако, воображение у тебя, Санька!

Рыжик. Номера камер предварительного заключения, для тех, кто не знает, что это такое?

Макс. Рыж, ты кровожаден.

Марго. *(Напряжённо всматриваясь в квадраты. Хлопает в ладоши).* Ребята, я догадалась. Таблица Шульте.

Юрка. *(Радостно, удивлённо).* Да! Квадратики из таблицы Шульте.

Улька. А теперь объяснение для дурочки.

Марго. Есть такая штука. Таблица, а в ней вперемешку чёрные и красные, чётные и нечётные цифры. Изучается переключение внимания. Впрочем, есть разные инструкции – можно и другое изучать.

Юрка. *(Торжественно).* Во! Ответ верен. Так отбирают в космонавты. Можете готовиться. А квадратики настоящие. На них Рюмин тренировался.

Леся. А ты?

Юрка. Само собой. А без меня, а без меня, здесь ничего бы не бывало – вот если б не было меня.

Эрнст. Хвастун.

Марго. *(Перебивая).* Пирог!

Макс разливает вино и, не спрашивая, себе, Рыжику и Юрке водку.

Юрка. *(Тянется к пирогу).* Но здесь три куска.

Марго. Выбирай.

Юрка выбирает кусок пирога, разламывает пирог, вынимает записочку, читает про себя.

Эрнст. Вслух! *(Леся с напряжением слушает).*

Юрка. Можно и вслух. «Одному Богу известно, в чём твоё признание». Ну, да, конечно – кривая Кеплера.

Улька. Ещё раз для дурочек.

Юрка. А это так: летишь, летишь, а потом прилетаешь.

Ксансаныч. Как всё понятно.

Макс. А теперь тост.

Юрка. (*Поднимая рюмку*). Вы, как я понимаю, уже всё сказали, поэтому на латыни: «Per aspera ad astra».

Рыжик. Через тернии к звёздам.

Юрка. Ответ верен. Да. Но звёзды – это не обязательно небесные звезды. Хотя, может быть, они – самые главные. Звезды – всё что указывает путь: дело, люди, идеи. Но только, чтобы через тернии – иначе, это не путь – да, Леся, а баловство.

Эрнст. За такой тост только стоя.

Встают. Чокаются. Улька подкладывает Юрке бутерброды.

Рыжик. (*Задумчиво*). Но звезды могут повести в тёмную сторону.

Юрка. Это как ты их определишь.

Марго. Определишь?

Юрка. Определишь правильно и будет свет.

Марго. Предсказание светлого пути.

Юрка. Да.

Марго. Предсказание – это вещь. Давайте играть в предсказания.

Эрнст. Играть в предсказание?

Марго. Да. Кто-то выходит из комнаты (*оглядывается*) на балкон. И мы предсказываем его жизнь. Потом зовём и всё выкладываем.

Юрка. Годится. Только чур, без обид. Я пошёл (*берёт тарелку с закуской, бутылку, за пояс засовывает рюмку, идёт в сторону балкона, напевая*): «Земля в иллюминаторе, земля в иллюминаторе...».

Рыжик. Э-э (*показывает на бутылку*).

Юрка. А как же. Готовиться надо. Без подготовки, тренировки можно не выдержать.

Макс. Ну, тебе виднее, друже.

Отодвигают стол. Все располагаются неправильным кружком. На полу в центре круга оставшиеся куски пирога и горящие свечи. На балконе тень Юрки.

Макс. Ну, так сказать, начали.

Улька. У Юрки будет большая семья.

Ксансаныч. Трое детей.

Леся. Четверо.

Эрнст. Пятеро...

Рыжик. И все космонавты.

Ксансаныч. Ха-ха

Улька. Почему же все. Пусть один.

Макс. Жену зовут Катя.

Леся. Катя?

Марго. У него там есть какая-то Катя. (*Леся вздрагивает*). Сама слышала.

Эрнст. И полетит Юрка на Марс.

Улька. Главное – Вернётся.

Марго. А потом станет таким дедушкой, девяноста лет.

Рыжик. Дважды Герой.

Эрнст. Трижды.

Ксансаныч. Будет сидеть в кресле-каталке в окружении внуков и рассказывать как боролся с марсианскими чудовищами.

Улька. И вспоминать нас.

Макс. Во!

Марго. Годится! Давайте звать.

Хор. Юрка! Юрка!

Появляется Юрка с пустой рюмкой и бутылкой. Внимательно оглядывает всех.

Рыжик. Кто будет говорить?

Марго. Макс, говори.

Макс встаёт и откашливается. Затемнение.

Та же обстановка. Макс закончил говорить. Общее молчание.

Юрка (*Медленно*). Однако, вы, братцы, даёте. Особенно про пять детей и всех космонавтов. Впечатлило. (*Наливает себе из бутылки. Выпивает*).

Марго. Следующий?

Эрнст. Я пошёл (*отбирает у Юрки водку*). И где мне взять такую песню...

Рыжик. (*Печально*). Этак и нам ничего не останется.

Эрнст машет бутылкой и скрывается на балконе.

Макс. Ясно дело – посол на Кубе. Друган нашего другана Фиделя.

Рыжик. С которым знойным перламутровым вечером, когда на море бриз и рыбаки несут в дом серебристую рыбу...

Юрка. ... и команданте отдыхает в компании русского друга от честного ежедневного руководства революцией.

Рыжик. Да. Пьют наш Фидель и наш Эрнст настоящий кубинский ром и вспоминают общего друга и почти тезку Эрнесто Че Гевару.

Ксансаныч. Че, не трогать.

Марго. И вообще мы о ком.

Макс. Хорошо. Пролистали. Возвращается наш Эрнст в СССР. С молодой женой Люси Карлос Хуанторено.

Марго. Мулаткой.

Макс. Ах, да, с мулаткой. И тут его быстренько выбирают в ЦК.

Юрка. И даже в Политбюро.

Рыжик. Однако, увы, из Политбюро его выставляют за пропаганду марксизма – кубизма.

Макс. И отправляют послом в Руунди-Бурунди.

Ксансаныч. Где он среди баобабов и племени хунцы мирно посольствует вплоть до пенсии.

Рыжик. До пенсии? Какие-то у нас очень гуманистические нравы в Политбюро.

Уля. А когда он вернётся.

Макс. С хорошей пенсией.

Улька. Вернётся на улицу Беговая в окружении разноцветных детишек.

Леся. Беленький мальчик и чёрненькая девочка.

Рыжик. Писать книгу про свою яркую жизнь.

Макс. Которую не напечатают.

Улька. Почему?

Марго. Политбюро не велит.

Ксансаныч. Как-то грустно кончается.

Юрка. Ничего, зовите нашего Че Гевару.

Хор. Эрнст, готово.

Входит Эрнст, слегка пошатываясь. немного настороженный.

Марго. Рыж, тебе.

Рыж встаёт. Затемнение.

Те же. Рыжик только что закончил. Эрнст чешет затылок.

Эрнст. *(Громко)*. Там продолжение. Переправляет наш герой свою непечатную книгу зарубеж, например в ФРГ, в НТС, и становится заслуженным диссидентом.

Макс. Ну, если ты так хочешь.

Эрнст. Не хочу, но так получается. И вообще, *(машет пустой бутылкой)* кто у нас следующий? *(Марго смотрит на него с подозрением)*

Леся. *(Подскакивает)*. Я, следующий.

Улька. На балкон.

Леся берёт оставшийся кусочек пирога идёт к балкону. На пороге оглядывается на Рыжика и Юрку.

Ксансаныч. Только не зарываться.

Эрнст. Хорошо.

Улька. В маленьком уютном домике.

Ксансаныч. Живёт-поживает бабушка Олеся с внуками.

Эрнст. С внуками? А дети есть?

Улька. Дети тоже здесь. При ней. И муж.

Макс. А кто муж?

Марго. Проехали. Есть муж.

Ксансаныч. И готовит каждый субботний вечер бабушка Олеся пирог с вишней и брусникой.

Рыжик. А брусника откуда?

Ксансаныч. Из леса, вестимо. Я присылаю.

Юрка. Это уже интереснее.

Макс. Собственно всё.

Эрнст. Как всё?

Улька. Достаточно. Зовите человека.

Хор. Леся!

(Входит Леся)

Юрка. Пусть Саня говорит.

Ксансаныч. *(Откашливаясь).* Итак, в маленьком уютном ...

Затемнение.

Зал. Те же.

Леся. *(Глаза у неё влажные).* Спасибо, ребята. *(Прислоняется к Ульке. Все немного в смущении.)*

Марго. Ксансаныч, тебе.

Ксансаныч. Ага. *(Надевает пилотку. Салютует. Шагает к балкону).*

Макс. С Саней всё понятно: учебник педагогики двадцать первого века. Великие педагоги прошедшей эпохи Макаренко и Ксансаныч.

Марго. Студенты зубрят его высказывания и получают двойки за невыученное.

Рыжик. А в большом городе Средневиллюйске стоит памятник Ксансанычу.

Улька. Прижизненный.

Рыжик. Да, прижизненный, и пионеры у памятника проводят пионерские сборы «С кого брать жизненный пример».

Эрнст. А девочки из педагогического техникума дают клятву юного педагога. *(Встаёт, поднимает руку в ротфронтовском приветствии).* Вот так.

Макс. Ксансаныч же взирает на это безобразие с личного балкона.

Марго. В окружении тунгусов и тунгусок.

Макс. В окружении тунгусов и тунгусок. И машет людям родниковым галстуком.

Юрка. Радуется жизни.

Улька. И расчёсывает усы...

Рыжик. Большим якутским гребнем.

Улька. Класс. Зовите.

Хор. Ксансаныч!

Входит Ксансаныч. Отдаёт салют.

Эрнст. *(Встаёт).* Камрад, здесь такое дело, понимаешь ...

Ксансаныч. Всегда готов.

Затемнение.

Те же. Эрнст и Ксансаныч уже в кругу.

Ксансаныч. Про тунгусок как-то тема не развёрнута.

Макс. Всё-то тебе расскажи. *(Встаёт).* Ну, я, так сказать, пошёл *(прихватывает было бутылку – она пустая. Ставит назад на стол. Машет рукой. Уходит на балкон).*

Юрка. Поехали.

Рыжик. Живёт наш Макс в некоем городе на некоей улице.

Марго. Хорошо начали.

Юрка. Преподаёт основы научного коммунизма в социально-технологическом институте.

Леся. В каком, каком?

Эрнст. В социально-техно-логи-ческом.

Рыжик. Кандидат философских наук. Диссертация. «Профсоюзное движение при развитии социализма».

Улька. У нас всё ещё развитой социализм?

Рыжик. А как же.

Эрнст. Студенты к нему не очень-то. Придирается.

Юрка. Начальство тоже. Подавал на заведование кафедрой. Не дали.

Улька. Почему?

Юрка. Не с теми дружил.

Леся. Как-то мы всё про работу.

Ксансаныч. Во! Коллекционирует трубки.

Эрнст. Из африканского дерева, из баобаба.

Рыжик. На это уходит значительная часть зарплаты. Жена недовольна.

Леся. А жена кто?

Рыжик. Как кто? Марго. Как же без неё нашему Максу.

Марго. Ну, ну.

Эрнст. По ночам слушает Немецкую волну и закусывает коньяком *(оглядывается в поисках рюмки – не находит).*

Улька. Что-то грустная у нас картинка.

Рыжик. А жизнь, Улька, это такая грустновесёлая штука.

Марго. Ладно, зовите.

Хор. Макс!

Появляется Макс, хорохорится, предчувствуя какую-нибудь хохму.

Юрка. Рыж, говорить тебе.

Рыж, нехотя встаёт. Затемнение.

Там же. Макс молча тянется к трубке. Не спрашивая разрешения, закуривает. Молчит.

Общее молчание. Марго со вздохом встаёт и идёт к балкону.

Ксансаныч. (*Неуверенно*). Начали.

Юрка. Доктор по психологии.

Эрнст. (*Уточняя*). Доктор психологических наук.

Юрка. Ну, да.

Рыжик. Диссертация «Марксистская критика этого проходимца Абрахама Гарольда Маслоу», где показано (*торжественным голосом*), что наша отечественная психология, крепко стоящая на ногах диалектической методологии, в лице Анатолия Николаевича и Артура Вадимовича...

Улька. А кто это?

Макс. Неважно. Важно, что они стоят на ногах и видят вдаль.

Ксансаныч. А поближе к делу.

Юрка. Да, всё нормально. Преподаёт на психфаке, посещает не наш город Лондóн и наш город Прагу.

Эрнст. Доверяют, значить.

Рыжик. Вот только сын, Тошка, с мамкой ругается, и наш уважаемый мэтр от психологии не может с ним справиться.

Ксансаныч. (*Вздыхая*). Подростковый возраст.

Рыжик. Да, подростковый возраст у Антошки: двадцать восемь лет, вторая жена и туманные перспективы.

Улька. Разошлись мужики. Чего на женщину нападаете?

Эрнст. Сейчас в академики изберём.

Рыжик. Да и Макс при ней. Правда, Макс? (*Макс молчит*).

Ксансаныч (*напевает*). Проходит жизнь, проходит жизнь, как ветерок по полю ржи.

Леся (*зовёт*). Марго!
(*Появляется Марго. Смотрит на всех насмешиливо*).
Юрка. Слово скажет Ксансаныч.
Ксансаныч. Я?

Встаёт. Затемнение.

Зал. Те же.

Марго. Ну, может быть, так, может и не быть.
(*Рыжик поднимается*).

Рыжик. А теперь на арене ваш покорный слуга
(*Раскланивается, берёт пустую бутылку «Посольской», шагает к балкону*). Только честно-честно, договорились?

Марго. Да, уж, иди.

Макс. Во-первых, первое перо известной всем уважаемой газеты.

Юрка. Пишет очерки, вызывающие несомненный интерес в широких узких кругах.

Эрнст. Ага.

Леся. Про космонавта Юру, педагога Ксансаныча, популярного врача Улю...

Ксансаныч. (*Подхватывая*). Творчески работающего преподавателя научного коммунизма Максима, известного молодого советского психолога Маргариту, про то в каких сложных руандинских условиях работают наши люди.

Макс. И вот тут-то вышла история: работавший в сложных африканских условиях Эрнст не оправдал доверия, и статья нашего Рыжика была признана незрелой и даже вредоносной.

Юрка. И тут начался трам-та-ра-рам. Рыжик не захотел исправляться, и его по блату, на время...

Ксансаныч. На время.

Юрка. ...Отправили в районную газету Средневожско-Уральской области.

Эрнст. И сидит Рыж в этой Тьмутаракани.

Ксансаныч. Временно.

Марго. Восемнадцатый год.

Макс. Пишет талантливо про надои молока. Критикует заведующего районным клубом за невнимание к молодёжи. Берёт

правильные интервью у председателя районного исполкома Ивана Петрова.

Ксансаныч. А также учит журналистскую молодёжь газетному мастерству и жизни.

Макс. Но молодёжь к деду Рыжику относится снисходительно и под пиво и местную воблу объясняет ему, что он предатель народной интеллигенции и советского народа.

Улька. И вот однажды.

Ксансаныч. В этой теме важен нужный тон.

Улька. *(Отмахивается от Ксансаныча).* И вот однажды в районный комитет партии приходит телеграмма. И в ней ...

Марго. Вот тут стоп.

Эрнст. Как стоп?

Марго. Вот так. Рыж! Проявись!

(Появляется несколько настороженный Рыжик).

Марго. Говорить будет Макс. *(Макс смотрит на Марго с недовольством, но поднимается навстречу Рыжику).*

Макс. Друже, вот тут какое дело...

Затемнение.

Те же. Макс закончил речь, садится и смотрит, как и все, на Рыжика.

Рыжик. А фиг вам.

(Все несколько расслабляются).

Марго. Так. Кто остался? Улька. Улёк, выходи.

Улька. Не пойду.

Эрнст. Как так?

Юрка. Товарищ врач, что ещё за фокусы.

Улька. А я и так всё знаю про свою жизнь.

Макс. Но...

Леся. Не нужно это человеку, и не нужно.

Эрнст. А...

Ксансаныч. Никаких «А».

Марго. *(С грустью).* Какой счастливый человек, всё знает.

Макс. *(Просительно).* Рыжик, «Кассандру».

Рыжик. *(Как бы очнувшись).* Да.

Сдвигается ближе к догорающим свечам. Поёт асаpелло.

Без умолку безумная девица

Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев -
Во все века сжигали люди на кострах.

И в ночь, когда из чрева лошади на Трою
Спустилась смерть, как и положено, крылата,
Над избиваемой безумною толпою
Кто-то крикнул: «Это ведьма виновата!»

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев -
Во все века сжигали люди на кострах.

И в эту ночь, и в эту кровь, и в эту смуту
Когда сбылись все предсказания на славу,
Толпа нашла бы подходящую минуту,
Чтоб учинить свою привычную расправу.

Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»
Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев -
Во все века сжигали люди на кострах.

Пауза

Громкий телефонный звонок.

Прихожая. Из двери зала появляются Юрка и Макс.

Юрка. Это наверно мне. *(Берёт трубку. Разговаривает с кем-то.)* Да... Есть... Понял...Время? *(Смотрит на часы)*. Двадцать – двадцать пять...

В прихожей появляются Рыжик и Леся, За ними Ксансаныч, Улька, Марго, Эрнст.

Юрка. *(В трубку)*. Есть ... Принято... *(кладёт трубку. Оборачивается ко всем)*. Увы, братцы, ухожу. Такое дело. *(показывает на телефон)*.

Рыжик. *(Иронически)* Приказ Марсельскому полку?

Юрка. *(Без иронии).* Приказ.

Леся. Но...

Юрка. Леся, бывают такие штуки, что «но» не работает.

Обнимает одновременно Рыжика и Лесю. Обнимает Макса и Марго, Эрнста, салютует Ксансанычу. Ксансаныч смотрит на Юрку понимающе и отвечает салютом почти серьёзно. Открывает дверь, Оглядывается. На мгновение замирает, как бы вглядываясь во всех. Дверь закрывается. Пауза.

Ксансаныч. *(Смотрит на часы).* Пожалуй, и мне. У меня пацаны же в интернате на Усачёвке. Пристроил. До двадцати одного они у меня на самоуправлении. Дальше не выдержат. Пора покомандовать. *(Несколько суетливо оглядывается.. Рыжик выходит в зал и возвращается с рюкзаком.)*

Рыжик. Этот?

Ксансаныч. Ну, да. *(Берёт рюкзак. Смотрит на всех. Не уходит. Обнимает решительно Ульку, потом Рыжика и Лесю. Хлопает по плечу Эрнста, салютует Максусу, целует руку у Марго, но потом и обнимает её).*

Марго. Саня...

Ксансаныч. Всё о'кей, Марго. *(Поднимает вверх руку со сжатым кулаком).* Мы победим ребята. Ноу пасаран, да Эрнст?

Эрнст. *(Невнятно)* Ноу пасаран.

(Ксансаныч уходит).

Улька. *(Торопливо).* Ну, я тоже на выход. Обещала быть у Людки – это моя однокашница по меду – не позже одиннадцати

Марго. *(Неуверенно).* Да подождёт твоя Людка.

Улька. Там дом такой: не явишься в сговоренный час, Людка поднимет скорую, милицию и пожарную охрану. Лучше не нарушать. Да, потом у нас там консилиум по одной детки. Так что... так что...*(Оглядывается, находит свои пакеты, они оставались здесь. В прихожей. Обнимает Марго, Макса. Грозит пальцем Эрнсту. Обнимается долго с Лесей, что-то шепчет ей на ухо. Толкает дружески Рыжика. Открывает дверь. Долго смотрит на всех . Уходит.)*

Рыжик. Ребята, мы тоже двинем *(тянет за руку Лесю).*

Леся. Ну, да, мы тоже.

Макс. А то оставайтесь, попоём ещё. «Лыжи у печки стоят...». Выпьем.

Леся. (Оглядывается на Рыжика) А?

Рыжик. «Гаснет закат за горой...». В следующий раз, да.

Леся. (Эхом) В следующий раз. (Рыжик обнимает Макса, Марго, Эрнста. Леся целует Марго, Макса и небрежно обнимает Эрнста. Рыжик пропускает на пороге вперёд Лесю. Оба, с порога, машут руками. Уходят. Марго задумчиво машет в ответ.)

Эрнст. (Заплетающимся голосом). Я тоже...

Марго. (Решиительно) Куда? До первого вытрезвителя? Фигушки. Макс, ты знаешь где там в шкафу чего взять. (Берёт Эрнста за спину. Ласково). На диван.

Макс. (Берёт Эрнста с другой стороны за плечи). Пошли, дружище. Твой диванище тебя ждёт.

Эрнст и Макс. А где нам взять такую песню... (уходят в зал)

Марго. (Вдогонку). Макс, я на кухню.

Макс. Понял, Маргуша.

Кухня. Марго в фартуке моет посуду. Входит Макс, надевает фартук.

Марго. Устроил бедолагу?

Макс. Да. Как всегда.

Марго. Присоединяйся.

Макс берёт полотенце, начинает вытирать тарелки.

Марго. Вот живёт человек: то ли есть дом, то ли нету. Работа – не работа. Так, фигня. И баба то ли есть, то ли нет. Жалко его, (пауза) дай-ка вон ту сковородку.

Макс передаёт сковородку. Продолжает вытирать посуду.

Марго. Или Улька. Живёт как в коконе. А может пора вылезать из кокона и в бабочку превращаться.

Макс. Да.

Марго. И Рыж...

Макс. Что Рыж?

Марго. Этот сплошной бег.

Макс. Может в этом счастье. Бежишь и не замечаешь, что, как.

Марго. Да какое тут счастье. Дай вон ту кастрюлю.

Макс передаёт кастрюлю.

Марго. Ну а Леся. Хоть остановилась бы на чём-то.

Макс. На ком-то.

Марго. Не. На чём-то. Кто-то сам тогда появиться.

Макс. Но Юрка.

Марго. Что Юрка. Ужасно, когда человек не может собой распорядиться. Всё кто-то и куда-то его строит. А Санька? Прибрала бы его какая-нибудь тунгуска. Ну что это за квазисемейство.

Макс. Квазисемейство – это его интернат что ли.

Марго. Ну, да. (*Перестает мыть посуду, оборачивается к Макс*) Макс! (*Макс то же останавливается и оборачивается к Марго*). А это мы о ком говорим?

Макс. (*Шёпотом*) О нас.

Смотрят друг на друга. Подходят друг к другу. Обнимаются. Стоят какое-то время обнявшись. У Марго слёзы

Марго. (*Отрываясь от Макса, Макс пытается её не отпускать*). Всё, всё, Максик. (*Отходит к посуде*)

Затемнение.

Звон посуды.

Эпилог

На сцене дом Макса и Марго, каким он был в Прологе.

На переднем плане – раскрытый диван.

На нём, спиной к зрителям, обнявшись Девушка и Юноша. Вечер.

Заходит солнце.

В центре сцены большой экран. На нём фотография отряда «Родник» 1964 года.

Девушка. А что стало потом?

Юноша. Потом? С ними?

Девушка. Да.

По мере дальнейшего действия на экране крупным планом – действующие лица, такие, какими они были в 1964 году.

Юноша. Про Макса, про деда. Академик. То ли пятнадцать, то ли девятнадцать книжек. В девяностые уезжал, потом вернулся. Пьёт.

Девушка. А Марго?

Юноша. Осталась в Миннеаполисе. С дедом расстались. Вышла за юэсейника. Работала психологом в банке. Потом что-то вроде банкира. Образцово-показательная американская старушка – ездит по миру.

Девушка. А что с Рыжиком?

Юноша. Дед говорил: в девяностых вляпался в политику. Добивался правды. А потом как-то непонятно умер: то ли сам, то ли помогли.

Девушка. Умер? *(Вздыхает)*. А Улька?

Юноша. Улька как была врачом, так и осталась. Половина питерских мамашек с детками к ней в очередь стоят. Из государственной медицины сбежала. Частная практика. Старший сын, знаешь кто *(шепчет что-то на ухо)*.

Девушка. Ничего себе!

Юноша. Опекает бабушку.

Девушка. Ксансаныч?

Юноша. Так и директорствовал в Якутии. Усыновил якутёнка. Погиб.

Девушка. *(Вздвигнув)*. Что?

Юноша. Переходил с детьми железную дорогу. С горки покатались вагоны – какой-то алкоголик башмаки поубирал. Детей успел вытолкнуть. А сам...

Девушка. Жалко его. *(Молчание)*. А Эрнст, на Кубу уехал?

Юноша. На Кубе был, потом вернулся. В 1993-ем встал не на ту сторону. Прозябает где-то мэнээсом. Пьёт. Лечился. Но всё равно пьёт.

Девушка. Леся?

Юноша. Не знаю. Слышал только, что рассказы пишет. И ищет новую любовь.

Девушка. Но ей же семьдесят.

Юноша. Так бывает.

Девушка. А Юра стал космонавтом?

Юноша. Да. Четыре полёта. Три на «Союзе», раз с юэсэйниками на шаттле. Умер на Земле.

Девушка. Как на Земле?

Юноша. Заболел чем-то там *(показывает вверх)*. Лечился. Не вылечили.

Девушка снимает руку с плеча юноши и оборачивается к нему.

Девушка. А мы?

Юноша. Что мы?

Девушка. Мы. Что станет с нами, а?

Юноша обнимает девушку.

Экран поднимается вверх.

На сцене 1974 год. Вечерняя полутьма.

На авансцене Макс, Марго, Рыжик, Леся, Юрка, Эрнст, Улька, Ксансаныч – неправильным полукругом. Здесь же Девушка и Юноша¹.

У Рыжика и Ксансаныча гитары. На полу горят свечи. Песня.

Моцарт на старенькой скрипке играет.

Моцарт играет, а скрипка поет.

Моцарт отечества не выбирает -

просто играет всю жизнь напролет.

Ах, ничего, что всегда, как известно,

наша судьба – то гульба, то пальба...

Не оставляйте стараний, маэстро,

не убирайте ладони со лба.

Где-нибудь на остановке конечной

скажем спасибо и этой судьбе,

но из грехов своей родины вечной

не сотворить бы кумира себе.

Ах, ничего, что всегда, как известно,

наша судьба – то гульба, то пальба...

Не расставайтесь с надеждой, маэстро,

не убирайте ладони со лба.

Коротки наши лета молодые:

миг – и развеются, как на кострах,

красный камзол, башмаки золотые,

белый парик, рукава в кружевах.

Ах, ничего, что всегда, как известно,

наша судьба – то гульба, то пальба...

Не обращайтесь вниманья, маэстро,

не убирайте ладони со лба....

Лёгкий луч света пробегает от одного действующего лица к другому.

Свечи гаснут.

Занавес.

¹ Как расположены Девушка и Юноша: вместе с «Родником»? Позади «Родника» как его тень? На авансцене – лицом к «Роднику»? – решать режиссёру.

IV. Эпилог

Бывает время растяжимо.
И всё зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы заполняете его.
Хоть равномерны промежутки,
Но, положив их на весы,
Находим длинные минутки
И очень краткие часы.

По мотивам Самуила Маршака

Я работаю в школе,
Которую сам сочинил.
...
Падают доски...
Идёт общешкольный ремонт.
Он затянулся, как подобает
ремонту.
Падают листья...
В класс залетает, кружась,
несколько реплик прораба
откуда-то сверху.

Евгений Бунимович

Звонок.
Примолкли этажи.
Что ж мысль моя по школе бродит?
Что ищет,
что она находит,
Пока примолкли этажи?

Семён. Богуславский

С. Д. Поляков

Орбиты и пространства.

*Психология и педагогика:
идеи, люди, образы*

**Часть вторая
Люди и образы**

Книга печатается в авторской редакции.

Корректоры: Т. А. Слепцова, Г. А. Стрюкова, П. Г. Аверьянов.

На обложке: Е. П. Родин. Портрет лауреата Всесоюзного конкурса молодых учёных Сергея Полякова (1978 год).

Подписано в печать 01.02.2022
Усл. печ. л. 14.59

Тираж 500 экз.

Формат 60x84/16
Заказ № 238

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова»,
432071, г. Ульяновск